

АЛИСА РИЦІАР

ПОЛЮБИ МЕНЯ
В СЛЕДУЮЩЕЙ ЖИЗНИ

18+

Алиса Ришар

Полюби меня в следующей жизни

«Автор»

2025

Ришар А.

Полюби меня в следующей жизни / А. Ришар — «Автор», 2025

Её разум давно стал полем битвы между реальностью и кошмарами. Оказываясь в холодном кабинете, где время застывает, а эмоции подчиняются чужой воле, она встречает его. Он приходит каждую ночь, мужчина с пронзительным взглядом, от которого внутри всё сжимается. Тоска и гнев, страх и притяжение, всё сплетается в мучительный вихрь, от которого невозможно сбежать. Их объединяет лишь тонкая пелена сна, но даже в этой призрачной реальности его присутствие слишком реальное, настолько, что сводит с ума. Встретившись со взглядом его серых глаз наяву, она понимает: её разум не просто играет с ней. Кто-то или что-то хочет, чтобы она что-то вспомнила. Но хочет ли она этого? Вопросы множатся, тревога нарастает, а ночи становятся всё более опасными.

© Ришар А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	41
Глава 9	46
Глава 10	52
Глава 11	59
Глава 12	64
Глава 13	72
Глава 14	76
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Алиса Ришар

Полюби меня в следующей жизни

Пролог

В комнате царил полумрак, пронизанный дрожащим светом одинокой свечи в серебряном канделябре. Её трепетное пламя словно оживляло пространство: по тёмным каменным стенам струились причудливые блики, превращая гладкую поверхность в поток расплавленного золота. На мгновение я замерла, замороженная этим мистическим танцем света и тени.

Тишину нарушало лишь мерное тиканье старинных часов – они стояли слева, рядом с массивным книжным шкафом, чьи полки скрывались в сумраке. Я невольно поёжилась, обхватив плечи руками: холод просачивался сквозь огромное окно во всю стену, несмотря на толстую деревянную раму.

Это был сон. Я знала это наверняка – слишком уж часто видела этот кабинет. Менялись времена года, погода, пейзаж за окном, но сама комната оставалась неизменной, словно застывшей вне времени.

Вот небольшая софа с крошечными подушечками у белоснежного мраморного камина. Иногда я позволяла себе присесть на неё, наблюдая за игрой пламени. Удивительно, но в этих сновидения я ощущала всё: холод, жар, текстуру тканей... И всё же оставалась невидимой для окружающих.

Мой взгляд скользнул к центральному элементу комнаты – тяжёлому столу из тёмного дерева. Напротив него на стене висел огромный гобелен: искусная вышивка золотыми нитями изображала зачарованный лес. Впервые увидев его, я затаила дыхание – настолько реалистично были переданы детали: каждая ветка, каждый листок, будто сотканный из лунного света.

Приблизившись к столу, я осторожно провела пальцами по гладкой поверхности. Документы и письма, как всегда, были разбросаны в хаотичном порядке. Повернув голову к окну, я залюбовалась зимним пейзажем: сквозь заледеневшее стекло пробивались последние лучи солнца, а в воздухе кружились снежинки, мерцая, словно крошечные звёзды. Чёрные ветви деревьев отбрасывали изломанные тени, а одинокие фонари тускло освещали заснеженную дорожку парка.

Внезапный скрип двери разорвал чарующую тишину. Порыв ледяного воздуха обжёг оголённые участки кожи. Сердце бешено заколотилось в груди, когда я обернулась.

В кабинет вошёл мужчина. Его шаги гулко отдавались по неровной каменной плитке. Остановившись неподалёку, он засунул руки в карманы узких бриджей. В свете свечи его голубые глаза казались почти чёрными – бушующее море в час шторма. Он смотрел сквозь меня, на зимний пейзаж за окном. Его облик напоминал дворянина из старинных фильмов – тех, что я обожала смотреть с бабушкой в детстве.

Он сделал шаг вперёд, оказавшись почти вплотную ко мне. Я замерла, задержав дыхание. Его горячее дыхание щекотало кожу, по рукам побежали мурашки, а щёки вспыхнули от непривычной близости.

Голос дрожал, не позволяя произнести ни звука. Его присутствие изгоняло холод из моих озябших рук, даря обманчивое тепло. Тело затряслось от нахлынувших эмоций – они были настолько яркими, всепоглощающими, что я едва могла себя контролировать. Безграничная нежность переплеталась с отчаянием и тоской, душила, разрывала изнутри.

Где-то на задворках сознания вспыхнула ярость. Как же я ненавидела это! Каждый раз, стоило ему появиться, я теряла контроль над собой. Противоречивые чувства разрывали душу:

с одной стороны – неистовая ненависть, с другой – безграничная тоска и нежность. Это сводило с ума, терзало сердце, заставляло задыхаться от бессилия.

Его грудь прорисовывалась под тонкой шёлковой рубашкой, сшитой точно по фигуре. Серебряные пуговицы украшал едва различимый в полумраке герб. Меня охватило почти непреодолимое желание дотронуться до его светлой кожи, ощутить тепло его тела.

Воздух между нами сгущался, становясь почти осязаемым. Хотелось обхватить его руками, уткнуться лбом в широкую грудь, вдохнуть его аромат. Жар окутал меня, голова закружилась. Собрав остатки сил, я отступила – шаг, ещё один, пока не упёрлась спиной в холодную каменную стену.

Словно почувствовав моё отсутствие, он обернулся. В его глазах вспыхнуло пламя, а в глубине зрачков я прочла дикое, необузданное отчаяние. От этого зрелища у меня подкосились ноги, сердце болезненно сжалось. Я вцепилась в край небольшого столика у стены, пытаюсь удержаться.

Он прикрыл глаза, и морщинки на его лбу прорезались ещё глубже.

"Нет! Нет! НЕТ!" – отчаянная мысль билась в моём помутневшем от страха сознании. – Это невозможно! Он не может видеть или чувствовать меня! Это просто игра воображения!

Я отчаянно пыталась собрать остатки самообладания, удержаться на ослабевших ногах. Мир вокруг начал расплываться, невыносимая тяжесть навалилась на уставшее тело. Где-то вдали, словно сквозь толщу воды, доносился тихий, едва уловимый звук...

Глава 1

ПИП! ПИП! ПИП!

Сознание возвращалось урывками, будто сквозь вязкий туман. Противный писк будильника проникал под кожу, царапал уши, отдавался глухой болью в затылке. Веки не слушались – сон цеплялся за меня, словно мать, не желающая выпускать ребёнка из объятий. Лишь с третьей попытки удалось приоткрыть глаза.

ПИП! ПИП! ПИП!

Будильник не умолкал. Наконец, не выдержав, я рывком села на кровати. Несколько непослушных кудрей упали на лицо – видимо, выбились из пучка. Устало взглянув на тумбочку, я пыталась осознать, где нахожусь. В голове было непривычно пусто, мысли разбежались, словно испуганные мыши.

Спальня тонула в полумраке. Порыв ветра хлестнул по ставням приоткрытой форточки, и в комнату ворвался запах свежести и мокрого асфальта. На улицах Лондона шёл дождь. Прохладный воздух коснулся шеи, заставив вздрогнуть. С губ сорвался хриплый вздох – но даже он не мог заставить меня встать. Натянув одеяло повыше, я перевернулась на бок, укутываясь в тёплый кокон.

ПИП! ПИП! ПИП!

Пронзительный звук вернул в реальность. Глаза нашли смартфон на тумбочке. Одним движением я выключила будильник. Спальня погрузилась в тишину, нарушаемую лишь стуком дождя за окном – размеренным, почти успокаивающим.

Несколько минут я сидела, разминая затекшие мышцы, и пыталась осмыслить ночной сон. Что-то было не так. Последние четыре года сюжет не менялся: тот же кабинет, те же детали, тот же мужчина. Но сегодня всё пошло по незнакомому сценарию. Сердце сжалось от тревожного предчувствия.

«Новые таблетки дали эффект, – подумала я. – Наверное, стоит позвонить Тому».

Внутри всё сжалось. Результат оказался совсем не тем, на который я рассчитывала. Кожа покрылась мурашками. Я обняла себя за плечи – в спальне было прохладно. Пора перестать оставлять форточку открытой на ночь.

Взгляд скользнул к календарю на стене. С последней встречи с Томом прошло всего два дня. Значит, сегодня ровно неделя, как я принимаю новые таблетки.

Том стал моим третьим психиатром за три месяца. Я обратилась к нему в отчаянии, пытаюсь понять, почему мне постоянно снится один и тот же мужчина. Воспоминания о первом сеансе навалились тяжёлым грузом. Я снова увидела его доброжелательное лицо, глаза, полные сочувствия, когда я дрожащим голосом рассказывала свою историю. Он был последней надеждой. Но теперь ясно: таблетки не сработали так, как ожидалось.

Экран телефона засветился. «МАМА» – высветилось на дисплее. Я поспешно взяла трубку, прочистив горло.

– Привет, дорогая! Я не разбудила тебя? – бодрый голос матери раздался из динамика. – Звоню уточнить, во сколько ты собираешься выезжать. Мы с папой хотели устроить семейный ужин.

Я взглянула на часы напротив кровати.

– Нет, встала пару минут назад. Думаю, приеду поздно, мам. Нужно сдать заказ и договориться с хозяйкой квартиры, что меня не будет около месяца.

Голос едва дрогнул на последних словах. Я чертыхнулась про себя, надеясь, что мама не заметила. Не хочу, чтобы она думала, что у её дочери проблемы.

На той стороне повисла тишина.

– Дорогая, всё хорошо? – спросила мама.

В груди похолодело. Я ненавидела врать ей, но ещё больше – видеть её беспокойство.

– Да, мам, всё отлично. Просто поздно легла, хотела закончить работу до отъезда из Лондона.

После мучительной паузы мама тяжело вздохнула. Вина скрутила живот, в горле встал ком.

– Хорошо, – сказала она. По тону я поняла: она не верит. – Не буду учить тебя, что переработка и плохой сон вредны для здоровья. Ты уже большая девочка.

Я судорожно выдохнула. Волна облегчения накрыла меня. Мама не стала расспрашивать.

– Обязательно позвони, когда будешь подъезжать. Твой отец починил фонарь во дворе, я включу его.

– Обязательно, – выпалила я и быстро сбросила звонок.

Усталая улыбка растянулась на губах. Я была благодарна маме за то, что она не стала лезть с вопросами. Тепло разлилось по венам, и день уже не казался таким мрачным.

Положив телефон на тумбочку, я составила план: позавтракать, собрать вещи, отправить заказ Кайлу. Взгляд снова упал на календарь. Нужно позвонить Тому, перенести сеанс – или договориться о видеосвязи. Это значительно облегчило бы жизнь.

Убедившись, что ничего не упустила, я встала с кровати. Ступни обожгло холодом. Я ахнула и снова села, подняв ноги.

– Пора прекращать оставлять окно открытым на ночь, – усмехнулась я.

Привыкнув к холоду, я пошла в душ.

После утренних процедур собрала волосы в пучок и направилась на кухню. Заварив крепкий кофе, плюхнулась на стул, взяла планшет. Найдя нужный файл, отправила его Кайлу.

Осторожно пригубив кофе, я посмотрела в окно. Небо было привычно серым. Капли стекали по стеклу. За окном люди спешили на работу, укрываясь зонтами. Дождь постукивал по крышам и подоконникам, создавая монотонный ритм, будто отбивая такт моему беспокойному сердцу.

Из размышлений вырвало оповещение на планшете. Через пару секунд в спальне зазвонил телефон.

– Привет, красавица! Клиент в полном восторге от работы. Скину деньги, как доеду домой, – весело сказал Кайл.

Перед глазами возник его образ: ярко очерченные скулы, серые, почти серебряные глаза и жизнерадостная улыбка. Кайл всегда улыбался. За всё время дружбы я ни разу не видела тени грусти на его лице.

– Бурная ночь? – спросила я.

– Ещё какая! Не жалеешь, что пропустила вечеринку месяца?

В этом был весь Кайл: развлечения на первом месте. Он знал, что хорош собой, и пользовался этим. Многие девушки из университета сохли по нему. Даже меня не обошли стороной его чары.

У нас было одно свидание – первое и последнее. Мои розовые очки быстро разбились, когда Кайл признался, что не ищет серьёзных отношений.

– Эй, ты что, уснула? Евангелина Алисия Кембэл, как вам не стыдно игнорировать верного друга и соратника! – с наигранным возмущением произнёс он.

– Тут я, просто задумалась. И прошу, не называй меня так, – раздражённо ответила я, сжимая кружку с остывшим кофе.

– Каюсь. О чём задумалась? Неужели обо мне? – понизив голос, растянул он, точно довольный кот.

– Все мои мысли посвящены учёбе, – с улыбкой ответила я.

– Ты разбиваешь мне сердце! – театрально вздохнул он.

Следующие полчаса мы болтали. Кайл рассказывал о вечеринке и новой подруге, а я слушала с улыбкой. В такие моменты я чувствовала себя живой и почти нормальной.

Закончив разговор, я отложила телефон и уставилась в окно. Порой боюсь забыть, какой была раньше – до врачей и ночных кошмаров. Эти воспоминания кажутся далёкими, будто из прошлой жизни.

Тогда всё было иначе. Я была другой...

Внутри всё онемело. Из горла рвался всхлип, но я подавила его.

«Почему всё происходит так? Почему ты приходишь именно ко мне? Кто ты?» – подумала я и тут же испугалась своих вопросов. – «Нет! Его не существует. Это лишь плод моей фантазии. Лина, соберись!»

В глазах потемнело. Я прикрыла их, стараясь унять головокружение. Медленно посчитала до десяти и открыла глаза. Дыхание сбилось, лёгкие горели, тело дрожало. По спине тек холодный пот, на лбу выступила испарина. Страх сжимал горло, мешая дышать.

Я сходила с ума от беспомощности. Медленно встала, пошатываясь. Ухватила за дверной косяк, как за спасательный круг.

Шаг – слабый, затем более уверенный. Держась за стену, я двинулась к спальне. Ноги дрожали, воздуха не хватало, в ушах шумело. Почти до крови прикусила язык. Слёзы скатывались по щекам. Тихий всхлип сорвался с губ. Внутри всё сжалось в тугий узел. Хотелось упасть на колени и разрыдаться, но что-то заставляло идти вперёд.

Дойдя до спальни, я упала на колени перед тумбочкой и лихорадочно искала успокоительные. Спустя несколько мучительных минут нашла пластинку.

Пальцы не слушались. В отчаянии отбросила упаковку, сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в кожу. Боль отрезвила. Шмыгнув, снова попыталась взять таблетки, стараясь дышать медленно, как учил Том.

Вдох... Выдох... Вдох... Выдох...

Это помогло лишь отчасти. Наконец, взяв две таблетки, я поднесла к пересохшим губам стакан воды и залпом выпила.

Опустившись на ковёр, прислонилась к кровати и подтянула ноги к груди. Закрывает глаза, прижимаясь лбом к коленям. Вслушиваясь в городской шум, я ждала, когда станет легче. Постепенно страх отступал, оставляя после себя лишь горькое послевкусие беспомощности...

Глава 2

Я в очередной раз бросаю нервный взгляд на приборную панель, затем снова сосредотачиваюсь на дороге, постукивая пальцами по старенькому рулю моего «Жука». Уже почти час я топчусь в пробке. В салоне душно, воздух будто сгустился, стало трудно дышать.

Впереди – бесконечная вереница машин. Сквозь закрытые окна пробиваются звуки гудков и возмущённые возгласы водителей. Голова гудит, шум в ушах нарастает, словно приливная волна. Я прикрываю глаза, стараюсь дышать медленно, размеренно – так, как учил Том.

День выдался неожиданно тёплым и солнечным, хотя утром небо хмурилось. К вечеру не осталось и следа от утреннего дождя.

Мысли невольно возвращаются к утренней истерике. По телу пробегает лёгкая дрожь, но я решительно отгоняю воспоминания, цепляясь за более светлые моменты. В голове всплывает разговор с психиатром. Какое же это было облегчение – Том согласился перевести сеансы в дистанционный формат!

Мне предстоит надолго покинуть Лондон, но прерывать терапию я не намерена. Где-то глубоко внутри ещё теплится надежда – вылечиться, снова стать «нормальной». Хотя Том уверяет, что я вовсе не сумасшедшая, что это лишь игры подсознания, но мне трудно в это поверить.

Одно радует: новые таблетки работают. Тот факт, что сон слегка изменился, – прямое тому доказательство.

Резкий гудок заставляет меня вздрогнуть. Секунду я в растерянности, пока не замечаю, что светофор давно горит зелёным.

«Чёрт, вот растяпа!» – мысленно ругаю себя, плавно нажимаю на газ, отпускаю сцепление и медленно трогаюсь.

К семи вечера я наконец выбираюсь из Лондона. Душный город остаётся позади. Выезжая на трассу, крепче сжимаю руль. Напряжение постепенно отпускает, и я позволяю себе расслабиться.

Приоткрываю окно – в салон врывается прохладный вечерний ветер. Он приносит свежесть, аромат полевых цветов, ласково щекочет лицо, играет с выбившимися из причёски прядями. Я улыбаюсь. Наконец-то чувствую себя легко и свободно.

Из динамиков льётся мягкая мелодия. Солнце медленно опускается к горизонту, его свет смягчается, а тени становятся длиннее. Закат раскрашивает небо в невероятные оттенки – от пылающего красного до нежно-розового. Деревья по обе стороны трассы тоже преображаются, приобретая тёплые, почти сказочные тона.

Меня охватывает внезапное желание остановиться, достать скетчбук из бардачка и запечатлеть эту красоту. Кончики пальцев покалывает от нетерпения. Но тут раздаётся звонок.

Нахмурившись, провожу пальцем по экрану.

– Да?

В ответ – лишь тяжёлое дыхание. Смотрю на экран: незнакомый номер. Грудь сжимает тревога, но я стараюсь её подавить.

– Алло? Вы что-то хотели? – повторяю, переводя взгляд с дороги на дисплей.

Тишина. Сбивчивое дыхание. Раздражение нарастает.

– Послушайте, если вы не собираетесь говорить, я вешаю трубку!

Уже тяну руку к экрану, но вдруг слышу голос, который так старалась забыть:

– Привет...

Глубоко вдыхаю, пытаюсь сохранить спокойствие. «Дыши... дыши...» – повторяю как мантру. Сердце сжимается от тоски и обиды. Воспоминания слишком свежи.

– Лина? Мы можем поговорить? – его голос, когда-то вызывавший трепет, теперь отзывается лишь тупой болью.

– Брайн...

– Пожалуйста... – он перебивает так резко, что я лишь беспомощно глотаю воздух. В его голосе столько отчаяния, что это почти сводит с ума.

– Нам не о чем говорить, Бейтс, – мой голос звучит хрипло и неуверенно.

Его фамилия срывается с губ, как острый клинок. Слышу его судорожный вздох. Во мне растёт чувство обречённости.

Я сжимаю руль так сильно, что костяшки белеют. Перед глазами вспыхивает наш последний разговор. Его тихое: «Прости...» Красивое смуглое лицо, зелёные глаза, в которых горит вина, но тут же гаснет, скрываясь за чем-то непонятным. Он не смотрит на меня. Это жалкое извинение ранит сильнее любой пощёчины.

Он мог сказать что угодно, но выбрал самое оскорбительное. Я открыла ему душу, а он не поверил. Осознание этого бьёт под дых, парализует разум. Я всегда считала себя сильной, но после его предательства что-то во мне надломилось.

– Мне правда жаль! Послушай... Я кретин! Давай встретимся, нам нужно поговорить, – торопливо говорит Брайн. – Пожалуйста...

Прикусываю дрожащую губу. Слишком поздно.

– Всё кончено. Нам больше не о чем говорить! Ты ясно дал понять свою позицию, я её приняла. Никаких «нас» больше нет. Смирись, – цежу сквозь зубы, удивляясь, насколько ядовито звучит мой голос.

Не дожидаясь ответа, отключаю звонок. К горлу подкатывает тяжёлый ком. Где-то глубоко за злостью прячется обида – на себя, за слабость, за то, что позволила себе верить.

Чувствую, как пот стекает по спине. Хочется принять холодный душ. Волосы прилипли ко лбу. Тряхну головой, пытаюсь прийти в себя. Настроение безвозвратно испорчено.

Делаю музыку громче, стараюсь отогнать непрошенные мысли. Этот короткий разговор вскрыл рану, которая только начала заживать. Судорожно выдохнув, сосредотачиваюсь на дороге.

Остаток пути проходит как в тумане. Когда на горизонте появляются очертания родного города, уже темно. Людей почти нет – лишь изредка встречаются прохожие, спешащие домой.

Сворачиваю с главной улицы. Поток машин редет, постепенно сходя на нет. Позволяю себе отвлечься, лениво скольжу взглядом по родным улочкам.

В свете фонарей всё выглядит иначе – объёмнее, эффектнее. Неоновые вывески магазинчиков и кафе, свет фар редких автомобилей, гирлянды на деревьях – всё сливается в сказочный круговорот света. Редкие прохожие прогуливаются по тротуару, осторожно обходя лужи. После недавнего дождя свет фонарей и витрин причудливо отражается в воде.

Всё кажется таким привычным и уютным, что я невольно улыбаюсь, наслаждаясь атмосферой родного города.

Повернув на свою улицу, вспоминаю, что забыла позвонить маме.

«Наверное, она страшно волнуется», – чувствую лёгкий укол вины. Смотрю на разрядившийся телефон. Разговор с Брайном выбил меня из колеи.

Грустно усмехаюсь, бросаю взгляд в зеркало заднего вида. На меня смотрят уставшие карие глаза с тёмными тенями. Никогда не любила свой цвет глаз. Всегда мечтала, чтобы они были такими же зелеными и яркими, как у мамы. Но от неё мне достались лишь россыпь веснушек и насыщенный тёмно-рыжий оттенок волос, который на солнце кажется почти красным. Внешностью я пошла в отца: миниатюрный нос, скулы, слегка раскосые глаза и копна непослушных кудрей – только у него они тёмные, почти чёрные и не такие длинные.

Незаметно подъезжаю к дому. Выхожу из машины, разминаю затёкшие плечи, подставляю лицо вечерней прохладе. Лёгкий ветерок играет с моими кудрями.

Открываю багажник. Боковым зрением замечаю, как кто-то выходит на крыльцо. В знакомых очертаниях узнаю отца. Он неспешно приближается.

– Почему не позвонила? Твоя мать уже вся извелась от беспокойства, – поворачиваюсь к отцу и растерянно гляжу на него.

Он выглядит недовольным: плотно сжатые губы, напряжённые плечи. В карих, почти янтарных глазах плещется беспокойство. «Они волновались» – эта мысль разом вытесняет все другие, в голове становится пусто. Нервно терблю край кофты, стараясь не смотреть отцу в глаза. Чувство вины разъедает изнутри.

– Пап... – не успеваю я до конца сформулировать мысль.

Он подходит и заключает меня в медвежьи объятия. В нос сразу ударяет запах кофе с чёрным перцем, нотками пряностей и кедра. Такой родной и знакомый, что я тут же расслабляюсь в кольце его рук.

– Я скучала, – едва слышно шепчу где-то в районе его широкой груди.

Отец чуть отходит, выпуская меня.

– И мы, дорогая, и мы... – мягко произносит он, улыбаясь.

Замечаю, как смягчились черты его лица – он уже не выглядит таким обеспокоенным. В его взгляде столько тепла и нежности, что я непроизвольно улыбаюсь. На душе сразу становится непривычно легко, проблемы отступают на второй план.

– Иди в дом, я заберу твои вещи, – говорит отец, подходя к багажнику и доставая мой чемодан. – Шарлотта очень волновалась.

Сцепляю руки в замок, благодарно киваю и спешу к дому.

Стоило мне переступить родной порог, как из кухни тут же выходит мама. Её рыжие волосы, как всегда, уложены в элегантную причёску. Она вытирает мокрые руки о фартук, внимательно меня разглядывает.

– Я дома... – нервно произношу, виновато улыбаюсь и потупляю взгляд.

Мама хмыкает, но молчит. Осторожно поднимаю глаза, смотрю на неё сквозь полуопущенные ресницы. Молчание затягивается.

Сзади раздаётся шум – это отец заходит в дом с моим чемоданом. Он вопросительно смотрит сначала на меня, потом на маму.

– Шарлотта, ну что ты держишь нашу дочь в коридоре! – говорит он.

От этих слов мама чуть хмурится, губы сжимаются в тонкую полоску. Но спустя секунду лицо смягчается, взгляд теплеет. Она подходит ко мне и обнимает. Меня сразу окутывает аромат её духов: мята, ваниль с нотками жасмина. Мягкий и такой родной запах.

Замираю в нерешительности, затем обнимаю её в ответ.

«Я так скучала по ним...»

Чувствую, как отец смотрит на нас и улыбается. Мы не виделись чуть больше месяца, а кажется, что прошёл год. Стоя сейчас дома, обнимая маму, я ощущаю себя самой счастливой в этом мире.

– Не пропадай так больше, ничего не сказав, – чуть отстраняясь, произносит мама, внимательно глядя мне в глаза. Потом, будто опомнившись, отходит. Для неё проявление нежности – нетипичное поведение.

Чуть грустно смотрю на отца, до сих пор ощущая аромат маминых духов.

– Ты, наверное, голодная, – мама обеспокоенно осматривает меня. – Посмотри, как ты похудела! Да ты же вся осунулась. Опять ничего не ешь, одна учёба на уме. Сколько раз я тебе говорила, что нужно правильно питаться?!

– Шарлотта, прекрати наседавать на дочь, – перебивает её отец. Он проходит к лестнице, заносит мои вещи в дом и начинает подниматься.

– Нил! – укоризненно произносит мама, провожая взглядом широкую спину отца.

– Девочка только с дороги, а ты наседаешь на неё, – мягко возражает он, оборачивается и ласково смотрит в её голубые глаза.

Между ними идёт немой диалог, в который я не решаюсь вступить.

– Хорошо, – спустя пару секунд мама сдаётся под натиском карих глаз.

Отец улыбается уголками губ и продолжает путь по лестнице.

– Я бы не отказалась от чая и пары сэндвичей, – примирительно поднимаю руки, слегка улыбаясь.

Однако понятия не имею, получится ли впихнуть в себя хоть немного еды – я слишком устала. Перевожу взгляд с лестницы, по которой только что поднимался отец, обратно на маму.

– Дай мне буквально полчаса, я приму душ и сразу же спущусь в столовую!

Она внимательно смотрит на меня и кивает. Я быстро скидываю кроссовки и спешу к себе в комнату. В коридоре почти врезаюсь в отца – он удивлённо смотрит на меня, перехватывая в последний момент.

– Осторожнее, – произносит папа, слегка придерживая меня за локоть.

– Хорошо, – виновато киваю я и продолжаю путь в спальню.

Зайдя в комнату, тут же закрываю дверь и прислоняюсь к ней спиной. Через окно проникает лишь слабый свет уличного фонаря – его едва хватает, чтобы обозначить контуры предметов. Медленно съезжаю по двери вниз, чувствуя слабость в ногах. Усталость накрывает с головой. Глубоко вдыхаю, стараясь собрать остатки сил и бодрости.

Едва поднимаюсь на ватных ногах, вяло оглядываюсь вокруг. Глаза уже привыкли к темноте, и я спокойно ориентируюсь в пространстве. Пошарив рукой по стене, нахожу выключатель.

Комнату тут же озаряет яркий свет. Прищуриваюсь, привыкая к освещению. Спальня практически не изменилась – словно я и не уезжала отсюда. Хмыкаю про себя и подхожу к чемодану.

После расслабляющего душа выхожу обновлённой и отдохнувшей. Покидаю спальню и направляюсь в столовую. Уже на лестнице чувствую аромат чая и пряностей.

За столом сидят родители и тихо переговариваются. Я останавливаюсь в дверях, наблюдая за ними. Увидев меня, оба замолкают: папа кивает, а мама ласково улыбается. Отвечаю им улыбкой и прохожу к столу, где меня уже ждут чай и сэндвичи – заботливо приготовленные мамой.

– Присаживайся, я приготовила твои любимые сэндвичи с тунцом, – говорит она.

В её голосе едва уловимо звучат нотки нежности и заботы. Меня захлёстывают эмоции – с трудом выдавливаю:

– Спасибо...

Папа начинает рассказывать про интересный случай на работе. Мы с мамой внимательно слушаем, переглядываясь между собой. Он увлечённо жестикулирует, не замечая этого. Мама улыбается и шутит над ним, он лишь закатывает глаза и продолжает рассказ. Всё это время с моих губ не сходит улыбка.

Как только с едой покончено, перемещаемся в гостиную. Папа устраивается в большом кресле, мы с мамой – на диване. В камине горит огонь, мягко согревая пространство. За окном начинается дождь – его тихий стук по крыше и подоконнику создаёт уютный фон.

Мы сидим и делимся событиями, которые произошли в наших жизнях. Я рассказываю про последний заказ и про то, как Кайл разыграл нашего нового декана. Родители слушают внимательно, не перебивая, иногда задают уточняющие вопросы. На весёлых моментах мы вместе смеёмся.

Так, за тихими разговорами и шутивными перебранками, проходит вечер. Уже за полночь мои глаза начинают слипаться. Вяло зеваю, прощаюсь с родителями и поднимаюсь к себе. Падаю на кровать и тут же проваливаюсь в глубокий сон без сновидений.

Глава 3

Следующие дни я провела в компании родителей: помогала маме по дому, выполняла мелкие поручения. Она старалась не нагружать меня работой, настаивала, что мне нужно больше отдыхать и спать.

Я лишь отмахивалась – хотелось принести как можно больше пользы. У меня была свободная неделя, а потом предстояло уехать. По вечерам мы собирались в гостиной: обсуждали новости, иногда смотрели фильмы.

Последние дни выдались необычайно тёплыми и солнечными. Папа предложил устроить барбекю на заднем дворе – идея была принята на ура. Весь день мы с мамой готовили закуски и мариновали мясо. Вечером к нам присоединились соседи и несколько близких друзей семьи.

Пару раз мы выбирались на ужин в наш любимый ресторанчик. Как жаль, что мои мини-каникулы скоро должны были закончиться!

Институту, где я доучивалась последний год, предложили несколько крупных проектов для самых перспективных студентов. Это был огромный шанс для карьеры и дальнейшего трудоустройства в крупные компании. Заявки могли подать все желающие – я тоже решила попробовать.

Месяц я работала над дизайном оранжереи: почти не спала, толком не ела и не выходила из дома. Кайл, который периодически заглядывал проверить, не умерла ли я от голода или переутомления, шутил, что я стала похожа на зомби. Отчасти он был прав.

За месяц напряжённой работы я практически перестала следить за собой, с головой уйдя в проект. Но это того стоило: я смогла заполучить одно из выделенных мест. Кому-то из спонсоров очень понравилась моя оранжерея с садом.

Теперь у меня были свободные дни перед тем, как приступить к реализации проекта. Я уже и забыла, когда в последний раз ощущала себя такой умиротворённой и спокойной. Ночные «свидания» с незнакомцем больше не беспокоили. Постепенно синяки под глазами начали исчезать, кожа перестала выглядеть болезненно бледной.

Сидя за туалетным столиком и расчёсывая кудри, я внимательно разглядывала своё отражение в зеркале. Действительно, я выглядела лучше – на щеках даже появился едва заметный румянец.

«Ну вот, хоть на человека похожа!» – на губах растянулась весёлая усмешка, а в карих глазах моего отражения плясали искорки.

Пока я заплетала косу, пара кудрявых прядей осталась выпущенной и игриво струилась вдоль щёк. Оставшись довольна результатом, я поправила синий кардиган и подошла к рабочему столу.

Мне не терпелось поделиться своими маленькими победами с Томом – я с предвкушением ждала сегодняшнего сеанса.

Устроившись поудобнее в кресле, открыла ноутбук и запустила видеозвонок. Пару минут ничего не происходило – я уже подумала, что ошиблась датой или временем. Но в тот же миг экран засветился: я увидела лицо Тома.

Он, как обычно, был в своём кабинете, восседал за большим столом из тёмного дерева.

– Добрый вечер, Лина, – его мягкий, успокаивающий голос тут же наполнил комнату; он приветливо улыбнулся мне.

– Добрый вечер, мистер Браун, – ответила я, возвращая улыбку.

– Должен сказать, сегодня вы выглядите значительно лучше, чем в нашу прошлую встречу, – произнёс Том, внимательно изучая моё лицо. Его тон оставался мягким и спокойным. – Поездка к семье определённо пошла вам на пользу.

На его уже немолодом лице по-прежнему играла ободряющая улыбка, в уголках глаз пролегал паутина морщин. От него исходило внутреннее спокойствие и умиротворение. Он излучал доброжелательность – хотелось довериться ему, поделиться тайнами.

– Благодарю, – осторожно начала я. – Ваше лекарство мне очень помогает. Последние пару дней я чувствую себя значительно лучше.

Том внимательно слушал, пока я чуть сбивчиво рассказывала:

– Даже после звонка Брайана я чувствовала себя не так подавленно и разбито, как раньше! – произнесла я чуть эмоциональнее, чем планировала, слегка всплеснув руками. Тут же спрятала их под стол, неловко потупив взгляд и чуть сжав края вязаной кофты. Щеки предательски загорелись.

– Вот как... – он понимающе улыбнулся и, заглянув в блокнот, спросил: – Брайан Бейтс – это ваш бывший молодой человек?

Я чуть помедлила и кивнула. Том задумчиво постучал пальцем по столу:

– Лина, не могли бы вы рассказать чуть подробнее про звонок и про ваши ощущения после разговора?

При мысли о Бейтсе сердце пропустило удар. Я бессознательно погладила пальцами запястье, где раньше носила золотой браслет – подарок на годовщину наших отношений. Внутри ныла уже привычная боль, вспыхивающая при любом упоминании парня. Она была словно тупой нож, вечно торчащий в груди, – не убивает, но и не даёт забыть о себе.

– Это было неожиданно... – чуть хриловатым голосом начала я. – Понимаете... он так неожиданно позвонил... и я... не знаю... не могу... – Голос дрожал, слова рассыпались, не желая складываться в связные предложения. Я нервно тербила края кардигана, беспомощно глядя перед собой. Переполюющие меня чувства казались настолько сильными, что их было сложно разобрать – они сливались в один сплошной вихрь боли, обиды и растерянности.

Том внимательно слушал мои жалкие попытки что-то объяснить. Не перебивал, давал время собраться с мыслями. Его спокойное присутствие будто создавало вокруг невидимый кокон безопасности.

– Всё слишком сложно! – срывающимся голосом произнесла я, запуская пальцы в волосы и чуть сжимая их. Мне было стыдно за свою слабость и беспомощность. Казалось, я должна уметь справляться с этим, должна быть сильнее.

– Не стоит так сильно волноваться. В том, что вам сейчас тяжело выразить словами свои чувства, нет ничего постыдного, – мягко сказал Том. Я внимательно посмотрела на своего лечащего врача. – Ваша реакция вполне естественна. Вам тяжело открыться перед чужим человеком.

На это я смогла ответить лишь слабым кивком, пряча взгляд. Его слова не избавили от стыда, но немного ослабили напряжение в груди.

– Думаю, вам нужно попробовать обсудить это с кем-то из близких, – он чуть задумчиво потер подбородок. – Скажите, вы пытались начать новые отношения после мистера Бейтса?

Я на секунду задумалась. Сама тема отношений была для меня болезненной и некомфортной – словно открытая рана, к которой страшно прикоснуться. Положив руки на стол, я сцепила их в замок. Том проследил за моим движением и сделал пометку в блокноте.

– Я ходила на пару свиданий, но ничем конкретным это не закончилось, – чуть помедлив, неуверенно произнесла я.

– Как думаете, с чем это связано? – всё так же делая пометки, осторожно спросил он.

– Я впустила в своё сердце Брайана... А он предал меня! – Слова прозвучали чересчур драматично и напыщенно, но мне было всё равно. Меня разъедало разочарование и обида. Перед глазами снова возник его образ – обаятельная улыбка, тёплый взгляд... Я решительно прогнала видение. Опустила взгляд на свои руки.

«А на что ты надеялась? Что он поверит, поймёт тебя... Глупая... Глупая!» – шептал внутренний голос. Я хотела закрыть уши, чтобы не слышать, не чувствовать этой разъедающей сердце обиды и боли. Потерла ладони, а когда снова подняла взгляд, беспомощно посмотрела на врача и неосознанно продолжила говорить о том, что не решалась рассказать даже родителям:

– Отношения подразумевают доверие и открытость обоих партнёров... я я... – рассеянно провела взглядом по экрану, пока не сконцентрировала внимание на одной точке. Замолчала, обдумывая слова. Мысли путались, в груди ныло – там билось моё разбитое сердце, словно птица в клетке.

– Вы боитесь довериться? – его вопрос вырвал меня из пучины навязчивых мыслей.

Тряхнув головой, я вернула внимание Тому. Он сосредоточенно наблюдал за мной. Я закусилась щеку, понимая, что его вопрос попал в самую суть проблемы.

Губы сжались в тонкую линию. Медленно вздохнула, пытаясь унять рвущееся на части сердце.

– Да... – едва слышно прошептала я, потупив взгляд. Дыхание участилось, я проглотила горькие слёзы, подступившие к глазам.

– Лина, у вас есть человек, с которым вы могли бы поговорить об этом? Тот, кому вы безоговорочно доверяете. Мама, бабушка, может быть, кто-то из друзей? – осторожно произнёс Том. В его серых глазах плескалось беспокойство.

Мне стало дурно. Моргнула, стараясь выровнять дыхание и заглушить подступающую истерику. И, на удивление, у меня это получилось. После затянувшейся паузы, не глядя на мужчину по ту сторону экрана и нервно заламывая пальцы, я произнесла:

– Да, я могла бы рассказать об этом маме...

– Очень хорошо. Тогда обсудите это с ней, а после мы вернёмся к этой теме, – в его голосе прозвучало облегчение. Я чувствовала, что он улыбается, но не нашла в себе сил посмотреть на него.

– Тогда давайте разберём ваш сон. Вы сказали, что он изменился? Не могли бы вы чуть подробнее описать свои эмоции и ощущения? – Том склонил голову, его взгляд стал особенно внимательным.

Я нервно дёрнула головой. Вспоминать сон, а уж тем более описывать его, было последним, чего мне хотелось. Однако задумчивый тон врача говорил, что всё же стоит переступить через сомнения и страхи. Тяжело вздохнула.

Следующие полчаса я старалась как можно детальнее описать события сна, не забывая упомянуть, что незнакомец как будто чувствовал и видел меня. С событиями было легче – они складывались в чёткую последовательность. Но эмоции... С ними оказалось намного сложнее.

Мне всё ещё тяжело давалось говорить о своих чувствах. Я терялась, сбивалась, нервничала, не могла подобрать нужные слова. Ещё только предстояло заново найти в себе силы и смелость, которые были давно потеряны. Том слушал внимательно, не перебивал, мягко направлял разговор, помогал подобрать слова, когда я заминалась или не могла выразить какую-то эмоцию.

– Скажите, больше ничего странного не происходило? К примеру, он не пытался с вами заговорить или дотронуться? – оторвавшись от своих пометок, задумчиво произнёс он.

– Что вы имеете в виду? – вопрос поставил меня в тупик. Растерянно глядя на врача, я заметила, как его серые глаза цепко следят за выражением моего лица. Казалось, он отслеживает каждую эмоцию, каждое движение мышц. От этого осознания кожа мгновенно покрылась мурашками, а внутри начала расти необъяснимая тревога. Нервно сглотнула, попытавшись выдавить улыбку.

Будто заметив перемены в моём настроении, Том поспешно отвёл взгляд.

– Ох, прошу прощения. Видимо, мои вопросы поставили вас в тупик, – всё так же мягко улыбаясь, успокаивающе заговорил он. Но на долю секунды в его взгляде промелькнуло что-то странное – необъяснимо враждебное.

Возникло пугающее ощущение неправильности происходящего. В груди похолодело, тело моментально напряглось. К горлу подкатил тяжёлый ком. Руки задрожали, кончики пальцев покалывало. Я поспешила спрятать их под стол, натянув на лицо дружелюбную улыбку.

– Нет, ничего такого больше не было, – чуть помедлив, будто задумавшись, продолжила я. – Вы знаете, в последние дни мне совершенно ничего не снилось.

– Вот как, – на секунду мне показалось, что я услышала в его голосе досаду.

Меня прошиб ужас. Тело вмиг покрылось испариной. Все звуки стали далёкими, глухими. Будто сквозь пелену воды я услышала голос врача:

– Всё хорошо? Вы выглядите бледной. Предлагаю на сегодня закончить наш разговор. Продолжим на следующей неделе, в пятницу, в это же время.

Он всё так же мягко улыбался, но теперь эта улыбка казалась мне ненатуральной, пустой. Поняв, что моё молчание затягивается, я поспешила ответить:

– Просто устала. Да, давайте так и поступим. До свидания.

Постаралась улыбнуться как можно естественнее.

– Доброй ночи, Лина, – произнёс он, отключаясь.

Ещё пару минут я просидела в кресле, пытаясь проанализировать происходящее. Вопросы возникали в голове бесконечной чередой – я терялась в них, словно в лабиринте без выхода. Рассеянно посмотрев на потухший экран ноутбука, закрыла его. Встала, сделала несколько шагов по комнате – всё так же в смятении, в непонимании. Я никак не могла объяснить тревогу, возникшую во время сеанса.

Глубоко вдохнула, стараясь вернуть себе спокойствие. К сожалению, это не сильно помогло. Подойдя к кровати, я обессиленно рухнула на неё. Подтянула к себе подушку, уткнулась в неё лицом. Зажмурилась и тихо взвыла – обессиленная, разбитая, подавленная. Судорожно сжатая подушка смялась в руках. В какой-то момент появилось ощущение неминуемой беды. Я понятия не имела, как её избежать. Грудь сдавила тревога. Так, за беспокойными мыслями, я не заметила, как уснула.

Ночь прошла плохо. Я постоянно просыпалась: мерещились жуткие тени и звуки. Под утро я просто лежала с закрытыми глазами, вслушиваясь в тишину. Голова гудела, тело казалось слишком тяжёлым. Ноющая боль в шее заставила открыть глаза. Приподнявшись на локтях, взяла телефон с прикроватной тумбочки. Было раннее утро, сил встать совершенно не было – боль в шее лишь усиливалась.

Хрипло вздохнув, я медленно села. На глаза тут же упали непослушные пряди кудрей. Запустив пальцы в волосы, сжала их. В голове бешено металась мысли. Виски пронзало острой болью – я мягко коснулась их холодными пальцами, чуть надавив. Просидев так ещё какое-то время, встала, прошлась по комнате и остановилась у окна.

Слабые солнечные лучи пробивались сквозь тяжёлые серые облака. Собирался дождь. Невольно вырвалась слабая усмешка: «Снова дождь...»

На душе почему-то стало сразу грустно и уныло. Погода полностью олицетворяла моё настроение.

Первую половину дня я провела на кухне, помогая маме с ужином: сегодня вечером должны были зайти папины коллеги. Всё утро она носилась как пчёлка, стараясь, чтобы всё выглядело идеально. Я старалась помочь, но у меня плохо получалось – всё буквально валилось из рук. Бессонная ночь давала о себе знать: веки жгло от недостатка сна, голова была непривычно пустой и тяжёлой. Я была рассеянна и невнимательна.

– Так ты мне только мешаешь, – укоризненно произнесла мама, наблюдая, как я собираю осколки разбитого фужера. – Осторожнее, не порежься.

В её голосе вместе с раздражением звучало беспокойство – и мне стало практически невыносимо.

«Ну вот, она снова волнуется. Это ты виновата», – шептал внутренний голос. В этот момент моё сердце разбивалось на миллионы осколков – вина казалась практически осязаемой.

– Прости, – тихо прошептала я, стараясь заглушить отчаянные слёзы, застилающие глаза.

Слышала её тяжёлый вздох. Она медленно подошла, наклонилась и нежно забрала осколки из моих дрожащих рук.

– Так не пойдёт. Я закончу тут сама, а ты лучше сходи прогуляйся. Проветришься.

В голове ворочался запутанный клубок мыслей. В конце концов я слабо кивнула, медленно встала и покинула кухню. Зашла в ванную, посмотрела на своё измученное отражение. Горячие слёзы катились по щекам – я быстро их смахнула и включила кран.

Вода отрезвляла, обжигая кожу холодом. Это помогло прийти в себя, вынырнуть из неприятных мыслей. Выйдя из дома, накинула куртку и быстро сбежала по ступенькам, направляясь в близлежащий парк.

Спустя час бесцельных блужданий я села на скамейку, прикрыла глаза, вслушиваясь в шум города. Взрослые медленно прогуливались по аллеям, тихо переговариваясь; дети носились по площадке, весело смеясь. На деревьях пели птицы, прохладный ветер играл с моими непослушными волосами, ласкал щеки. Я улыбнулась – тревога начала отпускать, тело расслабилось. Я позволила себе раствориться среди этого шума.

– Кэмбэл!

Я вздрогнула, приоткрыла глаза, огляделась в поисках источника звука. С другой стороны парка, огибая прохожих и детей, в мою сторону летело ярко-оранжевое пятно. В нём я с трудом узнала свою школьную подругу. Когда она с широкой улыбкой на лице остановилась прямо передо мной, её короткие чёрные волосы смешно подпрыгнули. Я медленно встала.

– Софи... Рада тебя видеть, – натянув дружелюбную улыбку, сказала я.

Она тут же обвила меня пухлыми руками и сжала в объятиях.

– Почему не сказала, что в городе? – искренне, с какой-то детской непосредственностью, воскликнула она, выпуская меня. Её голубые глаза сверкали на солнце.

– Дел было слишком много, совсем вылетело из головы, – криво усмехнулась я.

Её, похоже, полностью устроило моё объяснение – она лучезарно улыбнулась и понимающе кивнула.

– Ты так изменилась! Сколько мы уже не виделись – год или больше? У меня столько новостей, ты просто не представляешь! Помнишь Хэйзел? – тараторила она, чуть понизив голос. – Представляешь, она недавно родила ребёнка, а кто отец – до сих пор неизвестно...

Софи продолжала болтать, не давая мне шанса что-либо ответить. Казалось, её совершенно не волновал мой незаинтересованный вид. Она говорила без умолку – её эмоциональность и открытость вызывали восхищение. В этом, пожалуй, и крылось её очарование и харизма: она умела удержать внимание публики и расположить к себе людей.

– ...А мистер Льюиз снова женился – уже в шестой раз... – делилась она новостями, пока я внимательно разглядывала её.

Полноватая миниатюрная девушка с яркой улыбкой и живыми глазами. Тёмное каре обрамляло её жизнерадостное лицо.

– ...Помнишь забегаловку старика Джо, где мы часто сидели после школы? Она закрылась...

В этом была вся Софи: ещё с детства у неё были проблемы с соблюдением личных границ, но это не мешало ей оставаться открытым и добрым человеком.

Я слушала её болтовню вполуха, лишь кивая в нужных моментах. Мой взгляд блуждал по парку: я рассматривала деревья, детей, прохожих. И вдруг мои глаза впились в чью-то широкую спину.

Мужской силуэт показался мне смутно знакомым, но где я его видела – вспомнить не могла. Я скользила взглядом по его спине, волосам. Солнечные лучи играли в его светлых прядях, переливались причудливыми бликами. Как замороженная, я смотрела и не могла оторваться.

Словно ощутив, что за ним наблюдают, он повернулся. На секунду наши взгляды встретились.

Внутри всё застыло от ужаса. Сердце пропустило удар и забило с бешеной скоростью. У меня перехватило дыхание – я сделала несколько маленьких шагов назад. Тело не слушалось, руки дрожали. Появилось ощущение, будто что-то вытесняет моё сознание. Туманная воронка затягивала меня всё глубже и глубже, в глазах темнело. Давление в груди усилилось, лёгкие горели от недостатка кислорода – я задыхалась.

Все звуки стали какими-то далёкими, глухими, словно я находилась глубоко под водой. Будто через пелену слышала чей-то крик.

Последнее, что я увидела, прежде чем погрузиться в спасительную темноту, – испуганное лицо Софи...

Глава 4

Темнота окутала меня плотным коконом – ни звуков, ни очертаний, ни намёка на реальность. Лишь собственное дыхание, рваное и поверхностное, нарушало безмолвие.

– Где я?.. – вопрос растворился в пустоте, не найдя отклика.

«Дыши... Дыши... Это всего лишь сон», – мысленно повторяла я, но воздух будто отказывался наполнять лёгкие. Каждый вдох давался с усилием, словно я пыталась дышать сквозь толщу воды.

Внезапно тишину разорвал женский крик – пронзительный, отчаянный. Он перетёк в сдавленные всхлипы, от которых по спине пробежали ледяные мурашки. Темнота зашевелилась, обретая форму: размытые тени закружились в безумном хороводе, вытягивая ко мне длинные, искривлённые пальцы.

Я закрыла уши руками, пытаюсь отгородиться от этого кошмара, но их шёпот проникал сквозь пальцы, обволакивал сознание:

– Ты знаешь... ты должна вспомнить...

Слова расплывались, превращаясь в неразборчивый гул. Тени подступали ближе, их очертания становились всё более отчётливыми, а в глазах мерцал зловещий блеск. Я чувствовала, как страх сковывает тело, парализует волю.

И вдруг – образ. Мужчина из парка. Его светлые волосы обрамляли лицо с точёными, почти аристократическими чертами. В серых глазах пылало дикое, необузданное пламя, а на бледных губах застыла печальная улыбка. Этот взгляд пронзил меня, словно молния, и в тот же миг я ощутила, как проваливаюсь в тёмную воронку – всё глубже и глубже...

– Да... девушка... нет... не знаю... ей вдруг стало плохо... Я не знаю!.. – до меня долетали обрывки фраз, словно сквозь толщу воды.

Сознание возвращалось медленно, неохотно. В ушах стоял пронзительный звон, а слова постепенно обретали чёткость.

– Просто скажите, что делать!.. Дышит... – в панике кричала Софи.

Горло пересохло, тело казалось свинцовым. Постепенно туман в голове рассеивался, и воспоминания нахлынули волной: парк, скамейка, незнакомец...

«Я отключилась», – мысль ударила под дых, и я окончательно пришла в себя.

– Боже! Да вызовите уже врача! Моей подруге плохо! – крик Софи пронзил сознание острой болью.

Я попыталась заговорить, но голос звучал хрипло и глухо:

– Не надо... врача...

Яркий свет ослепил, когда я с трудом приоткрыла глаза. Слёзы застилали взгляд, размывая фигуры людей вокруг. Кто-то приобнял меня, помогая сесть. В нос ударил сладкий запах шоколада и ванили – Софи.

– Боже... ты так меня напугала, – в её голосе дрожало неподдельное беспокойство.

– Прости... – прошептала я, избегая её взгляда. – Как долго я была в отключке?

– Недолго, но я так испугалась за тебя! Я совсем не знала, что делать, куда звонить, что говорить... Ты была такой бледной... – её глаза наполнились слезами.

Вина острыми иглами впивалась в сердце. Я отстранилась, встретив её обеспокоенный взгляд.

«Посмотри, до чего ты её довела. Она плачет из-за тебя!» – шипел внутренний голос.

Я сглотнула, пытаюсь собраться с мыслями. Вокруг слышались приглушённые голоса – видимо, люди из парка пытались помочь. Кто-то предлагал воду, кто-то спрашивал, не нужно ли вызвать скорую. Софи держала меня за руку, её пальцы дрожали.

– Я... я уже в порядке, – с трудом выговорила я, пытаюсь придать голосу уверенность. – Просто... потемнело в глазах. Наверное, переутомилась.

Софи посмотрела на меня с сомнением, но чуть ослабила хватку. Я медленно приподнялась, опираясь на её плечо. Мир покачивался, будто палуба корабля в шторм, но постепенно стабилизировался.

– Давай я помогу тебе дойти до скамейки, – предложила Софи, обнимая меня за талию. – Ты точно не хочешь, чтобы я вызвала врача?

– Точно, – я выдавила улыбку. – Просто нужно немного посидеть.

Мы добрались до скамейки. Я опустилась на неё, глубоко вдыхая прохладный воздух. Ветер играл с моими волосами, принося облегчение. Софи села рядом, не сводя с меня тревожного взгляда.

– Может, расскажешь, что случилось? – осторожно спросила она. – Ты вдруг побледнела, сделала шаг назад, а потом...

Я закрыла глаза, вспоминая тот миг. Образ мужчины из парка вспыхнул в памяти – его взгляд, полный необъяснимой силы и печали. По спине пробежал холодок.

– Я увидела человека... – начала я, подбирая слова. – Он... показался мне знакомым. Но я не могу вспомнить, откуда его знаю.

– И это вызвало такой приступ? – Софи нахмурилась. – Ты уверена, что всё в порядке?

– Нет, – честно призналась я. – Ничего не в порядке. Но сейчас мне уже лучше. Правда.

Она молчала, глядя на меня с беспокойством. В её глазах читалась нерешительность – она явно колебалась, стоит ли настаивать на своём.

– Ладно, – наконец сказала она. – Но если почувствуешь себя плохо, сразу скажи мне.

Я кивнула, благодарная за её понимание. Мы сидели молча, наблюдая за прохожими. Постепенно паника отступала, оставляя после себя лишь лёгкую дрожь и странное ощущение нереальности происходящего.

В голове крутился один и тот же вопрос: «Кто он? Почему его образ так меня потряс?»

– Всё хорошо, я в порядке... просто перетрудились, – произнесла я, сама не веря своим словам.

– Нет, Лина, всё не в порядке! Ты отключилась! – Софи нахмурилась, скрестив руки на груди.

– Честно, Соф, я в норме, – я попыталась улыбнуться, но улыбка вышла жалкой и неестественной.

– Девушка, лучше послушайте свою подругу, – раздался голос пожилого мужчины.

Только сейчас я осознала, сколько людей столпилось вокруг. Их взгляды обжигали, заставляя щёки пылать. Я нервно теребила край куртки, стараясь не смотреть на них.

– Со мной всё хорошо. Правда, – повторила я, глядя на Софи.

Её напряжённое лицо постепенно расслабилось, и она кивнула. Люди начали расходиться, перешёптываясь. Я оглядела парк: небо было серым и тяжёлым, словно камень на моей душе. Взгляд скользнул по дорожке – и внезапно в памяти вспыхнул образ: мужчина в чёрном пальто.

– Там был человек... – я резко вскочила, но тут же пошатнулась от головокружения. Тошнота подкатила к горлу, и я схватилась за голову.

– Осторожнее! – Софи тут же оказалась рядом, поддерживая меня за локоть.

– О ком ты говоришь? – её голос звучал настороженно.

– Вон там стоял мужчина в чёрном пальто, – я указала в конец дорожки.

– Но там никого не было... – Софи проследила за моим взглядом, затем внимательно посмотрела на меня.

Её слова ударили, словно пощёчина. Сердце сжалось, а внутри всё похолодело.

– Но как же... он был там! Он стоял прямо в конце этой дороги! – мой голос дрогнул, срываясь на крик.

Я уставилась на то место, где он стоял, не в силах оторвать взгляд. И вдруг что-то щёлкнуло в голове – я начала смеяться. Слёзы текли по щекам, мешая видеть, но я не могла остановиться.

– Лина... ты пугаешь меня... – голос Софи доносился словно сквозь вату. – Тебе надо успокоиться...

Но истерика накрывала с новой силой. Прохожие оглядывались, но мне было всё равно. В голове билась одна мысль: «Он – не настоящий... не настоящий...»

– Лина, что происходит?! – Софи встряхнула меня за локоть.

Этот жест словно выдернул меня из безумия. Я моргнула, встретив её побелевшее от страха лицо. Сердце замерло, а эмоции испарились, оставив лишь пустоту. Истерика исчезла так же внезапно, как и появилась.

– Ничего... – мой голос звучал сухо, почти равнодушно. – Ничего не происходит, Соф.

Я осторожно высвободила локоть из её рук и шагнула назад.

– Мне... мне надо идти... – пробормотала я, не глядя на неё, и быстро направилась к выходу из парка.

– СТОЙ! ЛИНА! – её крик догнал меня, но я не обернулась.

Не помню, сколько времени я бродила по городу. Лица прохожих, огни машин, вывески магазинов – всё сливалось в размытую мозаику.

Сейчас я стояла на мосту, наблюдая, как солнце медленно скрывается за верхушками деревьев. Тучи рассеялись, и небо окрасилось в нежные розовые тона. Лучи солнца играли на поверхности воды, создавая причудливые переливы. Под мостом проплывал катер, оставляя за собой дорожку волн. Небо сверкало, словно затянутое серебряной дымкой.

Вдруг мимо пролетела птица. Я не знала, к какому виду она принадлежит, но её красота завораживала. Сделав круг над водой, она приземлилась на перила рядом со мной. Её глаза внимательно смотрели на меня, голова чуть склонилась набок. Казалось, она явилась прямо из заката, вылетев из последних лучей солнца.

«Это знак», – подумала я.

В этот момент я словно увидела себя со стороны – свою жизнь, свои страхи, своё отчаяние. Всё это выглядело таким бессмысленным и в то же время таким реальным.

Не знаю, существуют ли высшие силы или судьба. Сейчас я не была уверена ни в чём. Но одно я знала точно: пора выбираться из той ямы, в которую сама себя загнала. Пора что-то менять. И я уже знала, с чего начать.

– Обещаю, я справлюсь. Я смогу выкарабкаться, – тихо прошептала я, глядя в небо.

Решение было принято...

Глава 5

Было уже довольно темно, когда я подошла к дому. Остановившись на пороге, замерла, не решаясь зайти. Мерцающий свет фонаря выхватывал из сумрака мою одинокую фигуру, отбрасывая длинные тени на ступеньки.

Телефон давно сел – я не знала, сколько сейчас времени и как долго меня не было. Подняв усталую голову, я всматривалась в ночное небо. Тучи разошлись, открыв миру тысячи маленьких мерцающих огней. Звёзды рассыпались по тёмному бархату неба, словно бриллиантовая пыль. У меня перехватило дух от этой немой красоты – казалось, будто сама вечность смотрит на меня с высоты. Ночной воздух, свежий и чуть влажный, приятно охлаждал кожу. Я прикрыла глаза, вдыхая прохладу, позволяя ей проникнуть в каждую клеточку тела. В этот миг, стоя в объятиях ночи, я наконец смогла взять эмоции под контроль.

Единение с собой... Вот что спасало меня все эти годы. Потому я и ограничивала общение, выстраивала стены даже с самыми близкими. Мне казалось, что только так смогу защитить себя – от боли, разочарований, предательств. Но сейчас, глядя на звёзды, я вдруг ясно осознала: эти стены защищали не меня, а мою боль.

В голове воцарился абсолютный вакуум – ни мыслей, ни чувств, только тишина, заглушающая шум города и завывания ветра.

«Наивная. Ну и кому ты сделала лучше?» – с губ сорвался горький смешок. Мысль больно уколола, чувство вины колючими шипами сжало сердце. От накатившего волнения я закусила губу, сжимая кулаки до боли в пальцах.

Пора было признать: Том был прав. Так больше продолжаться не может. Я больше не могла прятаться, сбегать от своих проблем. Пора встретиться с ними лицом к лицу.

Полная решимости, я поднялась по ступенькам и осторожно открыла входную дверь. Тихо стоя в дверном проёме, вглядывалась в холл родного дома, где прошло моё детство. Знакомые очертания мебели, мягкий свет лампы, едва уловимый запах полированного дерева – всё это окутало меня волной тепла. Улыбка непроизвольно растянулась на губах, а в груди разлилось привычное, почти забытое чувство уюта.

Бросив короткий взгляд на зеркало, я попыталась пригладить растрепанные волосы, но тщетно – пряди непокорно выбивались, спутанными кольцами обрамляя лицо.

«Ну что за осиное гнездо на голове! И почему природа не могла наградить меня послушными волосами?» – фыркнув своему отражению, я вытащила пару шпилек. Тяжёлые пряди тут же упали на плечи, лаская кожу. Скинув обувь, я прошла в столовую.

Из кухни доносились волшебные ароматы выпечки и чая – тёплые, обволакивающие, пробуждающие воспоминания. Раньше после школы мы с Софи приходили ко мне, а мама угощала нас своим фирменным печеньем. Мы часами сидели в моей комнате, болтая обо всём на свете, смеясь до колик в животе.

«А ведь тогда мы были практически неразлучны...» – одно лишь воспоминание о тех беззаботных днях зажгло искру радости в сердце. Я ухватилась за эти тёплые моменты, стараясь сконцентрироваться на приятных эмоциях.

Мысль о мамином печенье или булочке с кремом заставила желудок судорожно сжаться. Заглянув на кухню, я увидела её: мама ловко орудовала столовыми приборами, раскладывая ароматную выпечку по тарелкам. Она напевала лёгкий мотив – так всегда бывало, когда она была увлечена готовкой.

– Я дома. Как прошёл ужин? – произнесла я, шагнув вперёд.

Мама вздрогнула от неожиданности и выронила лопатку – та со звонким стуком упала на кафель. Развернувшись ко мне, она чуть нахмурила брови, но уже через мгновение её лицо озарилось улыбкой.

– Господи, Лина! Зачем так подкрадываться! – Её зеленые глаза горели возмущением, когда она наклонилась, чтобы поднять лопатку. – Ты меня чертовски напугала! Всё прошло хорошо, правда, твой отец был расстроен, что тебя не было. – Продолжая ворчать, мама подошла к раковине, отворачиваясь от меня.

– Я не специально, – опутив взгляд, я пристально посмотрела на свои пальцы. Лёгкий укол вины заставил меня мысленно отогнать неприятные ощущения. – Папа сильно ворчал?

– Ты голодная? – не поворачиваясь, спросила она.

– Нет, ты же знаешь его: побурчал-побурчал и успокоился.

В её голосе звучало столько тепла и нежности. Всякий раз, когда мама рассказывала или вспоминала об отце, она будто расцветала. Даже спустя столько лет в браке они сумели сохранить нежность и любовь. В детстве я всегда мечтала о том, чтобы моя семья была такой же.

– Лина? – мамин голос прервал поток моих мыслей. Я растерянно вынырнула из воспоминаний. – Ты чего зависла? – Она внимательно всмотрелась в мои глаза.

– Я умираю с голоду, наверное, съела бы сейчас слона, – бодрее, чем обычно, произнесла я, чуть всплеснув руками.

Мама вопросительно подняла бровь, удивлённая резкой сменой моего настроения. Непринуждённо улыбаясь, я почесала затылок.

– Кто ты? И что ты сделала с моей дочерью? – Прищурившись и скрестив руки на груди, мама попыталась скрыть улыбку.

– Ну, мам... – Я подошла к ней, обняла за плечи и легко чмокнула в щёку.

– Иди давай в душ и переодевайся, буду ждать тебя в столовой, – ласково произнесла мама, освобождаясь из моих объятий.

– А папа?

– Он уже спит, так что будь потише наверху, – ответила она, отворачиваясь и направляясь к холодильнику.

– Есть, «мэм», – шутливо поклонившись, я пошла к себе.

Тысячи мыслей металась в моей голове, пока я поднималась в комнату. Я пыталась придумать, как лучше начать разговор.

«Мам, помнишь Брайана? Так вот, он оказался мудаком...»

«Помнишь, ты хотела узнать, почему я так неожиданно прекратила двухлетние отношения? Так вот, просто он... А что он?»

Мысли никак не желали выстраиваться в стройную цепочку – в голове то и дело возникали обрывки фраз и абсурдные идеи. Время шло, а я всё стояла под холодной струёй воды, надеясь привести мысли в порядок. Постепенно кожа начала морщиться от долгого пребывания под водой, пальцы подрагивали от холода. Наконец, покинув ванну и переодевшись в удобную пижаму, я направилась вниз.

Замерев у лестницы, я ещё раз прокрутила в голове план действий.

«А может, лучше оставить всё как есть?» – этот вымученный вопрос бился в моей голове. Я с трудом удерживала настрой. Безумно хотелось сбежать в свою комнату, закрыться ото всех: от людей, от проблем, от воспоминаний. В душе росла паника. Мысль о том, что я стану причиной беспокойства самого дорогого для меня человека, нанесла ещё один болезненный удар по сердцу. Сглотнув ком, я с тяжёлой душой спустилась в столовую.

– Ты чего так долго? Всё уже давно остыло, – произнесла мама, сидя за столом и слегка недовольно осматривая меня.

Я виновато спрятала глаза, не решаясь ничего ответить, и прошла к своему привычному месту за столом. Кожей ощущала её недовольный взгляд. Внутри бушевал ураган эмоций – я не знала, с чего начать, как лучше заговорить, что нужно сказать. Лишь вяло ковыряла вилкой салат.

– Прекрати мучить помидор, – раздался мамин голос.

Я растерянно подняла глаза, выныривая из своих мыслей. Наши взгляды встретились, и меня тут же накрыло осознание. Тряхнув головой и покрепче сжав вилку, я мысленно постаралась унять бешено бьющееся сердце.

– Мам... – Тихо, едва слышно произнесла я, глядя на свою тарелку с едой. – Мы можем поговорить?

С другой стороны стола раздался тяжёлый вздох. На моём лице даже мускул не дрогнул, хотя в груди всё свернулось в тугой комок, мешавший вдохнуть.

– Конечно, дорогая, – в её голосе звучало столько нежности, что мне захотелось сбежать.

Я слышала только своё дыхание и бешено колотящееся сердце. На лбу, шее и спине выступила испарина, а язык прилип к небу. Страшно захотелось пить. Резким движением я схватила стакан и осушила его. Дыхание сбилось, мой взгляд заметался по комнате – пока не встретился с обеспокоенными глазами мамы. Всё моё тело тут же будто окаменело, не поддаваясь приказам разума.

– Я... – Голос дрогнул. Я сглотнула и попыталась собраться. – Я хочу поговорить о Брайане.

Мама молча кивнула, не отрывая от меня внимательного взгляда. В её глазах читалась готовность выслушать – без осуждения, без поспешных выводов. Это придало мне сил.

– Мы расстались, – наконец выговорила я. Слова прозвучали тихо, но отчётливо. – И... мне нужно было время, чтобы собраться с духом и рассказать тебе об этом.

Она медленно потянулась через стол и накрыла мою руку своей тёплой ладонью.

– Спасибо, что поделилась, – мягко произнесла мама. – Знаешь, я всегда буду рядом, чтобы поддержать тебя. Что бы ни случилось.

Она терпеливо ждала, когда я начну свой рассказ, а я упорно не могла подобрать нужные слова. Эмоции переполняли меня, разрывая душу и сердце.

– Ты... когда-нибудь чувствовала себя так, будто твоя жизнь рушится, а все попытки что-то исправить приводят лишь к новым разрушениям? – избегая её взгляда, я старалась сдержать то, что так сильно рвалось наружу. Голос слегка охрип; из последних сил я пыталась не сорваться.

– Знаешь, дорогая, многие вещи в нашей жизни просто невозможно спасти. И нам нужно научиться отпускать их – как бы больно от этого ни было, – мама сделала паузу, будто обдумывая следующие слова. – Когда я была в выпускных классах, к нам в школу пришёл молодой преподаватель... – её мягкий голос заполнил пространство, пробирая до мурашек.

Я затаила дыхание, ловя каждое слово. Даже сейчас, рассказывая о прошлом, она выглядела безупречно: прямая осанка, искрящийся уверенностью взгляд, мягкая улыбка и нежный голос лишь подчёркивали её утончённую красоту и внутренний свет. Мама всегда была для меня примером и недостижимым идеалом.

– Мне тогда только исполнилось семнадцать. Я была глупой, наивной дурочкой. А он казался таким взрослым... и, как у вас сейчас говорят, крутым. Его звали Уильям Найманс. Он вскружил голову всем девчонкам – молодой, красивый, вечно улыбающийся.

– Что произошло? – мой шёпот разрушил тишину.

Мама словно вынырнула из воспоминаний и посмотрела на меня.

– Мы начали встречаться... – было видно, как тяжело дались ей эти слова. Хотя прошло уже много времени, сейчас она уже не наивная школьница, а взрослая, уверенная в себе женщина. – Разумеется, тайно. Это было похоже на сон, на приключение. Я была на седьмом небе от счастья: на меня обратил внимание мужчина старше меня – да ещё и мой учитель! Я чувствовала себя особенной, не такой, как все. Сбегала с уроков, чтобы провести с ним побольше времени. Тогда мне казалось, что я нашла своего принца.

Я молчала, внимательно слушала, с трудом сглатывая тяжёлый ком в горле.

– Прошло где-то полгода с начала наших отношений, когда нас случайно застучала моя одноклассница... – мама нервно сжала руки, и я впервые увидела её такой разбитой. – Я пыталась поговорить с ней, убедить никому не рассказывать, умоляла...

– Она рассказала всем... – прошептала я; в глазах стояли слёзы, но я не давала себе расплакаться. Медленно потянулась к маме и нежно сжала её ладонь. Она шумно выдохнула; я заметила, как морщинки собрались на её лбу.

– Да... Был ужасный скандал. Нонсенс: учитель и ученица... Твоя бабушка была в ярости – приходила к его дому, ругалась с директором, требовала увольнения, грозила судом, если он её не послушает. Я никогда не видела её в таком состоянии – ни до, ни после. – Горько улыбнувшись, мама чуть сжала мою дрожащую руку.

– А он? Что с ним случилось? – мой голос дрожал от переполняющих эмоций.

– А что он? Он просто исчез – не попрощавшись, просто пропал.

Я уставилась на стол с едой. От маминых слов мне сделалось дурно, в горле пересохло. Казалось, меня вот-вот вывернет наизнанку. Хотелось отвести взгляд, но сил не было.

– Когда он исчез, казалось, что мой мир рухнул. Я винила всех: маму, директора, одноклассников. Тогда я думала, что они все виноваты в том, что моё сердце разбито, ведь из-за них я потеряла любимого. Начала пропускать занятия, перестала общаться с друзьями, с родителями – утопала в жалости к себе. Думала, что моя жизнь разрушена, уничтожена людьми, которые не понимают, каково это – любить.

Она грустно улыбнулась, а моё сердце пропустило удар. Большим пальцем мама нежно поглаживала мою холодную ладонь.

– Как... – вопрос застыл; я не решалась продолжить. Мама посмотрела понимающе.

– Как я справилась? – Я лишь кивнула, не в силах произнести ни слова.

– Никак... Мне до сих пор больно вспоминать о нём. Просто однажды я пришла на наше с ним место и несколько часов провела там под холодным дождём. Помню, словно это было вчера: как схватилась за перила – они были такие мокрые и холодные, – и как мне было страшно и больно... Когда он ушёл, он будто лишил меня чего-то важного, без чего я не видела свою дальнейшую жизнь...

Домой я вернулась лишь под утро. Первое, что увидела, – твоя бабушка. Она сидела в гостиной и рассматривала альбом с моими детскими фотографиями. Она выглядела такой уставшей, осунувшейся и постаревшей, что мне стало дурно от вины. И тогда во мне что-то надломилось: я будто со стороны посмотрела на себя, на всё это в целом.

Помню, я подошла к ней, села у её колен и заплакала. Она ничего не сказала – лишь гладила меня по голове... Тогда я поняла, что боль от разбитого сердца могла сжечь изнутри не только меня, но и дорогих для меня людей...

В моих глазах стояли слёзы; пальцы одной руки вцепились в запястье другой. Грудь судорожно вздымалась. Сейчас передо мной сидела не идеальная мама, не образ из моей головы, на который я всегда ровнялась, а такой же живой человек – со своими тайнами, страхами и проблемами.

Теперь мне казалось, что мы близки как никогда: только я полностью могла понять её, а она – меня. Сердце бешено стучало, в горле стоял ком. Но я постаралась придать голосу как можно больше уверенности:

– Тебе всегда было интересно, почему мы так неожиданно разошлись с Брайном... – Голос предательски дрожал, выдавая волнение. – На самом деле я врала, когда говорила, что мы просто не сошлись характерами.

Пальцы сильнее сжали запястье; я почувствовала, как ногти впиваются в кожу.

– На самом деле всё было не так. У нас была годовщина – два с половиной года вместе. Я приготовила ужин: это должен был быть романтический сюрприз. В этот вечер я хотела открыться ему, быть с ним максимально честной – без секретов... Я была полна надежд и

уверенности, что Брайн поймёт меня. Он же всегда понимал. Это же он – мой милый и родной Брайн, который всегда поддерживал, всегда был рядом. Я же выбрала правильного человека?

Почувствовала, как слова застревают в горле. По подоконнику монотонно стучал дождь; нарастающий шум в ушах заглушал все посторонние звуки, а пальцы продолжали впиваться в запястье правой руки. Я лишь могла надеяться, что не выгляжу слишком жалкой в маминых глазах. Слёзы становилось всё труднее контролировать, но я упрямо продолжала игнорировать подступающую к горлу истерику.

– Как ты уже, наверно, поняла, я рассказала ему всё: и про сны, и про врачей, и про таблетки...

Прошлое, от которого я так старательно убегала, сейчас стояло перед глазами. Мой взор застлала тёмная пелена – я больше ничего не видела и не слышала. Лишь вновь и вновь переживала самый страшный момент своей жизни. Отвратительнее всего, что мой самый личный момент – тот, который должен был стать толчком для следующего этапа в наших отношениях, – стал общим достоянием с той секунды, когда я начала свой рассказ.

– Он не понял... Не захотел понять меня... Не поверил... – Слова давались слишком тяжело; горькие слёзы катились по щекам. Воспоминания о том дне отзывались болезненной горечью в груди. Разум кричал: «Хватит, остановись, прекрати мучить себя!»

Но я не могла проигнорировать имя, которое ножом врезалось в сердце.

– Он рассказал своему лучшему другу, а через пару часов об этом знали все... Когда я пришла на занятие, они тыкали в меня пальцами, называли сумасшедшей, оскорбительно шутили, насмехались. Некоторые ребята начали портить мои вещи, разрисовывать место, где я сидела... Тогда мне казалось, что все взгляды прикованы только ко мне – хотелось убежать, скрыться. Когда я смогла найти Брайна и спросить, что происходит, он... – С губ сорвался всхлип; я чувствовала, как эмоции сдавливают горло. Тело дрожало, отказываясь успокоиться.

В памяти горели старые воспоминания: отрешённые глаза Брайна, его виноватый вид. Внутри росла пустота, сжигая всё хорошее, что когда-то было между нами. В душе не осталось ничего, кроме зияющей бездны.

– Тише, тише, родная, – я не заметила, как мама подошла ко мне; лишь почувствовала её мягкие руки на плечах.

Я уже не могла сдерживать рыдания – обняла её в ответ. Меня била крупная дрожь; воздуха в лёгких не хватало. Горло сжималось, я не могла сделать вдох; глаза горели от солёных слёз. В голове мелькали образы Брайна – тиски на груди сжимались. А потом я почувствовала тёплое прикосновение на лице. Нежная ладонь мамы коснулась моей щеки.

– Лина, – позвала она; я подняла глаза, утопая в её ласковом взгляде.

– Он всё разрушил... Уничтожил... Понимаешь? – Задыхаясь в новом приступе рыданий, я сжала край маминой блузки. Её запах окутал меня; в нём улавливалась терпкая ваниль, которая странным образом ощущалась на языке.

Мама ничего не говорила, но в её молчании было куда больше слов. Я не знаю, сколько мы так просидели, обнявшись. Она нежно гладила меня по голове и спине, даря свое спокойствие и умиротворение. Мысли начали уплывать. Оказалось, что тишина могла отвлекать, не хуже шума. Почувствовав, что истерика отступает, я наконец отстраняюсь от нее.

– Спасибо, – шепчу я, глядя в ее глаза наполненные нежностью и волнением за меня.

– Ну, что ты, дорогая, ты всегда можешь рассказать мне все, что тебя беспокоит, мы же семья. – Мягко сжимая мое плечо, она неотрывно смотрит на меня, и я замечаю в уголках ее глаз слезы. Словно почувствовав, что я это заметила, она быстро моргает, чуть отвернув голову.

– Не бойся рассказывать мне о своих проблемах. – В глубине души стало стыдно, даже за мысль о том, что она могла бы не понять меня. Усталость давала о себе знать. Острая боль пронзила виски, организм не выдерживал последствия недосыпа и стресса. Я сжала переносицу, стараясь ослабить неприятные ощущения.

– Я понимаю, сейчас тебе кажется, что твой мир рухнет из-за действий одного человека. Но пойми, родная, влюбляются не единожды. Тот, кто не оправдал твоего доверия, не стоит твоих слез, – она ласково погладила меня по голове. – А теперь, тебе стоит пойти и поспать. Знаешь, как всегда говорила твоя бабушка, думай вечером – делай поутру, – она мягко улыбнулась, вставая из-за стола.

– И что это должно значить? – Осторожно смотрю на нее, отвечая ей той же улыбкой. Правда у меня она вышла какой-то уставшей и вымученной.

– Вот позвонишь ей завтра и спросишь, – щелкнув меня по носу, она берет тарелки и скрывается в кухне.

Я могу лишь растерянно смотреть ей вслед. Просидев еще несколько минут, я слышу шум на кухне и звуки дождя за окном. Все же усталость одолевает меня, и я плетусь к себе, мечтая поскорее уснуть и забыться.

Я медленно поднимаюсь по лестнице, каждая ступенька словно отмеряет тяжесть на душе. В комнате – полумрак, лишь тусклый свет уличного фонаря пробивается сквозь занавески, рисуя на полу причудливые узоры. Сажусь на край кровати, машинально проводя рукой по покрывалу. Тишина давит, но в ней есть что-то успокаивающее – будто весь мир затаил дыхание вместе со мной.

Закрываю глаза, и перед внутренним взором вновь всплывают сцены сегодняшнего вечера: мамины глаза, полные нежности и боли, её тёплые руки, голос, в котором смешались воспоминания и поддержка. В груди всё ещё саднит, но уже не так остро – словно рана начала затягиваться, оставляя после себя лишь ноющую память.

Достаю из ящика стола старый дневник, потрёпанный по краям, с выцветшими чернилами на обложке. Пальцы дрожат, когда открываю первую страницу. Здесь – мои мысли, страхи, мечты. Здесь – следы всех тех битв, которые я вела с собой и с миром. Провожу ладонью по строчкам, написанным год, два, три назад. Некоторые слова кажутся наивными, другие – пронзительно точными.

«Сегодня я поняла, что любовь – это не про обладание. Это про свободу. Про возможность быть собой, даже когда рядом кто-то другой», – читаю я запись, сделанную полгода назад. Тогда я ещё верила, что смогу найти баланс между собой и отношениями. Что смогу быть честной и при этом не потерять того, кто мне дорог.

Откладываю дневник, взгляд падает на фотографию на полке – мы с Брайном на пляже, смеёмся, ветер развеивает волосы. В тот день казалось, что счастье – это навсегда. Что никакие слова, никакие поступки могут разрушить то, что мы строили.

Теперь я вижу: это была иллюзия. Не злая, не обманчивая – просто наивная. Как у всех, кто верит, что любовь способна преодолеть всё. Даже если это «всё» – мы сами.

Встаю, подхожу к окну. Дождь всё ещё стучит по стеклу, но его ритм уже не кажется таким надрывным. Он будто убаюкивает, шепчет: «Всё пройдёт. Всё меняется. И ты тоже».

Ложусь в постель, укутываюсь в одеяло. Тело ноет от усталости, но в голове – непривычная ясность. Я больше не пытаюсь убежать от мыслей. Не прячусь за «а если бы». Я просто принимаю: это случилось. Это больно. Но это – часть меня.

Закрыв глаза, я чувствую, как дыхание становится ровнее. Где-то далеко, за пределами этой комнаты, за границами моей боли, есть мир, который продолжает жить. И я – часть этого мира. Я – не только разбитое сердце. Я – не только воспоминания. Я – здесь. Сейчас. И завтра будет новый день.

Перед тем как погрузиться в сон, шепчу себе: «Я справлюсь». И впервые за долгое время верю в это без остатка...

Глава 6

Вдалеке раздался приглушённый раскат грома – словно предупреждение. Ещё полчаса назад небо сияло безоблачной лазурью, а теперь его заволокли тяжёлые свинцовые тучи, будто кто-то намеренно затягивал горизонт мрачной вуалью. Бесконечная полоса дороги и однообразные пейзажи мелькали за окном, сливаясь в размытую череду полей и редких рощ.

Первая капля ударилась о стекло – звонко, резко, будто выстрел. Затем ещё, ещё, ещё... Вскоре дождь уже монотонно барабанил по лобовому стеклу, рисуя на нём хаотичные узоры. Я включила дворники – их мерный скрип лишь усиливал ощущение тревоги, таящейся где-то на периферии сознания.

Воздух, насыщенный влагой, заполнил салон машины. В нос ударил запах влажного асфальта и прохладной свежести – тот самый, что всегда будил во мне смутные воспоминания детства. Порывы ветра, проникающие сквозь щели, обжигали щёки ледяным прикосновением. Кожа мгновенно покрылась мурашками. Я зябко передёрнула плечами, сильнее сжимая руль моего «Жука», словно он мог стать единственным надёжным якорем в этом размытом дождём мире.

«А ведь папа предупреждал...» – шептал внутренний голос, вкрадчивый, как шелест капель по крыше. Я попыталась сосредоточиться на дороге, но мысли упорно возвращались к дому.

Уезжать от родителей совершенно не хотелось. Вчера я сделала то, чего избегала годами: открыла душу маме. Этот разговор в столовой стал не просто исповедью – он переплавил наши отношения, превратив хрупкое взаимопонимание в нечто более прочное. Теперь, вспоминая мамин взгляд, тёплый и одновременно пронзительно-внимательный, я ощущала в груди непривычное тепло. Оно разливалось медленно, вытесняя годами копившееся напряжение, словно солнце, пробивающееся сквозь тучи.

И всё же... где-то глубоко внутри тлел уголёк тревоги. А что, если это тепло – лишь иллюзия? Что, если завтра всё вернётся на круги своя?

Но даже внезапно разразившийся ливень не мог погасить моё приподнятое настроение. Я постукивала пальцами по рулю в такт мелодии, льющейся из динамиков, – лёгкой, почти беспечной. Периодически поглядывала на навигатор, следя за тем, как красная точка неумолимо приближается к цели.

Наконец впереди показалась табличка «Уотфорд».

«Ну вот, ты уже практически на месте» – мысленно произнесла я, чуть поёрзав от нетерпения на сиденье. Взгляд жадно скользил по улицам, пытаясь запечатлеть каждую деталь: старинные фонари, отбрасывающие дрожащие блики на мокрый асфальт, витрины магазинов с приглушённым светом, редкие силуэты прохожих под зонтами.

С детства я питала особую слабость к путешествиям. Для меня дорога всегда была не просто перемещением из точки А в точку Б – это был ритуал, магический переход в иное измерение. Помню, как в школьные годы мы с родителями отправлялись в семейные поездки. Тогда каждая миля казалась приключением, каждый поворот – обещанием чего-то нового.

Особенно ярко в памяти оживали поездки в Шотландию, к бабушке. Её дом – фамильный особняк, как любил называть его дедушка, – казался мне в детстве настоящим замком. Двухэтажное строение из тёмного кирпича, с высокими стрельчатыми окнами, которые, казалось, впитывали солнечный свет, чтобы потом излучать его изнутри. Зелёный плющ обвивал фасад, словно живой ковёр, шуршащий на ветру.

Я закрываю глаза, и вот уже вижу: бабушка отворяет массивные парадные двери, и тёплый аромат яблочного пирога окутывает нас, словно объятие. Я стремглав несусь в сад, где скрипят качели, подвешенные дедушкой ещё для моей мамы. Позже для меня на ветвях старого

дуба построили уютный домик – моё убежище, где я могла часами сидеть, наблюдая за миром внизу. Ветерок доносил ароматы трав, а я играла с куклами, придумывая для них невероятные истории, или рисовала свои фантазии на листках бумаги, пока солнце ласково грело кожу.

Эти воспоминания нахлынули так ярко, что я едва заметила, как въехала в город. Дождь всё ещё шёл, превращая улицы в зеркальные коридоры, где огни фонарей дробились на тысячи бликов. Для раннего вечера здесь было непривычно мало людей – лишь редкие фигуры скользили мимо, укрываясь под зонтами, словно тени из другого мира.

Проехав пару проспектов, я наконец остановилась у нужного отеля. Выключила двигатель, но ещё несколько секунд сидела неподвижно, вслушиваясь в стук дождя по крыше. Затем, глубоко вздохнув, сверилась с картой на экране телефона.

Да. Это точно здесь.

Медленно выхожу из машины. Холодный воздух тут же пронизывает до костей, но я почти не замечаю этого. В голове – странная смесь облегчения и тревоги. Я здесь.

«Надеюсь, Кайл нашёл нормальный отель», – подумала я, стараясь заглушить неожиданно вспыхнувшие сомнения насчёт его способностей отыскать достойное жильё. Ещё раз скептически осмотрела здание: на первый взгляд оно выглядело вполне прилично, даже солидно.

К сожалению, на парковке не оказалось ни одного свободного места. Пришлось проехать чуть вперёд по улице и припарковаться у соседнего здания. Выйдя из машины, я поспешила достать вещи и, огибая лужи, бросилась ко входу в отель. Увы, моя физическая форма оставляла желать лучшего. Уже через несколько шагов дыхание сбилось, лёгкие загорелись, а правый бок пронзило колющей болью. Поморщившись, я ускорила шаг и наконец переступила порог отеля.

После завершения всех формальностей я поднялась в номер. Переступив порог, бросила вещи на кожаное кресло у стены и без сил рухнула на кровать, уставившись в потолок.

Телефон издал короткий сигнал. Взяв его в руки, я просмотрела уведомления. Сначала ответила маме – написала, что добралась и у меня всё в порядке. Затем задержала взгляд на сообщении от Софи.

«Чёрт, после того случая мы так и не поговорили», – мысль скользнула ледяной змеей, обвивая сердце. Я всё ещё не решалась позвонить подруге – просто не была готова к этому разговору. А теперь она пишет, что волнуется, а я даже не могу найти в себе силы ответить.

«Жалкая», – прошептал внутренний голос. Я убрала телефон в карман джинсов, пытаясь игнорировать ощущение вины, которое становилось почти осязаемым.

Повернувшись на бок, я устремила взгляд в окно напротив. Дождь закончился: сквозь разрывы в облаках пробивались слабые солнечные лучи. На верхушках деревьев поблёскивали молодые зелёные листочки; изредка над облаками проносились птицы.

На душе немного полегчало. Я слабо улыбнулась, наблюдая за игрой света и тени. Затем перевела взгляд на интерьер номера – места, где мне предстояло провести ближайший месяц.

«Что ж, Кайл не подвёл. Надо бы позвонить ему и поблагодарить за помощь», – только эта мысль оформилась в голове, как в кармане джинсов завибрировал телефон.

Достав мобильник, я увидела входящий вызов от Кайла – через FaceTime. Надпись на экране гласила: «Придунок».

Чертыхнувшись про себя, я резко села на кровати. От внезапного движения голова закружилась, перед глазами заплясали мерцающие звёздочки. Подождав пару секунд, пока мир не перестал расплываться, я сфокусировалась на экране и приняла вызов.

– Вспомнишь сразу – вот она сразу, – пробурчала я.

Кайл тут же расплылся в улыбке, серые глаза заискрились.

– И тебе привет, красавица, – как всегда, в своей шуточной манере поздоровался он, игриво подмигнув. – И где же ваши манеры, мисс Кембэл? Кто так здоровается с лучшим другом? – дразнил он меня.

Я высунула кончик языка, отвечая ему такой же игривой улыбкой. Знаю, по-детски, но мне было всё равно.

– Мило выглядишь, огонёк, – сказал он, используя дурацкое прозвище, которым наградил меня чуть ли не с первой встречи.

Я покачала головой, но продолжала улыбаться.

– Ты ведь не прекратишь, да?

Кайл рассмеялся, чуть запрокинув голову – так искренне, так беззаботно, что у меня непроизвольно защемило сердце. Внутри всё скрутилось в тугой узел.

Хотелось бы мне так же открыто выражать эмоции, как это делает он, – мелькнула мысль, кольнув чувством зависти. Кайл жил той простой, беззаботной жизнью, о которой я могла лишь мечтать.

– Не думаю. Дразнить тебя – одно из моих самых любимых занятий... Хей, ты в порядке? – его вопрос обрушился, как ушат ледяной воды, вырвав из мрачных раздумий. Видимо, он заметил моё отрешённое состояние.

Я тряхнула головой, встретилась с его обеспокоенным взглядом и виновато улыбнулась.

– Да, просто задумалась. Так зачем ты позвонил?

– Я что, не могу позвонить? – Кайл чуть всплеснул руками и драматично нахмурил брови. – Может, я соскучился по твоему общению. И мне в жизни не хватает твоих «увлекательных» лекций про то, как рисовал какой-нибудь известный художник... Доно... что-то там. – На последних словах он поиграл бровями, шуточно подперев подбородок кулаком.

– Да-да... Вижу по твоей мордашке, как ты обожаешь искусство и жаждешь поболтать про это. И вообще-то правильно будет Донателло, а полное имя – Донато ди Никколо ди Бетто Барди. И он был не художником, а итальянским скульптором. Между прочим, одним из известнейших в эпоху Возрождения. Грех такое не знать, неуч! Мы это проходили в прошлом семестре! – Я не смогла сдержать улыбки, заметив, как сверкнули его серые глаза. Кайл беззаботно улыбнулся, чуть разведя руки в стороны и пожимая плечами.

– Ты знаешь, что я люблю тво мозг, он не даёт моему отупеть – хохотнул Кайл. – Ла-а-адно, ты меня раскусила. – Подмигнув, он вдруг стал серьёзнее. – Я позвонил сообщить, что появился новый клиент, и он хочет, чтобы именно ты работала над его заказом.

Вся весёлость мгновенно улетучилась. Когда дело касалось работы, Кайл переставал играть роль балагура, превращаясь в собранного, внимательного профессионала. Сейчас он смотрел на меня в упор, ожидая ответа.

Несколько секунд я молчала, взвешивая варианты. Затем отрицательно покачала головой:

– Мой ответ – нет. Ты же знаешь, что я сейчас буду работать над оранжереей. У меня просто не будет свободного времени, чтобы ещё и рисовать параллельно – даже для себя.

Обычно я бралась практически за любой заказ, вне зависимости от сложности и объёма работы. Рисование было не просто хобби – оно было моей отдушиной. Даже работая на заказ, я полностью погружалась в процесс, растворяясь в нём. Но сейчас я не могла себе этого позволить. На кону стояло моё будущее, и нужно было сосредоточиться на проекте, пусть даже ценой временного отказа от любимого занятия.

– Огонёк, клиент платит большие деньги. Ты уверена, что хочешь отказаться? Не думаю, что появится ещё один такой же богатей, готовый отвалить такую сумму за графический рисунок.

Кайл был прав. Мне действительно стоило тщательнее обдумать предложение, а не отвергать его сгоряча. Нервно постукивая пальцем по бедру, я задумчиво смотрела на экран телефона.

– А что он хочет? Он говорил тебе, какой рисунок нужен?

– Не совсем. Он упомянул лишь, что хочет запечатлеть новую интерпретацию Адама и Евы. Когда я спросил, что он под этим подразумевает, он ответил, что будет обсуждать все детали и нюансы только с тобой.

Во мне боролись два сильных чувства: рациональность, твердившая, что нужно сосредоточиться на более важных вещах, и любовь к искусству. Слова Кайла пробудили интерес – мне редко доводилось работать с действительно увлекательными заказами, а тут ещё и библейская тема! Внутренний художник ликовал: наконец-то что-то интересное! Ему уже не терпелось взяться за работу.

Но вторая, более рациональная часть меня, настойчиво напоминала о грядущем проекте – первом серьёзном испытании, от которого зависело моё будущее. Я разрывалась между желанием творить и необходимостью сосредоточиться на главном. Смятение окутало меня плотной пеленой, лишая способности принять решение.

Видимо, Кайл заметил мои душевные терзания.

– Давай я свяжусь с ним и узнаю о сроках. Обрисую ему твою ситуацию – вдруг получится перенести? – предложил он, глядя на меня серьёзными, понимающими глазами.

Я рассеянно смотрела на друга, пытаясь осознать его слова. В голове крутились мысли: «А если получится совместить? Если сроки действительно можно сдвинуть? Это же уникальный шанс – поработать с интересным заказом, не жертвуя основным проектом...»

Наконец, я глубоко вздохнула и встретилась с его взглядом.

– Хорошо. Попробуй договориться. Но предупреди его сразу: я не смогу приступить, пока не разберусь с оранжереей.

Кайл кивнул, его лицо снова озарилось тёплой улыбкой.

– Понял. Сделаю всё, что смогу. Ты только не передумай, а? Это реально крутой заказ.

– Посмотрим, – уклончиво ответила я. – Главное, чтобы сроки сошлись.

На мгновение в кадре повисла пауза. Кайл словно колебался, будто хотел сказать что-то ещё.

– Слушай, – начал он, чуть понизив голос, – я знаю, что сейчас для тебя всё это непросто. Но ты правда талантлива. Не зарывай свой дар только потому, что боишься не справиться. Ты сможешь и то, и другое – если захочешь.

Его слова отозвались в груди тёплым, почти забытым чувством – верой в себя. Я улыбнулась чуть шире.

– Спасибо, Кайл. Это много значит.

– Ну вот и отлично! – Он снова оживился. – Тогда жди новостей. Как только что-то выясню – сразу тебе наберу.

– Договорились.

Я отключила звонок и откинулась на подушку. В голове всё ещё крутились мысли о заказе, об оранжерее, о том, как всё это совместить. Но теперь, благодаря Кайлу, появилась надежда – хрупкая, но ощутимая.

За окном медленно темнело. Город за стеклом погружался в мягкий вечерний свет, а я всё смотрела на телефон, будто ждала, что он вот-вот снова оживёт, принеся долгожданное решение.

Было темно... и холодно...

Я чувствовала, как горят мои ноги и руки – не от жара, а от ледяного озноба, пронизывающего до костей. Тело дрожало в неумолимой хватке мороза; холод не просто сковывал – он

будто въедался в кожу, оставляя на ней невидимые ожоги. Порывы ветра хлестали по щекам, рвали спутанные волосы, пытались сорвать с меня остатки тепла.

Где я? Что это за место?

Вопросы метались в голове, но ответов не было. Только страх – густой, осязаемый, – сжимал сердце цепкими когтями.

Вокруг – ни звука, ни проблеска света. Только тьма, плотная и всепоглощающая, и туман, тяжёлый, как свинец. Он обволакивал меня, лишал ориентиров, превращал пространство в бесконечный лабиринт без выхода. Воздух сгущался, становился почти твёрдым, давил на грудь, мешал дышать.

«Сколько я уже здесь? – билась в сознании паническая мысль. – Может, это сон?»

Но всё ощущалось до ужаса реальным: холод, запах, тишина, от которой закладывало уши.

Внезапно в ноздри ударил едкий, тошнотворный смрад – словно смесь гнили и тухлой воды. Я попыталась задержать дыхание, но запах будто проникал сквозь кожу, заполнял лёгкие, вызывал спазмы в горле. С каждой секундой он становился всё невыносимее, будто кто-то намеренно усиливал его, испытывая моё терпение.

И тогда я услышала шаги.

Тихие, размеренные, они приближались сквозь туман. Каждый звук отдавался в висках молотом. Я замерла, боясь пошевелиться, но сердце бешено колотилось, выдавая меня.

Шаги оборвались.

На затылок дохнуло тяжёлым, влажным дыханием.

Медленно, едва осмеливаясь, я обернулась.

Никого.

Только туман, только тьма.

Но я знала – оно здесь. Где-то рядом. Ждёт.

Я вгляделась в серую пелену, пытаюсь различить очертания. Сначала – лишь игра теней. Потом – смутный силуэт. Высокий, угловатый, неподвижный. Он не двигался, но я чувствовала, как его взгляд – если у него были глаза – скользит по мне, изучает, оценивает.

Холодный ужас пронзил до кончиков пальцев. Истерика подступала, как волна, грозящая накрыть с головой. В груди клубился вихрь эмоций: страх, беспомощность, отчаяние.

Чего оно ждёт?

Моей реакции? Криков? Ужаса?

Я сжалась в комок, зажмурилась, пытаюсь отгородиться от реальности. Но даже сквозь закрытые веки я видела его – тёмный контур в тумане, немой укор моему бессилию.

– Пожалуйста... – вырвалось шёпотом, почти неслышно. – Кто ты?..

Ответа не было.

Только тишина. Только холод. Только запах.

И оно – всё ещё там. Всё ещё ждёт...

Проходит минута... одна... вторая... третья.

Собрав остатки смелости, я резко распахиваю глаза – и буквально врезаюсь взглядом в изуродованное лицо прямо перед собой. Из-за жутких ран невозможно было понять, девушка это или мужчина. Правый глаз существа обезображен рваным шрамом, а левый – широко распахнут, будто выхватывает из меня душу. Зрачок дёргается в чёрной глазнице, двигаясь неестественно, словно механизм, вышедший из строя.

Кожа на лице свисает лоскутами, обнажая бледные мышцы и багровые прожилки. Рот защит толстыми тёмными нитками; по ним стекают бурые, почти чёрные капли крови, оставляя липкие следы на подбородке.

Тело охватывает паралич. Не просто страх – животный ужас, от которого хочется не убежать, а исчезнуть, раствориться в этом густом тумане. Лишь бы подальше от этого существа.

Взмокшая, бледная, дрожащая, я делаю неуверенный шаг назад.
Оно вздрагивает.

В ту же секунду тонкая костлявая рука хватается меня за шею, впивается когтями в кожу. Существо замирает в нескольких сантиметрах от моего лица, обдавая смрадным дыханием – будто из разлагающейся могилы.

Мерзкое подобие рта растягивается в улыбке – скорее оскал, чем человеческая гримаса. Нитки натягиваются, и сквозь них проступают кривые острые зубы.

Крик застывает в горле. Шею пронзает острая пульсирующая боль. Я слышу его тяжёлое дыхание, слышу, как бешено колотится моё сердце. Меня бьёт мелкая дрожь. По щекам текут слёзы – холодные, как лёд.

Я пытаюсь вырваться, дёргаюсь – но хватка лишь усиливается. Воздух заканчивается. Я захлёбываюсь в беззвучных рыданиях, чувствую, как горят лёгкие от нехватки кислорода.

Существо наклоняется ещё ближе. Между нами – жалкие миллиметры.

Скрипучим, будто ржавые петли, голосом оно что-то говорит. Но я не разбираю слов – голова гудит, звуки становятся далёкими, глухими, словно я погружаюсь под воду. Темнота затягивает всё глубже, глубже...

И вдруг я просыпаюсь.

От собственного истошного крика.

Сердце колотится так, что, кажется, пробивает рёбра. Пот стекает по вискам, простыни сбиты, дыхание рваное, судорожное. Я сажусь в кровати, оглядываюсь – комната. Моя комната. Свет ночника, знакомый силуэт шкафа, окно с силуэтом деревьев за стеклом.

Это был сон.

Всего лишь сон.

Но ощущение холодных когтей на шее не уходит. Оно остаётся – как отпечаток, как шрам, как обещание:

Я ещё вернусь...

Глава 7

В комнате было темно и душно. Я ощущала, как бешено бьётся моё сердце, как по спине течёт холодный пот, как влажная одежда неприятно липнет к трясущемуся телу. Шея ныла – будто когти до сих пор впивались в кожу. Я до сих пор чувствовала тот мерзкий запах; казалось, им пропитался весь номер. Нестерпимо захотелось помыться, смыть с себя этот кошмар.

Запустив дрожащие пальцы в волосы, чуть сжала пряди, пытаюсь выровнять сбившееся дыхание. Лёгкие горели, словно в них залили раскалённый свинец. По щекам безостановочно текли слёзы. В сознании пульсировала одна мысль: «Я всё ещё там. Этот монстр до сих пор сжимает моё горло».

Вскочив с кровати, я метнулась к тумбе и щёлкнула выключателем. Лампа зажглась – тусклый жёлтый свет разорвал тьму, обнажив привычные очертания мебели. Я стояла, тяжело дыша, и смотрела на горящую лампочку, как на последний островок реальности.

«Таблетки».

Мысль вспыхнула, как спасительный маяк. Я бросилась к сумке, дрожащими пальцами пытаюсь нащупать коробочку. Но руки не слушались, движения были рваными, хаотичными. В отчаянии отшвырнула сумку – она с глухим стуком рухнула на пол, рассыпав вещи. Всхлипы рвались наружу, я уже не могла их сдерживать.

И тут – стук в дверь.

Резкий, отчётливый. Он пробил туман паники, заставил замереть. Это не во сне. Это здесь. Сейчас.

Стук повторился. Не привиделось.

На трясущихся ногах я сделала шаг к двери. Рука повисла над ручкой, не решаясь повернуть. Сердце колотилось так, что, казалось, дверь дрожала в унисон.

Ещё один стук – громче, настойчивее.

– В...вы что-то хотели? – мой голос прозвучал хрипло, жалко, совсем не так уверенно, как я надеялась.

– Это администратор. Жильцы напротив пожаловались на крики и шум из вашего номера.

Внутри всё сжалось. Зажав рот рукой, чтобы заглушить всхлип, я уставилась на дверь. Нужно было что-то ответить, придумать объяснение, но мысли разбегались, словно тараканы при свете.

– Мисс? – голос за дверью звучал терпеливо, но в нём угадывалось лёгкое беспокойство.

Я облокотилась на дверь, чувствуя, как холодная древесина отдаёт прохладой. Слезы не останавливались. Жгучая смесь стыда и ужаса душила, делая воздух в коридоре густым, почти осязаемым. Кровь стучала в висках, перед глазами начало плыть.

Соберись. Скажи что-нибудь.

– Мисс? – Облокотившись рукой о дверь, я пыталась справиться с эмоциями. Слезы все никак не хотели останавливаться. Жгучая смесь стыда и ужаса душила меня изнутри. Воздух в коридоре казался настолько густым, что невозможно было сделать и вдоха. Кровь стучала в висках, а в глазах начинало все плыть.

«Черт! Черт! ЧЕРТ!» – Вопил разум. Мысли бешеным вихрем металась в моем измученном сознании. Паника все сильнее сжимала горло.

– Мисс, если вы не ответите, я вынужден буду открыть дверь своим ключом. – Голос администратора электрическим разрядом прошелся по моему дрожащему телу, приводя меня в чувство.

– П-простите, – выдавила я, с трудом проглатывая ком в горле. – Я... мне просто... при-снился кошмар. Я не хотела никого беспокоить.

Пауза. Затем – тихий, почти сочувственный ответ:

– Понимаю. Если вам нужна помощь, позвоните на ресепшен, хорошо?

– Д-да. Спасибо.

Шаги затихли. Я осталась стоять, прислонившись к двери, пока дыхание постепенно не стало ровнее. Но даже когда тишина вернулась, внутри всё ещё дрожало.

Медленно опустившись на пол, я прижала колени к груди. Это был сон. Всего лишь сон. Но ощущение чужих пальцев на шее не исчезало.

Через несколько минут я всё же поднялась. Дошла до ванной, включила воду – горячую, почти обжигающую. Стояла под струями, пока кожа не покраснела, пока дрожь не начала утихать. Но даже тогда, вытираясь, я ловила своё отражение в зеркале: глаза красные, лицо бледное, а в глубине зрачка – тень того, что ждало в темноте.

Нужно взять таблетки. Нужно уснуть. Нужно убедить себя, что это просто сон.

Но где-то в глубине души я знала: это не просто сон...

Я стояла под холодными струями воды, наблюдая, как прозрачные капли стекают по руке. Внутри – невыносимая горечь и пустота. Горькая усмешка тронула дрожащие губы, к глазам снова подступили жгучие слёзы.

Выйдя из душа, я бросила взгляд в зеркало. На меня смотрела уставшая, измученная девушка: по бледным щекам текли слёзы, влажные кудрявые пряди прилипли ко лбу. Янтарно-карие глаза вглядывались в мои – в них было столько терзаний и отчаяния. Лишь россыпь веснушек ярко горела на светлой, почти белой коже.

К горлу подступила тошнота, зрение затуманилось. Всё слилось – пелена слёз застилала глаза. Прикрыв горящие веки, я сосчитала до пяти, сделала несколько глубоких вдохов, пытаюсь взять эмоции под контроль.

Нужно собраться. Это просто сон. Всего лишь сон.

Но разум упорно подкидывал вопросы: почему так реалистично? Почему ощущение чужих пальцев на шее не проходит? Почему этот запах будто въелся в кожу?

Я вытерлась, натянула сухую одежду. Движения были механическими, будто тело действовало само по себе, пока сознание всё ещё плавало в омуте страха. Подошла к чемодану, достала телефон. Экран засветился – 03:17.

Кому позвонить?

Мама? Она испугается, начнёт волноваться, потребует вернуться. Софи? После нашего недоговорённого разговора это будет странно. Кайл? Он единственный, кто поймёт без лишних вопросов... но сейчас слишком поздно.

Пальцы замерли над контактами. Тишина в номере давила сильнее, чем прежде. Даже звук капающей в ванной воды казался оглушительным.

Ты в безопасности. Ты дома. Это был сон.

Я повторила фразу, как мантру, но она не приносила облегчения. Вместо этого перед глазами снова встало то лицо – изуродованное, с неестественно движущимся зрачком, с зашитым ртом, из-под ниток которого сочилась кровь.

Резко тряхнув головой, я заставила себя сделать ещё один глубокий вдох. Нужно что-то делать. Нельзя просто сидеть и ждать, пока страх снова накроет волной.

Достала блокнот и карандаш. Руки всё ещё дрожали, но я начала выводить линии – сначала хаотичные, потом более осмысленные. Рисунок рождался сам собой: тёмный силуэт в тумане, вытянутая рука с острыми когтями, лицо, искажённое не то болью, не то ухмылкой.

Я рисовала, пока не почувствовала, что дыхание стало ровнее. Пока не осознала, что больше не слышу стука сердца в ушах. Пока не поняла, что слёзы больше не текут.

Отложив карандаш, я посмотрела на рисунок. Он был жутким, но... реальным. Не как сон. Как будто я зафиксировала то, что пыталась забыть.

Может, это помогает?

Сложила листок, спрятала в карман. Потом, возможно, уничтожу его. Но сейчас он стал доказательством – я пережила это. Я справилась.

Подошла к окну, раздвинула шторы. За стеклом – тёмный, тихий город. Никого. Ничего. Только свет фонарей, пробивающийся сквозь редкие облака.

Это реальность. Это здесь и сейчас.

Взяв подушку и одеяло, я устроилась в кресле у окна. Не хотелось возвращаться в постель – не после того, что было. Но и оставаться в полной темноте было невозможно.

Включила ночник. Мягкий свет разогнал тени по углам.

Закрыла глаза, но не уснула. Просто слушала тишину. И ждала рассвета.

Темноту комнаты разорвал мягкий свет экрана моего телефона – и почти сразу раздался звонок. Я взяла аппарат в руки и увидела несколько пропущенных вызовов от Софи. В ту же секунду телефон снова завибрировал.

На экране горели белые буквы: «Софи».

Я замерла, не решаясь ответить. Просто стояла, глядя, как разрывается телефон, не в силах принять звонок.

«Что я ей скажу?» – этот вопрос пульсировал в голове, словно набат.

Не знаю, сколько времени прошло, но наконец вибрация прекратилась. Экран моргнул – пришло голосовое сообщение. Это будто ударило меня током, вернуло в реальность. Я открыла диалог, но пальцы замерли над кнопкой воспроизведения. Внутри всё скрутило в тугий узел.

В этот момент я ощутила, как снова начинаю прятаться в холодную скорлупу – ту самую, в которой жила долгие годы. Знакомое ощущение отчуждения, отстранённости, будто я наблюдаю за собой со стороны.

«Нет! Нет! Нет! Только не снова!» – мысленно закричала я. Грудь сдавили невидимые тиски, дыхание стало прерывистым.

Закрыв диалог с подругой, я судорожно набрала номер Тома. Мне срочно нужно было с ним поговорить. Сейчас меня абсолютно не волновало странное поведение врача – мне просто необходимо было выговориться, разложить по полочкам свои эмоции. И только Том мог мне в этом помочь.

Написать маме я так и не решилась, хоть наши отношения и наладились. Но между нами всё ещё оставалось это огромное «но», которое не давало мне полностью раскрыться.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем телефон издал короткий «пилинг» – пришло ответное сообщение от врача. Волна облегчения накрыла меня целиком; только тогда я осознала, насколько была напряжена. Трясущимися пальцами набрала знакомый номер.

После пары длинных гудков я наконец услышала его успокаивающий голос:

– Добрый вечер, Лина.

Его тон подействовал на меня как мощное успокоительное.

– Д...да, здравствуйте, мистер Браун, – мой голос всё ещё дрожал.

– Признаться честно, я был удивлён, когда увидел ваше сообщение. У вас что-то произошло? – Он, как всегда, был пронизателен до тревожности – это одновременно пугало и восхищало.

– Нет... то есть да...

– Не волнуйтесь так сильно, Лина. Сейчас мы не на сеансе. Не стоит так нервничать.

В его голосе было столько спокойствия и мягкости, что это неожиданно подействовало на меня. В доли секунды я осознала: контроль над эмоциями окончательно потерян.

– П-п-п... понимаете... мне... я... – очередной всхлип вырвался наружу, – ...не знаю, как объяснить... – ещё один всхлип, – всё было таким реальным... – голос дрожал, глаза горели от слёз, но я будто не замечала этого. Просто больше не могла держать всё в себе. – Мне кажется, оно хотело меня убить...

Я замолчала, пытаясь справиться с рвущимися наружу рыданиями.

– Тише, тише, тише, – его голос обволакивал, словно тёплое одеяло. Пара простых слов – и я почувствовала, как постепенно отступает истерика, растворяются страхи.

– Лина, расскажите: кто хотел вас убить?

Замешкавшись на секунду, я всё же решилась поделиться:

– Я точно не знаю, кто это был. Понимаете, это было во сне. Всё было таким реальным, живым... и этот ужасный монстр в тумане... Он пытался меня задушить.

Сбивчиво, но всё же я попыталась передать то, что увидела во сне. На том конце трубки повисла тишина. А внутри меня снова разыгралась буря: «Вдруг не поверит? Вдруг сочтёт сумасшедшей?»

Спустя несколько долгих минут я услышала взволнованный голос Тома:

– Лина, а раньше вам снилось что-то подобное?

Вопрос застал меня врасплох. Я попыталась вспомнить: были ли ещё когда-нибудь настолько реалистичные кошмары? Перебрала в памяти последние месяцы, но ничего похожего не всплывало.

– Нет, – наконец ответила я, голос звучал тише, – ничего подобного раньше не было. Этот сон... он был другим. Более осязаемым, что ли. Я до сих пор чувствую холод, запах... будто всё это не закончилось.

Том помолчал, словно обдумывая мои слова. Затем спросил:

– Вы пытались проанализировать, что именно в этом сне вызвало такой сильный страх? Может, есть какой-то образ, деталь, которая особенно врезалась в память?

Я закрыла глаза, пытаясь воспроизвести картину. Перед внутренним взором снова возникло изуродованное лицо – рваный шрам, неестественно движущийся зрачок, зашитый рот, из-под ниток которого сочилась кровь.

– Лицо, – прошептала я. – Оно было... искалечено. Я не могла понять, мужчина это или женщина. Один глаз обезображен, другой – широко открыт. И ее взгляд... он будто проникал внутрь.

– Лина... Вы сказали «её». Почему вы решили, что это существо женского пола?

Эти слова вонзились в сознание, как острые стрелы, вызвав вспышку тупой боли. Вопрос застал врасплох – я буквально оцепенела. Рука безвольно опустилась, и телефон со стуком упал на кровать.

В голове бушевал ураган мыслей, но сквозь хаос пробивался один-единственный вопрос: «Почему я решила, что это она?»

Виски сдавило пульсирующей болью, перед глазами всё поплыло. Хотелось закричать, но страх сковал горло, лишив голоса. Пространство вокруг начало искажаться: стены словно растворялись, а в углах сгущались тёмные тени. Они медленно, почти незаметно, ползли ко мне, извиваясь, будто живые щупальца.

Дышать становилось всё труднее – воздух будто превратился в вязкий сироп, с трудом проникая в лёгкие. Каждый вдох требовал усилий, словно я пыталась дышать под водой.

– Лина?! Вы слышите меня?!

Голос Тома разорвал наваждение. Я крепко зажмурилась, помотала головой, пытаясь собрать разбегающиеся мысли. Медленно открыла глаза и осторожно огляделась. Всё вернулось на свои места: обычная комната, привычная мебель, мягкий свет ночника.

Дрожащей рукой подняла телефон.

– Что со мной? – прошептала я севшим голосом. – Я схожу с ума?

– Лина, послушайте меня внимательно. Вы не сходите с ума. Этот кошмар – естественная реакция подсознания на травмирующее событие. Скажите, в последние дни вы испытывали сильные переживания? Может, произошло что-то, что вас глубоко потрясло?

Его голос действовал успокаивающе – я вновь отметила эту странную особенность. Ещё на первом сеансе я обратила внимание, как легко он возвращает меня к реальности, но тогда

не придала этому значения. Сейчас же моё взбудораженное сознание упорно искало подвох даже в его словах. Я отчаянно хотела ему верить, но страх и сомнения оставались сильнее.

Собрав остатки самообладания, зажмурилась и тихо произнесла:

– На днях, как вы и советовали, я поговорила с мамой. Рассказала о ситуации с Брайаном. – Я замерла, сделала глубокий вдох. – Это могло стать причиной моего кошмара?

О мужчине из снов я решила умолчать.

– Да.

Одно короткое слово, но оно принесло невероятное облегчение.

– Лина, возможно, мой вопрос покажется вам странным, но существо из вашего сна не делало ничего необычного?

Перед глазами тут же вспыхнула жуткая картина: холодные пальцы на горле, искажённое лицо, приближающееся к моему, отвратительное подобие рта, растягивающееся в оскале.

– Оно что-то говорило, – ответила я, – но я не смогла разобрать слов.

– Хорошо. Лина, я выпишу вам новое лекарство и отправлю рецепт на почту. Скажите, у вас будет возможность приобрести его в ближайшее время?

Том говорил в своей обычной спокойной манере, и я, не задумываясь, выпалила:

– Да, думаю, я смогу.

Слишком поспешно – я тут же почувствовала неловкость за свою несдержанность.

– Лина, важно понимать: кошмары – это способ, которым наш разум обрабатывает скрытые страхи и тревоги. Возможно, этот сон отражает что-то, с чем вы сталкиваетесь в реальной жизни, но пока не осознаёте до конца.

Я молча слушала, впитывая каждое слово. В глубине души теплилась надежда: может, он действительно поможет мне разобраться в этом хаосе?

– Давайте попробуем сделать следующее, – продолжил он. – Когда вы почувствуете, что страх возвращается, попробуйте мысленно вернуться в сон, но на этот раз измените финал. Представьте, что вы побеждаете монстра или находите выход из ситуации. Это техника называется «переписывание сна» – она помогает снизить тревожность.

– Хорошо, – я сглотнула, чувствуя, как внутри постепенно появляется хрупкая уверенность. – Я попробую.

– И ещё одно, – добавил он. – Постарайтесь наладить режим сна. Тёмная, прохладная комната, отсутствие гаджетов за час до сна, лёгкий чай или тёплая ванна. Это создаст благоприятные условия для спокойного отдыха.

– Спасибо, Том, – мой голос дрогнул, но уже не от страха, а от благодарности. – Я правда ценю вашу помощь.

– Всегда рад помочь, Лина. Если что-то понадобится – звоните в любое время.

Я положила трубку, и на мгновение замерла, держа телефон в руках. В груди всё ещё было тревожно, но теперь к этому примешивалось нечто новое – проблеск надежды.

Поднявшись, я подошла к окну. За стеклом – тёмный город, огни фонарей, редкие машины. Всё такое обычное, земное. Я глубоко вдохнула, затем медленно выдохнула.

Это реальность. Это здесь и сейчас.

Упав спиной на кровать, я уставилась в потолок. Мысли путались, на душе – полный бардак. Вздохнув, снова взяла телефон. Иконка мессенджера горела одним непрочитанным сообщением. Открыв его, на секунду замерла: Софи оставила новое голосовое. Одним движением включила.

– Привет. Не знаю, почему ты меня избегаешь, но я очень волнуюсь за тебя. Сегодня приходила к вам домой – твоя мама сказала, что ты уехала по работе... Лина, пожалуйста, позвони мне. Я очень переживаю за твоё состояние.

Взволнованный голос подруги резанул, будто острый нож. На душе стало гадко. Посмотрев на время, я набрала её номер.

Послышались долгие гудки. Решив, что Софи, наверное, уже спит, я собралась отключиться. Но вдруг на том конце трубки раздался сонный голос:

– Лина?

– П-привет, Соф. Я тебя разбудила? – тихо произнесла я.

– Нет, нет, нет! Я делала отчёты для своего вредного босса, поэтому не спала. Боже, я так рада, что ты позвонила! Как ты? Как работа? Как твоё здоровье? Ты хорошо спишь? Больше не падала в обморок?

Град вопросов обрушился на меня. Но на душе потеплело. «Она не злилась на меня».

– погоди, погоди, я не успеваю за твоими вопросами. Я в норме, не стоит так сильно переживать за меня. Я...

– Лина, ты упала в обморок! – перебила она, и волна стыда накрыла меня с головой.

– А если это что-то серьёзное? Ты хоть знаешь, сколько ужасных болезней начинаются с обычного обморока?!

В её голосе смешались раздражение и волнение. Перед глазами возникло лицо подруги: она недовольно поджимает чуть пухлые губы, хмурит тёмные брови.

– Прости, – прошептала я, понимая, насколько жалко это звучит.

Мне казалось, она не поверит, если я всё расскажу. Эти мысли сводили с ума, и я попыталась перевести тему:

– Давай ты лучше расскажешь про своего ужасного начальника.

На том конце повисла тишина. Я слышала её шумное дыхание.

– О-о-о, он самый ужасный человек, с кем мне когда-либо приходилось работать! – Похоже, Софи поняла, что я уваливаю от её вопросов, и решила подыграть. – Представляешь, он заставляет меня переделывать квартальный отчёт уже в третий раз! А недавно отчитал за моё платье – видите ли, оранжевый цвет не подходит для офисной работы...

Она продолжала болтать, а я слушала её голос и чувствовала, как всё вокруг постепенно встаёт на свои места. Эмоции поддавались контролю, чувства уже не были столь острыми и всепоглощающими. Возвращение к равновесию оказалось настолько плавным, что я не сразу осознала: я успокоилась.

Мы проболтали около часа. Я начала клевать носом, поэтому, попрощавшись с Софи и пообещав больше не избегать её, с чистой совестью отключилась. Устроившись поудобнее на большой кровати, я провалилась в сон. В этот раз кошмары меня не беспокоили...

Глава 8

В воздухе витал терпкий аромат ладана, смешанный с горьковатым запахом сушёных трав. Я стояла у огромного окна, замороженно наблюдая, как крупные капли дождя стекают по стеклу, рисуя причудливые узоры. В комнате хозяйничал сквозняк: он колыхал занавески из дымчатого шёлка, играл с огнём в камине, заставляя пламя то пригибаться, то взмывать вверх.

По коже пробежали мурашки – я зябко поежилась, пытаюсь согреть замёрзшие руки. За окном бушевала стихия: яркие всполохи молний пронзали тяжёлые тучи, на мгновение озаряя мрачное пространство комнаты. Не было ни малейшего намёка на то, что погода в ближайшее время наладится.

Оторвавшись от созерцания разбушевавшейся природы, я окинула взглядом помещение. Оно казалось почти пустым – лишь голые стены и минимум обстановки. Босыми ногами я бесшумно ступала по холодному каменному полу. Единственным предметом мебели в центре комнаты был большой рояль из тёмного дерева.

Подойдя ближе, я кончиками пальцев провела по лакированной поверхности. Внутри зарождалось незнакомое чувство – острое, почти навязчивое желание поднять крышку и сыграть. Я никогда не испытывала особой любви к классической музыке, но сейчас во мне разгоралось необъяснимое стремление прикоснуться к клавишам. Руки покалывало от нетерпения.

Сев за рояль, я осторожно подняла крышку. Прохлада дерева приятно саднила кожу. Едва касаясь, провела подушечками пальцев по белоснежным клавишам. На секунду дыхание перехватило от восторга – в груди вспыхнули трепет и нежность, словно я прикоснулась к чему-то сокровенному.

С первых нот музыка проникла под кожу. Пальцы парили над клавишами, а я будто растворялась в льющейся мелодии. Все мысли и проблемы отошли на второй план. Я вложила в игру все свои переживания, сомнения, страхи. Ещё никогда в жизни я не чувствовала себя настолько свободной и лёгкой. Музыка цепляла, будила эмоции, доводила до мурашек. Сердце переполняло восторг, а мелодия всё лилась и лилась, заставляя петь струны моей души.

За окном продолжал идти дождь, а я сидела за большим роялем в пустой комнате и играла незнакомую мелодию, рождённую в глубинах моего сознания.

Но всё волшебство было разрушено, когда в комнату вошёл человек. Я замерла, пальцы застыли над клавишами. Наши взгляды встретились – его серые глаза сверкнули неоновым блеском.

Тело будто окаменело, не подчиняясь приказам разума. Кожа покрылась мурашками, меня пробил дрожь. В груди смешались страх и трепет. На светлых прядях волос блестели капли воды. Он был одет в тёмную, почти чёрную рубашку. Сердце сжалось – в его глазах горели нежность и... любовь?

Мне стало душно, воздух будто внезапно закончился. Я резко встала – горло сдавил спазм, всё тело сотрясала крупная дрожь. Он сделал шаг ко мне. Я замерла, пристально наблюдая за каждым его движением. Воздух в комнате стал густым и тяжёлым, жар опалил мои щёки.

Я снова потеряла контроль над эмоциями и разумом, а он подходил всё ближе... и ближе. Сердце гулко колотилось в груди, весь мир сузился до нас двоих.

Он остановился в метре от меня. Его пронзительные серые глаза, казалось, смотрели прямо в душу. Воздух между нами был наэлектризован – даже на расстоянии я чувствовала исходящий от него жар. Черты его лица смягчились. Мы стояли и смотрели друг на друга, а за окном грянул гром, и спустя пару секунд комнату озарила вспышка молнии.

Его взгляд был настолько проникновенным, что я потерялась в тёмных крапинках и серебристом отливе его глаз. Меня окутал его запах – свежий, как дождь. Мне хотелось дышать

им полной грудью, раствориться в этом аромате. Сердце пропустило удар, а самообладание дало трещину. Солёные дорожки слёз побежали по щекам, обжигая кожу.

Чувства смешались в хаотичный вихрь: радость, трепет, волнение – и тут же разочарование, тоска, отчаяние. Я словно оказалась в тюрьме, не зная, как выбраться, как сбежать из этого заточения.

Он протягивает руку – и его пальцы замирают в сантиметре от моего лица. Я застываю, стараясь не дышать; тело горит от нахлынувших эмоций. Его взгляд настолько пронзительный, что мне хочется кричать.

Крепко зажмурившись, я качаю головой. Делаю шаг назад... затем ещё... и ещё... Сама не замечаю, как, словно ошпаренная, выбегаю из комнаты. Остановившись в дверях, оборачиваюсь.

Он всё ещё там. Стоит один в пустой комнате с роялем. В его глазах – столько боли и тоски, что у меня перехватывает дыхание. Хочется кричать от бессилия.

Тяжело дышу, пытаюсь набрать в лёгкие как можно больше воздуха. Сердце сжимается от невыразимой тоски. Но я не даю себе ни единого шанса – отворачиваюсь и бегу по коридорам замка. Пространство начинает терять форму, размываться...

Проснулась разбитой и подавленной. Виски сдавливало тупой болью, в горле было непривычно сухо. Ужасно хотелось пить. Перед глазами стояли образы из сна – яркие, тревожные, непохожие на прежние. Всё было по-другому, и это чертовски пугало.

Глядя в потолок, я пыталась собрать себя по кусочкам. Казалось, я попала в кошмар, из которого не выбраться, просто уцепив себя за руку. Возникло отчаянное желание накрыться одеялом с головой и исчезнуть на несколько месяцев. Внутри росла зияющая дыра – холодная, бездонная.

Телефон пиликнул. Я потянулась к тумбочке. На экране горели входящие сообщения от родителей и Софи. Проведя пальцами по дисплею, напечатала короткий ответ подруге и набрала номер отца.

– Да?

– Привет, пап. Вы вчера звонили? Я, как приехала, почти сразу уснула, – вру. И тут же чувствую, как мучительная волна стыда накрывает меня с головой. Вина оплетает сердце и душу, словно ядовитый плющ.

– Привет, Линкозавр! Не беспокойся об этом... – Он понижает голос до полушёпота. – Но, сказать по правде, твоя мать вчера страшно волновалась, места себе не находила.

На секунду я забываю, как дышать. Горло сдавливает болезненный спазм.

– Нил! – возмущённый крик матери доносится из динамика. Спустя мгновение я слышу мягкий смех отца.

– Лина, не слушай его. Кажется, кто-то вчера перебрал с вином – вот и несёт всякую чушь с утра пораньше. Не пугай ребёнка!

Перед глазами сразу возникает картина: возмущённая мама и виновато улыбающийся отец. На душе теплеет. Путы на груди постепенно ослабевают, освобождая лёгкие от тяжести.

– Прости, дорогая, но наша дочь должна знать...

Кажется, мама всё-таки забирает телефон у отца, не давая ему закончить.

– Не слушай его... – Из динамика слышна возня. – Можешь не смотреть на меня так, Нил. Я не верну тебе телефон.

Я слышу неразборчивые возмущения папы – кажется, он говорит о том, что в этом доме его никто не понимает. Невольно на губах расцветает улыбка.

– Лучше расскажи, как доехала, как отель? Ты хорошо устроилась? Денег хватает? – Мама обрушивает на меня град вопросов. От их обилия слегка кружится голова.

Мы определённо стали ближе, но я по-прежнему чувствую неловкость, витающую между нами.

– Мам... ну какие деньги? Не нужно ничего. У меня всё есть. Доехала я тоже хорошо. Лучше расскажи, как вы вчера сходили на ужин... – Я замолкаю в напряжении, мысленно молясь, чтобы она не заметила, как я пытаюсь перевести тему.

Мама на мгновение затихает, а потом с энтузиазмом начинает рассказывать:

– О, всё было чудесно! Ресторан просто волшебный, кухня – выше всех похвал. Мы даже встретили старых знакомых – долго болтали, вспоминали прошлое. А ты знаешь, твой отец...

Я слушаю её голос, и напряжение понемногу отпускает. В этих простых словах, в её интонациях – тепло, забота, жизнь. И на секунду мне кажется, что всё не так уж плохо. Что где-то между кошмарами, страхом и сомнениями есть место для обычного счастья.

Но едва я начинаю расслабляться, перед глазами снова вспыхивает образ: он стоит в пустой комнате, а в его глазах – боль, которую я не смогла вынести.

"Это очередной сон...сон..сон..."

Я не знаю, сколько мы ещё говорили, но после звонка родителей я почувствовала себя значительно лучше. Головная боль понемногу отступила, за окном сияло яркое солнце, а небо радовало непривычной голубизной и чистотой. Несколько птиц пролетело мимо моего окна – день обещал быть тёплым и солнечным.

Закончив с утренними процедурами, я спустилась на ресепшен. Приветливая молодая девушка тут же дежурно улыбнулась мне; я кивнула, возвращая улыбку.

– Доброе утро... – Подойдя ближе, я бросила короткий взгляд на бейджик. – Амалия, я вчера оставила машину на соседней стоянке. Не подскажете, куда её можно перегнать?

Она вежливо улыбнулась, внимательно выслушала вопрос.

– Доброе утро, мисс Кембэл. У нашего отеля есть личная стоянка. Я могу выделить вам парковочное место как нашему постояльцу – вы сможете перегнать туда машину.

– Да, давайте. Цена парковки будет входить в общую сумму или будет отдельный чек?

Амалия тут же начала что-то печатать на компьютере. В этот момент мой телефон завибрировал: пришло сообщение с незнакомого номера. Я открыла его:

Добрый день, мисс Кембэл. Я – личный секретарь мистера Грэнхолма, Гаррет Беккер. Вам сегодня удобно будет встретиться во второй половине дня?

Растерянная неожиданным СМС, я совершенно пропустила мимо ушей то, что говорила Амалия. Посмотрев на девушку, терпеливо ждущую моей реакции, я виновато улыбнулась:

– Прошу прощения, важное сообщение по работе. Не могли бы вы повторить, что сказали ранее?

Она понимающе улыбнулась, мягко кивнула – каштановые волосы упали на хрупкие плечи.

– Да, конечно. Я записала парковочное место за вами. Вот ваш номер, – она протянула мне листочек. – Тут также указано, где находится наша стоянка, – добавила она, указывая пальцем на адрес чуть ниже.

– Спасибо, – благодарно улыбнувшись, я положила листочек в сумку.

– Хорошего дня, мисс Кембэл, – дружелюбно пожелала она и вернулась к своим делам.

– И вам, Амалия.

Отойдя от ресепшена, я достала телефон и ещё раз перечитала сообщение. Почему-то на душе стало тревожно.

«Вдруг они решили, что моя кандидатура им не подходит? Неужели хотят отказаться от моего проекта?» – неприятные мысли полезли в голову.

Быстро напечатала ответ:

Добрый день, мистер Беккер. Во сколько и куда мне подъехать?

Замерла, пристально глядя на отправленное сообщение. Внутри всё сжалось от напряжения; я крепко сжала телефон. Казалось, прошла вечность, пока ждал ответ.

Прочитав адрес и время, я посмотрела на часы. В запасе было ещё пару часов. Быстро нашла в поисковике место встречи – кафе неподалёку от отеля.

«Почему встречу назначили в кафе?» – рой мыслей метался в голове. Я не понимала, зачем проводить деловую встречу в кафе.

Погружённая в растерянность, я не заметила, как дошла до машины. Сев в салон, откинула голову на сиденье и прикрыла глаза. Со всеми последними событиями я стала слишком нервной и чувствительной. Снова достала телефон, перечитала сообщение. На душе было беспокойно, но я никак не могла понять природу этой тревоги. Неприятные мысли продолжали лезть в голову.

Как некстати перед глазами всплыл образ незнакомца из сна: как сверкали его глаза, как я тонула в них. Чувства, которые я испытывала каждый раз при виде него, ставили меня в тупик. Я ненавидела его появление, но в то же время ощущала волнующее тепло. Том уверял, что всё будет хорошо, что я вылечусь. Но я уже не верила в сказки с хорошим концом.

Неожиданная дрожь сотрясла тело – почву словно выбили из-под ног. Если бы я не сидела, наверняка упала бы. Лоб моментально покрылся испариной, волосы неприятно прилипли к лицу, тело забилося в ознобе. Воздуха в лёгких не хватало. Горло сжимал страх – я не могла сделать даже вдоха.

Паническая атака. Очередная.

Прикрыв глаза, я сжала руль, стараясь взять себя в руки. Пыталась дышать, как учил Том, пыталась переключить мысли, расслабиться. Из последних сил старалась подавить страх – но ничего не получалось.

Перед глазами вихрем пронеслись образы: родители, Софи, Кайл. Каждое воспоминание будто ударяло в грудь – тиски сжимались всё сильнее, перекрывая дыхание. Я уже не различала лиц: перед внутренним взором вновь возник монстр с кровавой улыбкой. Казалось, я снова ощущаю тот тошнотворный запах, снова погружаюсь в кошмар. Слезы катились по щекам, тело била нервная дрожь, а эмоции накалялись до точки кипения.

И вдруг – лёгкое прикосновение к щеке. Тёплая ладонь нежно скользнула по коже, и в тот же миг паника отступила. Я снова смогла дышать. В воздухе разлился свежий аромат дождя и утренней листвы. Тиски на груди ослабевали, словно кто-то медленно разжимал невидимые пальцы. Я закрыла глаза, желая навсегда остаться в этом мгновении, раствориться в тепле и спокойствии.

Резкий звук уведомления на телефоне обрушил на меня ледяную реальность. Я распахнула глаза – в машине никого не было. Абсолютная пустота.

«Кто это был?» – мысль пронзила сознание. Прикосновение ощущалось так отчётливо, что я невольно провела рукой по щеке.

Горький смешок сорвался с губ: «Кажется, я схожу с ума...»

Взяв телефон, увидела сообщение от Тома: рецепт новых лекарств и подробная инструкция. Быстро нашла ближайшую аптеку через навигатор, завела мотор. Прежде чем выехать, сделала несколько глубоких вдохов, прислушиваясь к себе. Тревога постепенно отступала, оставляя после себя лишь лёгкую дрожь в пальцах. Собравшись с духом, выехала с парковки.

К кафе я подъехала ровно в два. До встречи оставалось десять минут. В зеркале заднего вида поправила макияж, приладила волосы, заставила себя улыбнуться отражению. Выйдя из машины, размеренно зашагала ко входу – стук каблуков по каменной плитке помогал сосредоточиться.

У дверей меня встретил приветливый администратор:

– Добрый день! У вас забронирован столик? – его взгляд скользнул по моему костюму, задержался на лице.

– Да, я встречаюсь с мистером Беккером, – ответила я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

– Мистер Беккер ожидает вас. Позвольте провести. Он сверился с журналом, затем галантно указал на проход:

Я последовала за ним между столиков. Интерьер кафе радовал глаз: тёплые оттенки голубого и кремового, лаконичная мебель, живые цветы на столах. В воздухе плыли ароматы свежей выпечки и пряных трав, а из скрытых динамиков лилась мягкая джазовая мелодия. Это место словно приглашало замедлиться, выдохнуть, забыть о тревогах.

Администратор подвёл меня к столику и бесшумно удалился. Из-за стола поднялся мужчина средних лет. Его каштановые волосы с лёгкой проседью были небрежно уложены, а коричневый костюм сидел безупречно.

– Мисс Кембэл, полагаю? Мистер Беккер окинул меня внимательным взглядом карих глаз, в уголках которых прятались паутинки морщин. Его улыбка выглядела искренней, когда он протянул руку:

– Да, а вы – мистер Беккер? – я ответила на рукопожатие, отметив тепло его ладони.

– Именно так. – Он указал на стул напротив. – Присаживайтесь.

– Вы что-нибудь закажете? Когда я села, он тут же подозвал официантку:

– Зелёный чай и булочку «Челси», пожалуйста, – произнесла я, встретившись взглядом с официанткой. Та кивнула и исчезла.

– Вам, наверное, интересно, зачем я попросил о встрече? – Он выдержал паузу, изучающе глядя на меня. – Скажите, могу я обращаться к вам по имени? Беккер аккуратно развернул салфетку, его пальцы слегка постукивали по столу – едва заметный признак нетерпения.

– Конечно, – выдавила улыбку. Я сцепила пальцы под столом, чувствуя, как ногти впиваются в кожу.

– Что ж, буду краток. Мистер Грэнхолм внёс корректировки в ваш контракт. – Его ладонь замерла на столе, большой палец перестал постукивать. – Он хотел бы, чтобы вы проживали на территории его поместья и лично курировали все организационные моменты. Разумеется, вознаграждение будет увеличено.

Мир будто замер. В ушах зазвенело, а сердце пропустило удар, прежде чем забиться с бешеной скоростью. Я уставилась на Беккера, пытаясь осмыслить слова.

– Вам предоставят личную комнату с кабинетом, – продолжил он, заметив моё замешательство. – Мистер Грэнхолм также компенсирует расходы на отель. Если вы согласны, личный водитель заберёт вас в воскресенье.

– Личный водитель? Но я приехала на машине... могла бы доехать сама... Официантка поставила передо мной чай и булочку, но аппетит пропал. Я нервно поправила край пиджака:

– Боюсь, это затруднительно. Поместье находится в лесной глуши, дорога сложная. Водитель знает маршрут и обеспечит комфорт, – его тон не допускал возражений.

Я молчала, разглядывая узор на чашке. В голове крутились мысли: «Это шанс. Но почему так? Почему нельзя остаться в городе?»

– Я принимаю условия, – наконец произнесла, не поднимая глаз.

– Отлично! Я знал, что вы разумная девушка. – Беккер поднялся. – Мне пора на следующую встречу. Я свяжусь с вами, чтобы уточнить время приезда водителя. Ах да, ваш заказ уже оплачен – здесь лучшая кондитерская в городе. Всего доброго, мисс Кембэл.

– До свидания, – прошептала я, глядя, как он уходит.

Кафе больше не казалось уютным. Свет стал резким, музыка – навязчивой. Я сделала глоток чая – он оказался безвкусным. В голове билась одна мысль:

«Что ждёт меня в этом поместье?»

Глава 9

Я не помню, сколько времени просидела в кафе. В отель вернулась, когда солнце уже медленно садилось за горизонт, окрашивая небо в багряные и золотые тона. На душе скреблись кошки – тревожные, царапающие изнутри.

В номере я двигалась как в тумане: переоделась на автомате, рассеянно поплелась в душ. Стоя под струями воды, пыталась обрести хоть крупицу внутреннего спокойствия. Горячие капли обжигали кожу, но вместо дискомфорта я ощущала странное, почти мучительное удовольствие – будто физическая боль могла заглушить душевные терзания.

Острое чувство одиночества накрывало с головой, затмевая всё остальное.

«Жалкая», – прошипел внутренний голос.

Я сделала напор воды сильнее, словно пытаюсь заглушить эти слова, не дать подсознанию достучаться до меня. Глубоко вздохнула, моргнула – но тревога по-прежнему цепко сжимала душу.

Выключив воду, вышла из душевой. Тело дрожало от холода, но я словно не замечала этого. В тот момент мне казалось, что я вообще не в состоянии испытывать какие-либо чувства.

Рухнув на кровать, прикрыла глаза. Мысли роились в голове, но сосредоточиться ни на одной не получалось. Повернувшись на бок, обняла подушку – прохладная ткань приятно саднила кожу лица.

Чуть приоткрыв глаза, бесцельно уставилась в окно. Догорающее алым небо и тяжёлые тучи словно отражали меланхолию моей души. Жаль, что не захватила с собой карандаши и блокнот. При всей моей любви к графическому планшету, он не мог полностью заменить ощущение карандаша в руке, запах красок. Рисование было моим способом сбежать из реальности, выплеснуть накопившиеся эмоции.

«А чего ты вообще хочешь, Лина?» Сейчас, лёжа в пустом номере, я мысленно спросила себя:

Ответ пришёл почти сразу: мне безумно хотелось сбежать, оказаться где-то очень далеко – в другом мире. Мире искусства, живописи, картин.

Устало сев на кровати, я задумчиво осмотрела комнату. Взгляд невольно зацепился за знакомую обложку дневника, притаившуюся на прикроватной тумбочке.

Поднявшись, взяла потрепанную от времени тетрадку. Её уголки были загнуты, края страниц слегка пожелтели, а кожаная обложка – исцарапана и вытерта в тех местах, где пальцы машинально поглаживали её в моменты раздумий.

Медленно пролистывая страницы, я погружалась в прошлое. Каждая запись – словно маленький портал в тот день, когда я выводила эти строки:

«12 марта. Сегодня впервые попробовала рисовать углём. Руки дрожали так, что линии выходили кривыми, но в этом была своя прелесть – будто сама неуверенность становилась частью рисунка...»

«5 июня. Снова снился тот лес. На этот раз я смогла разглядеть тропинку. Может, если пойти по ней, найду выход?...»

«21 августа. Папа сказал: „Страхи – как тени: чем больше на них смотришь, тем больше они растут“. Записала, чтобы не забыть».

Я закрыла глаза, прижав дневник к груди. Запах старой бумаги и чернил окутал меня, словно одеяло, сотканное из воспоминаний. В голове крутились обрывки снов, разговоров, случайных фраз – всё смешивалось в хаотичный узор, который я никак не могла разгадать.

На последней странице обнаружилась закладка – засушенный гербарий, который когда-то подарила Софи. Его лепестки почти рассыпались в пыль, но форма ещё угадывалась. Я провела по ним кончиком пальца, вспоминая тот день:

– Не обычный! – она топнула ногой. – Он волшебный. Просто ты пока не видишь.– Держи! – Софи протянула мне маленький фиолетовый цветок с неровными краями. – Это «ночная звезда». Мама говорила, он отгоняет плохие сны. – Но он же обычный... – я недоверчиво покрутила в руках причудливый гербарий.

Теперь, спустя годы, я снова смотрела на него – хрупкий, почти исчезнувший, но всё ещё хранящий тепло той дружбы.

Среди записей нашла целые разделы, посвящённые Брайану: наши встречи, разговоры, споры, смех, тихие вечера и болезненное расставание.

Первая встреча :

14 апреля. Сегодня в кафе на углу встретила парня с безумной улыбкой. Он перепутал мой кофе со своим и даже не заметил! Когда понял, рассмеялся так заразительно, что я не смогла злиться. Предложил угостить меня новым. Так и познакомились. Его зовут Брайан.

Приписка карандашом: *«У него смешные ямочки на щеках, когда он смеётся».*

Тогда я даже не представляла, насколько он войдёт в мою жизнь. А сейчас... сейчас от одной мысли о той беззаботной улыбке комок подступает к горлу. Почему воспоминания, которые когда-то согревали, теперь режут, как осколки?

Первые свидания :

29 апреля. Мы снова встретились. На этот раз он привёл меня в парк, где растут старые дубы. Рассказал, что в детстве прятался там от дождя и мечтал стать пиратом. Я смеялась до слёз. Он умеет делать обычные вещи волшебными.

Перечитываю эти строки и чувствую, как внутри всё сжимается. Тот запах старой бумаги, его тихий голос, свет из окна... Почему я не ценила это тогда так, как ценю сейчас? Каждое мгновение кажется драгоценным – и невыносимо далёким.

7 мая. Брайан показал мне свой тайный уголок – маленькую библиотеку в подвале старого дома. Там пахло бумагой и временем. Он читал мне вслух «Маленького принца», а я думала: «Как же мне повезло его встретить».

Совместные моменты :

3 июня. Сегодня мы впервые поссорились. Из-за ерунды – он хотел пойти на концерт рок-группы, а я мечтала о выставке импрессионистов. Кричали, хлопали дверью. А потом он принёс мне букет из полевых цветов и записку: «Прости. Давай на выставку, а потом на рок? Обещаю не зевать у картин».

18 июля. Поездка на море. Мы спали в палатке, а утром проснулись от того, что на нас прыгал рыжий кот. Брайан сказал: «Это знак – наша жизнь будет такой же дикой и уютной». Я согласилась.

Я провожу пальцем по этим словам, и перед глазами встаёт то утро: солнце, песок, его рука на моей щеке. Как можно одновременно так сильно скучать и так больно вспоминать? Это как держать в руках что-то хрупкое – боишься сжать сильнее, чтобы не разбить, но и отпустить не можешь.

Между страниц я нашла наши старые фото...

Вот наше первое селфи у того самого кафе – мы оба смеёмся, кофе проливается на его рубашку. Вот мы в парке – я в его куртке, он обнимает меня сзади, а на заднем плане опадают золотые листья.

А вот тут мы на море – мокрые волосы, песок на щеках, но такие счастливые лица.

Каждый раз, глядя на эти снимки, я ловлю себя на том, что задерживаю дыхание. Вот он – настоящий, тёплый, живой. А потом вспоминаю, что это только изображение.

15 февраля. Мы наконец съехали! Сегодня перевезли последние коробки. В нашей квартире пахнет свежей краской и кофе. Брайан развесил по стенам мои эскизы – сказал, что это «наше первое совместное искусство». Вечером сидели на полу среди подушек,

ели пищу и смеялись над тем, как неуклюже собрали книжную полку. Я чувствую: это начало чего-то настоящего.

Настоящего как же, горько усмехнувшись переворачиваю страницу.

8 апреля. Сегодня я решилась. Долго собиралась с духом – и наконец рассказала Брайану о кошмарах. О том, как по ночам вижу один и тот же сон, как кто-то шепчет моё имя, как просыпаюсь в холодном поту. Показала таблетки, которые принимаю уже несколько лет. Боялась, что он отстранится, но он просто обнял меня и сказал: «Мы справимся. Ты не одна». На секунду мне показалось, что всё будет хорошо.

Приписка карандашом: «Он просыпается раньше меня и готовит кофе. А ещё оставляет записки на холодильнике: „Ты прекрасна“, „Не забудь пообедать“, „Люблю твои сумасшедшие идеи“. Как можно любить кого-то так сильно?»

22 апреля. Всё рухнуло. Кто-то из универа узнал. Не понимаю, как – я никому не говорила, кроме Брайана...

Но на следующий день в общей группе появилась моя фотография, а под ним десятки комментариев: «Психичка», «Опасная для окружающих», «Лучше держаться подальше». Я удалила соцсети, но слухи уже расползлись. В коридорах на меня смотрят как на прокажённую. Даже те, с кем я дружила полгода, теперь отворачиваются.

30 апреля. Сегодня я наконец поняла, как всё началось. Случайно наткнулась в соцсетях на переписку Эвана с кем-то из группы. Он цинично пересказывал мои тайны – про кошмары, про таблетки, про то, как я «не в себе». А Брайан... Брайан просто рассказал ему. Своему другу. В момент слабости, за кружкой пива, не думая о последствиях.

Я закрыла дневник, прижав его к груди. Пахло старой бумагой, чернилами и – едва уловимо – тем летом, когда Брайан смеялся, а мир казался простым и ясным.

– Это символ новых начал, – сказал он. – Но если ты захочешь вернуться, просто найди меня. На последней странице лежала засушенная ромашка. Он подарил её в день нашего первого свидания:

Я провела пальцем по хрупким лепесткам. Они почти рассыпались, но форма ещё угадывалась. Как и наши воспоминания – потрёпанные, но живые.

Мои мысли прервал звонок телефона – он раздавался откуда-то из глубины номера. Встать не хотелось, мои мысли были где-то далеко.

«А может, ну его?» – шептал внутренний голос, и я была готова поддаться на его уговоры.

Но тут же другая мысль: «А если что-то важное?»

Мысленные метания утомляли и без того измученное сознание. Пересилив себя, я лениво поднялась с пола, откладывая дневник и принялась искать трезвонящий телефон. Нашла его лишь через несколько минут.

Растерянно замерла, глядя на дисплей. «Папа» – белыми буквами горело на тёмном экране.

– Да? – хрипло ответила я спустя пару секунд.

– В общем, с машиной я всё уладил. Завтра после обеда, перед своим отъездом, передашь ключи на ресепшен...

– Зачем? – не дослушав, перебила я. Накопившаяся усталость выплеснулась в раздражение – вышло грубее, чем нужно.

– Кажется, кто-то не в духе? – в голосе отца прозвучала лёгкая усмешка, но за ней я отчётливо уловила беспокойство.

Жгучий стыд накрыл меня с головой. Я почувствовала, как горят щёки; прикусила их изнутри с такой силой, что на кончике языка появился металлический привкус.

– Прости, – тихо прошептала я. Слова вышли жалкими и вымученными. Я теребила ремень халата, не зная, куда деть руки.

– И кто испортил настроение моей девочке? – спросил отец. Его тон казался грозным, но я почти кожей ощущала его волнение за меня.

«Глупая! Глупая! Глупая!» – билась мысль в сознании, как раненая птица. Я тряхнула головой, зажмурилась.

– Всё хорошо, просто устала... – сказала я, сама не веря своим словам.

Папа тяжело вздохнул, и внутри меня всё скрутилось в тугий узел. В этот момент мой прогресс в терапии показался далёким, словно это происходило не со мной, а с кем-то другим, а я была лишь сторонним наблюдателем.

– Сделаю вид, что поверил тебе, но постарайся в следующий раз придумать отмазку получше, дочь. Так вот, я договорился, и завтра вечером твою машину пригонят обратно в Сент-Олбанс. Так что можешь спокойно ехать и работать, а мы с мамой, так и быть, приглядим за твоей красавицей, – сказал отец.

Благодарность за его помощь тёплой волной поднялась внутри. Без него я вряд ли смогла бы так быстро решить этот вопрос.

– Спасибо, пап, – сказала я.

– О чём речь, это мелочи для твоего отца, – в его голосе звучало веселье, и губы сами расплылись в слабой улыбке.

Вдруг в трубке раздалась возня, послышалось шипение и возмущённые возгласы отца.

– Что случилось?! – взволнованно воскликнула я. Внутри тут же всколыхнулось беспокойство. «Неужели что-то случилось? А если что-то серьёзное?»

– Пап...! – позвала я, но он не отвечал – только неразборчивые звуки из динамика.

– Кхе... кхе... – услышала я кашель отца, и сердце замерло. Я почти перестала дышать от волнения.

– Папа, что случилось? Ты в порядке? – чуть ли не крикнула я в трубку. Пальцы дрожали от беспокойства.

– Я-то да, а вот индейка, похоже, нет, – ответил он.

– Индейка? – растерянно переспросила я, глядя на телефон, потом снова прижала его к уху. – Какая индейка?

– Для твоей мамы, – с нотками грусти произнёс папа. – Хотел сделать ей ужин-сюрприз, запечь её любимую индейку, только вот не доглядел...

Спустя пару секунд до меня дошёл весь смысл его слов – и меня пробрал смех.

– У меня тут горе, а она смеётся! Я породил монстра! – драматично воскликнул отец, а через секунду уже смеялся вместе со мной. – Как ты думаешь, твоя мама оценит яичницу на ужин? – спросил он спустя несколько минут.

– Я уверена, она будет в восторге от любой еды, которую ты ей приготовишь, даже от сторовшей индейки, – широко улыбаясь, произношу я. От сильного смеха в уголках глаз выступают слёзы – я быстро смахиваю их рукой.

– Хорошо, хорошо, убедила своего старика. Тогда я отключаюсь, а то боюсь не успеть до её прихода, – беззаботно говорит отец. В трубке слышно, как он гремит посудой.

– Хорошо... И, пап... постарайся не спалить яичницу, – с улыбкой произношу я. Слышу папино возмущение, но уже сбрасываю вызов.

Вернувшись в кровать, прокручиваю в голове разговор с отцом. На душе становится легко и спокойно – на короткий миг я забываю обо всех тревогах. Открываю ноутбук, захожу в свой аккаунт на Netflix, включаю один из любимых фильмов и наконец позволяю себе расслабиться. Поудобнее укутавшись в тёплое одеяло, выключаю небольшую лампу на прикроватной тумбочке. Единственные источники света – экран ноутбука и догорающий алый закат...

Весь следующий день я провела, нежась в кровати. Повезло, что после заезда так и не разобрала вещи: на сборы ушло от силы пятнадцать минут. Сильно краситься и заморачиваться

не хотелось. Собрала кудри в пучок, нанесла тушь и блеск для губ. Вполне довольная внешним видом, спустилась в просторный холл отеля.

Мистер Беккер написал, что машина приедет за мной в шесть. Глянув на часы, с досадой отметила: собралась слишком рано – в запасе ещё полчаса. Подошла к ресепшену, отдала ключи, оформила выезд – всё заняло не больше пяти минут. Свободного времени оставалось слишком много...

Идея пришла неожиданно. Вчера, возвращаясь в номер, я заметила в соседнем здании небольшой канцелярский магазинчик. Улыбнувшись своим мыслям, быстро направилась к выходу. Приятное тепло разлилось в груди, пальцы дрожали от нетерпения. Хотелось как можно скорее начать рисовать: ощутить, как карандаш мягко скользит по белоснежному листу, как хаотичные штрихи обретают форму, превращаясь в нечто прекрасное.

Когда я вернулась в отель, оставалось ещё пятнадцать минут. Лениво скользя взглядом по просторному светлому холлу, зацепилась за диванчик в отдалении. Решив, что это то, что нужно, прошла к нему, устроилась поудобнее и достала новенький скетчбук. Мягко провела подушечками пальцев по обложке, потянулась в сумочку за карандашом.

Мимо пробежали несколько детей, остановились неподалёку. Краем уха уловила их разговор.

– Неправда, он существует! Мне бабушка говорила! – белокурая малышка лет шести-семи яростно сжимала крохотные кулачки, гневно что-то доказывая другу. Два маленьких хвостика забавно подрагивали, когда она активно вертела головой. Щёки покраснелись, в глазах стояли слёзы.

– А доказательства у тебя есть? Нет? Значит, ты врушка! И его не существует! – мальчик лет восьми активно спорил, полностью опровергая доводы подруги. Он пытался копировать поведение взрослых – чуть хмурил брови, придавая виду важность. Детский спор набирал обороты, грозя перерасти в драку.

– А вот и нет! Бабушка сказала, что чудовище из леса поедает всех, кто туда зайдёт! И если ты встретишь его, то ни за что не смотри в его глаза! А ты просто дурак, раз не веришь! – развернувшись, малышка со слезами на глазах побежала к матери. Её маленькие хвостики очаровательно подпрыгивали.

Телефон в руке пикинул – пришло сообщение от Беккера: водитель уже ждёт. Убрав покупки в сумку, поспешила к выходу.

Выйдя из отеля, подставила лицо тёплым лучам вечернего солнца. День был тёплым – привычно для этих краёв. Большой чёрный внедорожник стоял у самого входа. Увидев меня, водитель вышел навстречу.

– Добрый вечер, – дежурно улыбнувшись, протянула руку для рукопожатия.

Мужчина равнодушно перевёл взгляд с меня на протянутую руку, молча кивнул и забрал чемодан. Растерянно проводила взглядом его широкую спину. Щёки предательски запыхали.

Тем временем мужчина убрал вещи в багажник и терпеливо ждал у открытой двери заднего сиденья. Волна стыда прокатилась по венам. Опустив глаза и сжав края куртки, молча села в машину.

В салоне пахло дорогой кожей, играла классическая музыка. Водитель молча сел за руль, завёл мотор. Я смотрела в окно, стараясь подавить внутренний стыд и неловкость.

Уотфорд – небольшой город, поэтому мы быстро выехали за его пределы. Прикрыв глаза, попыталась расслабиться и насладиться поездкой – насколько это было возможно.

Я снова в темноте. Ледяной порыв ветра растрепал волосы. В груди росло знакомое ощущение страха и безысходности. Мертвая, холодная тишина давила на слух. В нос ударил едкий смрад.

Словно по щелчку, услышала до боли знакомые шаги. В затылок кто-то тяжело дышал. Сердце стучало в висках, дыхание участилось, кожа покрылась испариной. Волосы и одежда неприятно липли к влажному телу. Я дрожала от страха.

– Нет! Нет! НЕТ! – по щекам побежали жгучие слёзы. – Только не снова!

Я не могла остановиться – слёзы текли и текли, а я лишь беспомощно размазывала их по лицу.

– Еван... ли-и-и-на... ли-и-и-ина... – скрипящий мерзкий шёпот долетел до сознания. Ухо обожгло горячим дыханием, вонь стала практически невыносимой.

Вопреки сковавшему тело страху, я медленно развернулась. Но там не было ничего, кроме темноты.

Из мрака показалась рука – костлявая, с желтоватой кожей, свисающей рваными кусками, покрытая странной чёрной коркой. Она медленно тянулась ко мне. Чёрные острые когти уже были практически у лица.

От страха я не могла сдвинуться с места. Внутри всё скрутило в тугой узел. С каждой секундой в душе росло отчаяние.

– Ли-и-и-н-а-а... – противный шёпот пробирал до костей.

Зажмурившись, попыталась закрыть уши руками – в надежде заглушить мерзкий голос.

– Нет... нет... нет... – шептала в пустоту, глотая слёзы.

Рука чудовища добралась до шеи, сомкнула на ней уродливые пальцы, полностью перекрывая доступ к кислороду. Я пыталась поймать ртом хоть немного воздуха, но мёртвая хватка монстра лишала этой возможности.

В глазах всё начало плыть, предметы смешивались, растворяясь в темноте. Звуки становились далёкими. Сознание постепенно затягивала туманная воронка.

– Бе-е-е-ег-г-г-и-и... – это было последнее, что я успела услышать, прежде чем провалиться в спасительный мрак...

Глава 10

Первое, что я ощутила, открыв глаза, – невыносимое жжение в лёгких, будто внутрь залили раскалённый металл. По спине и вискам стекали капли пота, тело била мелкая дрожь, а мышцы сводило от напряжения. Перед глазами всё ещё стояла жуткая картина: рука, сжимающая моё горло, – и я невольно потянулась к шее, ощупывая кожу трясущимися пальцами. На глазах выступили слёзы, внутри разрасталась тяжёлая, давящая обречённость, словно кто-то навалился на грудь каменной плитой. Я чувствовала: ещё немного – и позорно расплачусь на заднем сиденье чужого автомобиля.

«Дыши, Лина, просто дыши. Это лишь очередной кошмар», – повторяла я про себя, словно мантру. Но слова не помогали. Мысли, будто взбесившиеся пчёлы, роились в голове, снова и снова прокручивая сцены ночного ужаса. Каждая деталь всплывала с пугающей ясностью: холод пальцев на шее, хриплый шёпот, тьма, поглощающая всё вокруг.

Краем глаза я взглянула на водителя. Его глаза скрывали тёмные очки, но я буквально кожей ощущала пристальный взгляд – как будто невидимые иглы прокалывали спину. По телу пробежали ледяные мурашки, грудь сдавило невидимыми тисками, и дыхание стало поверхностным, рваным. Дрожащими руками я схватила сумочку, отчаянно пытаюсь найти новые таблетки. Слава богу, перед отъездом из отеля я купила небольшую бутылочку воды. Пальцы не слушались, паника нарастала, сжимая горло ледяными щупальцами.

«Да где же вы?!» – мысленно вскрикнула я. Истерика подступала всё ближе, накатывая волнами, от которых темнело в глазах. Но спустя несколько томительных секунд мне наконец удалось нащупать спасительную упаковку. Выпив таблетку, я прикрыла глаза, изо всех сил стараясь расслабиться и отогнать навязчивые мысли. Сердце постепенно замедляло бег, а дыхание становилось ровнее.

Незаметно для себя я задремала.

– Мы подъезжаем, – холодный, бесстрастный голос водителя резко вырвал меня из полусна.

Приоткрыв глаза, я увидела, как машина проезжает через массивные железные ворота с витиеватым узором. Вокруг простирался лес – но не дикий, а ухоженный: кусты и деревья аккуратно подстрижены, тропинки выложены ровным гравием, а между ними пробивалась изумрудная трава. Автомобиль плавно катился по извилистой дороге, огибающей поместье. Тишина в салоне больше не давила – теперь она казалась почти благостной, наполненной шорохом листьев и далёким пением птиц. Я с живым интересом разглядывала мелькающий за окном пейзаж, пытаюсь отвлечься от тревожных мыслей.

Когда машина наконец остановилась перед домом, я замерла, замороженная. Сердце забило чаще, по коже побежали мурашки, а в горле встал ком. Архитектура поместья лишила меня дара речи.

Здание из тёмного камня словно плавилось в последних лучах заходящего солнца. Оно было не просто огромным – грандиозным, величественным, будто средневековый замок, перенесённый в современность. Солнечные лучи играли на гранях, превращая камень в медово-золотистое пламя. Казалось, будто свет исходит изнутри, согревая холодные стены и придавая им почти живое сияние. Узкие окна второго этажа напоминали глаза, внимательно наблюдающие за каждым движением.

Выйдя из машины, я глубоко вдохнула. Воздух пах сосновыми иголками, полевыми цветами и свежестью озера, смешанной с едва уловимым ароматом древесины. Вдали журчал фонтан, скрытый в зарослях кустарника, а ветер шелестел листвой старых дубов, выстроившихся вдоль подъездной аллеи, словно молчаливые стражи. Дорожка из неровных булыжников выглядела живой: в трещинах пробивалась молодая трава, придавая ей естественный, слегка небреж-

ный шарм. Окна второго этажа отражали закатные лучи, маня заглянуть внутрь и разгадать тайны этого места.

Игра света завораживала: мягкие отблески скользили по резным украшениям дверей, обещая загадки скрытых комнат. Я стояла, вдыхая воздух свободы и загадочности, чувствуя, как поместье окутывает меня своей древней аурой, словно шерстяной плед, тёплый и одновременно колючий.

Краем уха я услышала, как хлопнула дверца автомобиля: водитель вышел, чтобы достать мой скромный багаж. В этот момент входные двери главного входа распахнулись, и нам навстречу вышли мужчина и женщина.

– Добрый вечер. Вы, наверное, мисс Кембэл? – произнёс приятный мужчина лет пятидесяти в чёрном костюме. Ткань выглядела дорогой, несмотря на простоту кроя, а осанка выдавала человека, привыкшего к порядку и дисциплине.

– Я – Дуайт Клиффо, дворецкий семьи Грэнхолм. Можете обращаться ко мне просто по имени, – добавил он с вежливой улыбкой. Но что-то в этой улыбке казалось неестественным, фальшивым, будто она была тщательно отрепетирована перед зеркалом. Его тёмные глаза, обрамлённые морщинами, внимательно, оценивающе изучали меня, словно сканировали каждую деталь моего облика. От этого взгляда стало неуютно – так, что захотелось спрятаться, раствориться в закатном свете. Я лишь вежливо улыбнулась в ответ, крепче сжимая ручку сумочки, словно она могла стать моим щитом.

– Это Агата, наша экономка. Вы можете обращаться к ней с любыми вопросами, – продолжил Дуайт, указывая на женщину рядом.

Агата молча наблюдала за нами, изредка кивая. На её лице застыла та же дежурная улыбка, что и у дворецкого, но в ней не было ни капли тепла. Когда я встретилась с ней взглядом, по спине пробежал ледяной озноб, а волосы на руках встали дыбом. Её глаза были холодными, пустыми, будто стеклянными. Они смотрели прямо в душу, проникая в самые потаённые уголки, будто пытались прочесть мои мысли. На мгновение мне стало по-настоящему жутко, и все чувства обострились до предела. Возникло нестерпимое желание развернуться и бежать без оглядки, пока ноги ещё способны нести меня прочь от этого места.

– Мисс Кембэл, вы в порядке? Вы как-то побледнели, – голос дворецкого вернул меня в реальность, разорвав зловещую паутину видений.

«Боже, Лина, успокойся. Не хватало ещё начать параноить», – мысленно одёрнула я себя, пытаясь усмирить разбушевавшееся воображение. Ещё раз взглянув в глаза экономки, я уже не увидела в них ничего необычного – лишь вежливое ожидание.

«Уже чудится всякое...» – подумала я, осознавая, что пауза затянулась. Постаравшись изобразить непринуждённую улыбку, я произнесла:

– Всё хорошо. Просто утомилась в дороге.

Я сильнее сжала ручку сумочки, цепляясь за неё, как за спасательный круг, чувствуя, как ногти впиваются в кожу. Похоже, это сработало: Дуайт расслабился и продолжил:

– Давайте я покажу вам дом и вашу комнату.

Он хлопнул в ладоши, и через пару секунд сбоку появился мужчина в униформе слуги поместья. Без единого слова он подошёл ко мне, подхватил чемодан и направился к входу. Я лишь растерянно смотрела ему вслед, пока его широкая спина не скрылась за массивными дверями, украшенными резными узорами.

– Это Грег. Он выполняет мелкие поручения. К сожалению, с рождения немой. Он отнесёт ваши вещи в комнату, в которой вы будете проживать, – произнёс Дуайт, и в его голосе прозвучала нотка почтительного уважения к немому слуге.

Под его пристальным взглядом мне стало не по себе.

– Что ж, прошу за мной, мисс Кембэл, – вежливо улыбнувшись, дворецкий направился к большим парадным дверям.

Стоило переступить порог, и я словно очутилась в другом мире. В который раз за день у меня перехватило дыхание: казалось, я попала в старинный фильм или роман. Воздух здесь был особенным – густым, напитанным вековой тишиной и ароматом полированного дерева.

Мы шли по коридорам невероятной красоты. Я не могла оторвать взгляда от окружавшего меня великолепия: переливистые стены, будто обтянутые шёлком; картины в позолоченных рамках, каждая из которых могла бы стать украшением музея; антикварная мебель с тонкой резьбой; расписной потолок, где ангелы и нимфы кружились в вечном танце. Каждое помещение выглядело как единое произведение искусства, где ни одна деталь не казалась лишней.

Дуайт рассказывал об истории поместья – о том, как оно пережило войны, смены владельцев, пожары и реставрации, – но я едва слушала. Всё моё внимание было поглощено деталями интерьера. Я старалась запечатлеть в памяти каждую мелочь: завитки лепнины, игру света на мраморных поверхностях, причудливые узоры на паркете. Взгляд цеплялся за бронзовые ручки дверей, за хрустальные подвески люстр, за старинные часы, мерно отсчитывающие секунды в этом застывшем времени.

В одном из коридоров я заметила картину. На ней была изображена девушка. Она сидела спиной к зрителю, и мягкие лучи солнца ласкали её бледную, почти молочную кожу. Нежный шёлк платья струился по хрупкому телу, а свет играл в рыжих кудрях, переливаясь множеством оттенков – от золотистого до глубокого медного.

Комната на полотне была выдержана в бежевых тонах. Художник намеренно оставил лишь очертания предметов, сосредоточив всё внимание на девушке. Она словно светилась изнутри. Игра света и цвета завораживала: каждый мазок, каждая тень отзывались в душе необъяснимым трепетом. Нежно-голубой шёлк, плавные линии платья – всё это пленяло своей красотой и изяществом. Время будто застыло для неё, превратив мгновение в вечность.

Картина цепляла, будоражила чувства, вызывала мурашки. Я не могла отвести взгляда. Хотя лица девушки не было видно, она казалась мне до боли знакомой... родной. В её позе читалась такая тихая грусть, что сердце сжалось от необъяснимой тоски.

– Это одна из любимых картин мистера Грэнхолма, – раздался тихий голос Дуайта.

Я вздрогнула. Погрузившись в созерцание, я не заметила, как он подошёл. Растерянно перевела на него взгляд.

– На ней изображена леди Ариана. Она должна была стать невестой пра-пра-прадедушки мистера Грэнхолма, – дворецкий, как и я, не отрывал взгляда от полотна, и в глубине его глаз таилась глубокая печаль. Он сделал паузу, словно подбирая слова, затем продолжил чуть тише: – Говорят, её красота была такой редкой, что даже природа замирала, когда она выходила в сад.

– С ней что-то случилось? – вопрос сорвался с губ прежде, чем я успела его обдумать.

Дуайт оторвался от картины и внимательно посмотрел на меня – словно взвешивал, стоит ли делиться этой историей. Агата стояла чуть поодаль, казалось, совершенно не интересуясь нашим разговором. Её цепкий взгляд скользил по холлу, игнорируя нас, но я невольно подумала, что она слышит каждое слово.

– Она погибла до того, как успели объявить о помолвке, – произнёс он наконец. – Карета, в которой она ехала, упала с обрыва в бурный поток. Тело нашли лишь спустя несколько дней...

– Он замолчал, и в этой тишине я услышала, как тикают старинные часы в конце коридора. – Но самое горькое в этой истории то, что картина, которую вы видите, была написана уже после её смерти.

– Как такое возможно? – я невольно шагнула ближе к полотну, всматриваясь в переливы света на шёлке платья.

– Прадед нынешнего хозяина, тот самый, кто должен был жениться на леди Ариане, был не только аристократом, но и талантливым художником-любителем. Он делал наброски с неё при каждой встрече – то профиль в тени лип, то руку, покоящуюся на спинке скамейки, то

взгляд, устремлённый вдаль... – Голос Дуайта дрогнул. – После трагедии он заперся в мастерской на месяцы. Из этих разрозненных зарисовок, из воспоминаний, он создал этот портрет. Каждый мазок – это невысказанное признание, каждый оттенок – слеза, которую он не позволил себе проронить.

Я замерла, внезапно осознав, почему картина так меня потрясла. Это было не просто изображение – это была исповедь, застывшая на холсте.

– Почему же она кажется мне такой знакомой? – прошептала я, сама не ожидая, что произнесу это вслух.

Дуайт посмотрел на меня с непонятным выражением – то ли сочувствия, то ли тревоги.

– Многие говорят, что в её чертах есть что-то неуловимо близкое. Возможно, это магия искусства – оно пробуждает в нас то, что мы сами о себе не знаем. Или же... – он запнулся, – или же это эхо прошлого, которое находит отклик в наших сердцах.

Я снова взглянула на девушку. Теперь я видела то, чего не заметила сначала: едва уловимую тень тревоги в изгибе спины, напряжение в пальцах, сжимающих край платья. Она словно почувствовала надвигающуюся беду, но не могла её предотвратить.

«Как странно, – думала я, – я стою здесь, спустя столько лет, и чувствую её страх, её невысказанные слова, её оборванную жизнь. Почему именно сейчас, именно со мной это происходит? Неужели прошлое способно так властно вторгаться в настоящее?»

В голове роились вопросы. И самый тревожный: почему я так отчётливо представляю себе всё это, словно видела своими глазами?

– Говорят, – тихо продолжил Дуайт, – что по ночам её силуэт иногда появляется в этом коридоре. Не как призрак, нет... скорее как воспоминание, которое никак не может раствориться. Слуги стараются не ходить здесь после заката.

Я невольно огляделась. Тени в конце коридора вдруг показались мне слишком густыми, слишком... осмысленными.

– Но вы ведь не верите в эти суеверия? – попыталась я улыбнуться, но голос дрогнул.

– Я верю в силу человеческой памяти, мисс Кембэл. А память порой творит странные вещи. – Он снова посмотрел на картину. – Знаете, мистер Грэнхолм никогда не разрешает её перемещать. Говорит, что это единственное, что осталось от той истории. Единственное, что связывает нас с ней.

Я провела пальцем по раме, чувствуя под пальцами тончайшие бороздки резьбы.

«Она была живой, – думала я. – Дышала, смеялась, мечтала. А теперь – только это полотно, только воспоминания, только боль, застывшая в красках».

– Почему вы рассказали мне это? – спросила я наконец, поднимая взгляд на дворецкого.

– Потому что вы смотрели на неё так, как никто прежде. Словно пытались что-то вспомнить. – Он сделал шаг назад, и в его глазах мелькнуло нечто неуловимое – то ли предостережение, то ли сожаление.

В глубине души шевельнулась тревожная мысль: Дуайт явно знал больше, чем сказал. И, возможно, то, что он утаил, было куда важнее рассказанной им истории.

«Кто ты? – безмолвно спрашивала я. – И почему я чувствую, что наша встреча не случайна?»

Ветер за окном шелестел листьями, будто пытаясь что-то прошептать. Я прижала ладонь к груди, чувствуя, как колотится сердце. Что-то в этой истории – в этой картине, в этих стенах – отзывалось во мне с такой силой, что становилось страшно.

Последний раз взглянув на полотно, я отошла. Дуайт, видимо поняв, что я закончила любоваться, повёл меня дальше. Но я уже не смотрела по сторонам – все мои мысли были заняты рыжеволосой девушкой с картины. Её образ преследовал меня, словно тень, шепчущая что-то на забытом языке.

Ещё около получаса мы осматривали поместье, слушали его историю, пока наконец не добрались до комнаты, где мне предстояло прожить ближайший месяц.

– А вот и ваша спальня, – Дуайт распахнул массивную резную дверь и жестом пригласил войти. – Прошу прощения, но на этом я вынужден вас покинуть. Если вам что-то понадобится, смело обращайтесь ко мне или к Агате.

С этими словами он взглянул на карманные часы – явно безумно дорогие, с тонким узором на крышке – и вышел, оставив меня одну.

Я растерянно оглядела интерьер. Светлая, просторная спальня в кремовых тонах. Большие окна выходили на роскошный сад, где розы и пионы сплетались в причудливый узор. Всё выглядело настолько утончённым и изысканным, что я почувствовала себя не в своей тарелке – словно была здесь лишней, случайным гостем в этом мире благородных линий и безупречного вкуса.

В простых джинсах и толстовке я казалась себе чужестранкой в этом пространстве, во всём этом доме. Здесь всё говорило о традициях, о поколениях, бережно хранивших этот уголок, а я была лишь мимолётно появившейся фигурой, чьё присутствие нарушало вековую гармонию.

Я медленно подошла к окну, коснулась гладкой поверхности подоконника. За стеклом шелестели листья, а вдалеке виднелась беседка, утопающая в плюще. Где-то пел соловей, и его трели смешивались с шорохом ветра.

«Что ждёт меня здесь?» – подумала я, чувствуя, как тревога снова подступает к горлу. Но вместе с ней было и что-то ещё – робкое любопытство, желание разгадать тайны этого места, которое уже начало втягивать меня в свой загадочный водоворот.

– Ужин подать в столовой или желаете поесть в комнате? – голос Агаты звучал ровно, без малейших оттенков эмоций. Казалось, передо мной не живая женщина, а безупречно отлаженный механизм: движения точные, речь выверенная, взгляд холодный и отстранённый.

– Если можно, я бы хотела поужинать в спальне, – ответила я, невольно сжимая пальцами край кофты.

Агата коротко кивнула, даже не удостоив меня взглядом. Развернулась с механической грацией и вышла, оставив после себя едва уловимый шлейф лавандового парфюма – единственный признак человеческой природы.

Я медленно обвела взглядом комнату. Массивная кровать с резным балдахином из бордового бархата, расшитого золотыми нитями, занимала почти половину пространства. У её подножия сиротливо примостился мой чемодан – единственный осколок привычной жизни в этом чужом, пропитанном старинной роскошью мире.

Подойдя к кровати, я без сил опустилась на мягкий матрас. Пружины едва слышно скрипнули, принимая мой вес. Закрыла глаза, пытаюсь упорядочить вихрь мыслей. Воспоминания о ночном кошмаре вспыхнули перед внутренним взором – по спине пробежала ледяная дрожь, а шея вновь отозвалась тупой пульсирующей болью.

Тишину разорвал тихий, почти робкий стук в дверь. Я резко села – голова тут же закружилась, перед глазами заплескали разноцветные искры. Стук повторился, на этот раз чуть настойчивее.

«Наверное, Дуайт вернулся. Может, что-то забыл?» – подумала я, пытаюсь унять внезапную волну тревоги. В то, что стучать может Агата, верилось слабо – её шаги всегда бесшумны, а решения окончательны.

– Войдите, – произнесла я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Дверь приоткрылась с тихим скрипом, и на пороге возникла миниатюрная девушка лет семнадцати. Её светлые волосы были заплетены в две аккуратные косички, перевязанные голубыми лентами. В глазах – смесь робости и искреннего любопытства.

– Добрый вечер, мисс Кембэл. Я Мэри, с этого дня буду вашей личной горничной, – она склонилась в почтительном поклоне, одновременно вкатывая в комнату столик с ужином. Только сейчас я разглядела её форменное платье: тёмно-синяя юбка, белый передник и кружевной чепчик, аккуратно прикрывающий волосы.

Я попыталась улыбнуться как можно теплее:

– Привет, Мэри. Можешь звать меня Лина.

Девушка на мгновение замерла, словно не веря своим ушам. Затем робко улыбнулась в ответ и кивнула.

– Я могу вам чем-то помочь сейчас? – её голос звучал тихо, но в нём чувствовалась искренняя готовность угодить.

Я задумалась. Взгляд невольно упал на чемодан у кровати. Просить незнакомку разбирать личные вещи казалось неправильным, но и справляться в одиночку не было сил.

– Знаешь, Мэри, – начала я осторожно, – тут есть место, где я могла бы порисовать? Я художница, и мне важно иметь пространство для работы.

Её глаза удивлённо расширились – видимо, такой вопрос она не ожидала. На лице промелькнуло замешательство, сменившееся решимостью.

– Я немедленно узнаю у дворецкого! – воскликнула она с энтузиазмом. – А пока... может, вам помочь с вещами? – она бросила взгляд на чемодан, и в её глазах читалась почти детская надежда: «Позвольте мне быть полезной».

Я заколебалась, но всё же покачала головой:

– Спасибо, я сама. Но буду очень благодарна за информацию о месте для рисования.

Мэри слегка поджала бледные губы, но тут же снова улыбнулась:

– Конечно! Я скоро вернусь.

Она вышла, тихо притворив за собой дверь. Наконец-то я смогла расслабиться. Глубоко вздохнув, поднялась и подошла к чемодану. Расстёгивая замки, я невольно думала о том, как странно всё складывается в этом доме.

Спустя примерно четверть часа дверь снова приоткрылась. Мэри вошла с сияющей улыбкой:

– Дворецкий сказал, что подготовит для вас небольшую студию на втором этаже. Там достаточно света и тишины – идеальное место для творчества!

– Спасибо, Мэри, ты просто чудо! – искренне поблагодарила я.

В этот момент телефон в кармане джинсов завибрировал. Я достала его и прочитала сообщение:

«Привет, Огонёк! Можешь начинать хвалить меня. Твой лучший друг Кайл смог договориться с клиентом. Заказчик согласился перенести сроки, но с одним условием: ты нарисуешь картину красками. Позвони мне, когда будешь свободна».

Улыбка невольно растянулась на лице. Дав знак Мэри, что она может идти я набрала номер Кайла – в ответ лишь длинные гудки.

«Неужели занят?» – мелькнула мысль.

Пройдясь по комнате, я снова опустилась на кровать. Взгляд невольно устремился к балдахину. Витиеватый узор из золотых нитей на бордовом бархате завораживал: казалось, он движется, сплетаясь в причудливые образы. Я всматривалась в него, пока реальность не начала расплываться, словно акварельные краски под струёй воды.

Меня затягивало в туманную воронку. Лишь когда с пересохших губ сорвалось облачко пара, я сумела вынырнуть из забытья. В спальне резко похолодало – настолько, что дыхание стало видимым. Кожа покрылась мурашками, в глазах потемнело на секунду. Живот скрутил болезненный спазм, от которого перехватило дыхание.

Тяжёлый смрад ударил в нос – запах сырости, гнили и чего-то ещё, неуловимо знакомого. Тошнота подкатила к горлу, вызывая волну паники. Выронив телефон, я вскочила с кровати. Голова гудела, ноги подкашивались, а воздух словно стужился, мешая дышать.

«Дыши... Дыши... Это всё не по-настоящему», – мысленно повторяла я, пытаюсь сосредоточиться на ритме сердца.

Внезапно тишину пререзал чей-то хриплый вздох – будто кто-то тяжело дышал прямо за спиной. Я резко распахнула глаза и медленно обернулась.

Спальня утопала в густом, почти осязаемом тумане. За окном больше не было видно ни неба, ни цветущего сада – лишь беспросветная пустота, поглощающая всё вокруг. В груди похолодело, дыхание стало прерывистым. Тёмные изломанные тени скользили по стенам, смыкаясь вокруг меня, словно живые существа. Возникло жуткое ощущение, что я здесь не одна.

На мгновение показалось, что тени скалятся в уродливой пародии на улыбку – их контуры дрожали и искажались, принимая пугающие формы. Чужой взгляд ощущался почти физически – будто чьи-то невидимые пальцы скользили по коже. Запах становился невыносимым, проникая в каждую клеточку тела. Истерика подступала к горлу, но крик застыл в груди, когда я увидела: за окном, в крошечной тьме, на меня смотрели два горящих неоновым светом красных глаза...

Глава 11

– Е-е-е-ва-н-ге-ли-ли-на... – противный скрипучий шёпот пробирал до костей, вибрировал в воздухе, проникал в каждую клеточку тела. Перед глазами всё плыло – комната то расплывалась в мутной дымке, то вновь обретала очертания, но уже искажённые, чудовищные. Темнота сгушалась, обступая со всех сторон, а шёпот всё звучал и звучал, будто сверлил череп изнутри.

– Кто ты?! Что тебе от меня нужно?! – крик сорвался с губ, но тут же утонул в зловещем завывании, раздавшемся со всех сторон. Тени заплясали в безумном танце, сливаясь в жуткую какофонию силуэтов. Я слышала их шёпот, их голоса – десятки, сотни голосов, шепчущих что-то неразборчивое, но от этого ещё более пугающее. Ужас пробирал до самых костей, ледяными щупальцами обвивая сердце. Кожа горела от пронизывающего холода, будто кто-то высасывал из неё тепло.

«Что происходит? Они не настоящие... Не настоящие... Они не могут быть реальными!» – панические мысли бились в помутневшем сознании, словно раненые звери в клетке. Я пыталась ухватиться за логику, за здравый смысл, но реальность ускользала, растворялась в этом кошмаре.

– Найди нас... – горячее дыхание опалило макушку, и по телу прокатилась волна первобытного ужаса. Я резко мотнула головой, пытаясь избавиться от наваждения, но взгляд невольно упёрся в стену.

На кремовых обоях, теперь казавшихся грязно-серыми, танцевали огромные искажённые тени. Они изгибались, вытягивались, принимали очертания чудовищ с когтями и клыками. Я ощущала, как немеют пальцы, как бешено колотится сердце в груди, но стояла словно парализованная, не в силах пошевелиться.

– Не до-до-ве-рай... – одна из теней будто оторвалась от стены. Её ноги коснулись ковра, и тот мгновенно окрасился тёмно-бордовыми пятнами, будто пропитался кровью. Она сделала шаг вперёд, вытянув длинную когтистую лапу в мою сторону. Шёпот был едва слышен, но я сумела разобрать последнее слово.

– Кому не доверять?! Что вам нужно от меня?! – истерика подступала к горлу, душила, сжимала тисками. Мои вопросы тонули в завываниях этих тварей, растворялись в хаосе звуков и образов. По щекам бежали слёзы, тело била крупная дрожь, а в груди разрасталась пустота, поглощающая последние крохи самообладания.

Отчаяние накатило с такой силой, что колени подкосились. Удушающий спазм сжал горло, не позволяя сделать вдох. Мир сузился до размеров этой комнаты, до этих теней, до этого невыносимого шёпота. Не выдержав, я зажмурила глаза, помутнённые от слёз.

А тени всё кружились в безумном танце. Я слышала их смех, их голоса, чувствовала их присутствие – осязаемое, подавляющее. Но стояла, не в силах прекратить этот кошмар.

И вдруг – тишина.

Оглушающая, абсолютная тишина обрушилась на меня, словно тяжёлый занавес. Всё закончилось так же внезапно, как и началось. Меня всё ещё трясло, тело казалось ватным, непослушным, но... теней больше не было. Туман рассеялся. Комната выглядела обычной – той самой, куда меня поселили несколько часов назад.

– ...Лина?! Ты слышишь меня?! – голос Кайла прорвался сквозь пелену шока не сразу. – ... Чёрт побери, Кембэл! Если ты сейчас же не возьмёшь трубку, то я...

На трясущихся ногах я подошла к кровати, нащупала телефон, лежавший рядом с подушкой. Экран светился, отображая имя друга.

– К-кайл... – удалось выдавить из себя только его имя. Голос не слушался, дрожал, прерывался. Хотелось кричать, биться в истерике, но я не могла позволить себе эту роскошь.

– Что случилось?! – в его голосе звучало столько беспокойства, что внутри всё сжалось. – Ты что, плачешь? Этот придурок Бейтс снова тебя достаёт? Мне разобраться с ним? Ты только скажи, и я...

– Нет!.. Нет... Нет, – отчаянно забормотала я, пытаюсь совладать с эмоциями. – Нет, Кайл, это не из-за него. – Кусая губу так сильно, что почувствовала металлический привкус крови на кончике языка, я пыталась собраться. Внутри всё сжималось от напряжения, будто кто-то скрутил мои внутренности в тугий узел.

– Если это не он довёл тебя до такого состояния, тогда что случилось?

Я молчала, пытаюсь подобрать слова. Так сильно хотелось рассказать ему всё – про шёпот, про тени, про этот леденящий ужас, сковавший меня. Но как объяснить то, что даже для меня звучало как бред сумасшедшего?

– Мне кажется... Я... – зажмурилась, тряхнула головой, пытаюсь найти в себе силы продолжить. Сердце сжималось от страха, лёгкие горели от недостатка кислорода. Но я игнорировала это, цепляясь за последнюю нить самообладания.

– Что тебе кажется, Лина? – его голос, тёплый и тревожный, вырвал меня из пучины страха. Собравшись с силами, я наконец ответила:

– Мне кажется... я просто переутомилась. Знаешь, в последнее время я почти не сплю. Вот и сорвалась, – выдавливаю из себя, кусая до боли губы. Сердце колотится так бешено, будто пытается вырваться из груди.

Но правду я сказать не могу. Просто не могу... В груди сжимается ледяной комок страха: а вдруг снова никто не поверит? Воспоминания о предательстве бывшего парня – свежие, кровоточащие раны, которые даже время не сумело залечить.

– Ты сейчас серьёзно? – в голосе Кайла ни тени сомнения: он сразу понял, что я вру.

Судорожно вздыхаю, пальцы сами собой впиваются в край кофты, сминая ткань.

– Ты совершенно не умеешь врать, Кембэл, – его слова бьют наотмашь. От ледяного тона сердце сжимается, а чувство вины обволакивает душу липким туманом.

– Прости... – шепчу едва слышно, чувствуя, как к горлу подступают рыдания. Понимаю: Кайл не поверил ни единому моему слову.

Рвано вздыхаю и бессмысленно уставилась на стену, будто там могли найтись нужные слова.

– Неужели в твоих глазах я не стою даже капли доверия? – его голос режет, словно осколки льда. – Я же вижу, что с тобой что-то происходит! Ты ходишь как в воду опущенная, шарахаешься от каждого шороха. – Он делает паузу, и я чувствую, как краснеют щёки от стыда. – Стоит мне заговорить об этом, ты тут же закрываешься. Чёрт, Лина, я думал, мы достаточно сблизились, чтобы ты могла мне довериться!

«Жалкая... Жалкая трусиха...» – шепчет внутренний голос, безжалостно вонзая иглы в истерзанное сознание.

– Мне жаль... Прости, – голос звучит глухо, будто издалека. В животе снова этот мерзкий холодок – точно такой же, когда я врала родителям в детстве.

Тишина. Кайл молчит, а я еле сдерживаю слёзы, обжигающие глаза.

«Нет... Нет... Это не то, что я хотела сказать!» – мысль бьётся, как раненая птица в клетке, но слова застревают в горле. Я лишь кусаю губы до крови, ожидая его вердикта.

– Мне тоже жаль... – раздаются короткие гудки. Кайл бросил трубку.

Внутри что-то рушится, рассыпается на миллионы осколков. Горький привкус отчаяния заполняет всё тело. Рыдания вырываются наружу – я уже не в силах их удержать. Перед глазами всё плывёт от слёз. Хочется кричать, выть от бессилия. Ненавижу себя за слабость, за трусость, за то, что снова всё испортила.

«Молодец, ты только что оттолкнула Кайла», – безжалостно констатирует внутренний голос, пока я, сотрясаясь от рыданий, пытаюсь собраться.

С трудом поднимаюсь на ватных ногах, подхожу к столу. Тёмный скетчбук лежит почти на краю – будто сам ждёт, когда его возьмут. В голове что-то щёлкает. Трясущимися руками хватаю его и карандаш, возвращаюсь на кровать.

Слёзы катятся по щекам, пальцы дрожат, но я уже не замечаю этого. Страх и горечь сжимают горло, но я начинаю рисовать – отчаянно, яростно, будто это последний шанс уцепиться за реальность.

Сначала лишь хаотичные линии, резкие штрихи, беспорядочные пятна. Но постепенно сквозь хаос проступает силуэт – до боли знакомый, ужасающий.

Через час на странице возникает монстр: огромный рот, зашитый гнилыми нитками, распалхнут в беззвучном крике. Свисающая плоть, рваные вены, из которых сочится чёрная кровь. Он кажется живым – вот-вот вырвется из бумаги и набросится на меня.

Я всматриваюсь в его изуродованное лицо... и вдруг вижу в нём себя.

С немым криком отбрасываю скетчбук. Дыхание сбивается, я хватаю воздух ртом, будто тонущий человек. Внутри всё сжимается от леденящего осознания.

«Нет. Нет. Нет. Нет».

Голос ломается. Комната кружится, силы иссякают. Монстр не снаружи – он внутри, и он пожирает меня изнутри. Слёзы льются снова, но теперь они жгут, как кислота. Я сжимаюсь в комок, понимая: выхода нет. Уже слишком поздно.

В спальне стоит туалетный столик с большим резным зеркалом из светлого дерева. На ослабевших ногах подхожу к нему.

Вглядываюсь в своё отражение. Растрёпанные кудри обрамляют опухшее от слёз лицо. Веснушки, обычно такие милые, теперь кажутся неестественно яркими на бледной, почти прозрачной коже. Глаза – красные, заплаканные, с тёмными кругами от бессонных ночей. Взгляд – потерянный, испуганный.

«Это я? Или уже кто-то другой?» – мысль проскальзывает, как ледяной ветерок.

Прикасаюсь к зеркалу. Поверхность холодная, гладкая – такая обычная, земная. Но в глубине отражения мне чудится движение. Что-то шевелится за моей спиной, в тени угла комнаты.

Резко оборачиваюсь – пусто. Только кровать и скетчбук, валяющийся раскрытым, с тем ужасным рисунком.

«Кайл... Я потеряла его. Из-за своей трусости, из-за страха быть непонятой».

Боль сжимает сердце, и я опускаюсь на пол, прижимая ладони к лицу. Слёзы просачиваются сквозь пальцы, капают на пол.

В зеркале остаётся лишь размытое пятно – моё отражение, искажённое слезами. Пытаюсь собраться, сделать глубокий вдох, но воздух застревает в горле.

– Что со мной происходит? – шепчу, но голос тонет в тишине.

Тишина давит, окутывает, словно саван. Ни шёпота, ни теней – только я и моё разбитое отражение.

Медленно поднимаюсь, подхожу к скетчбуку. Рисунок всё ещё там – монстр с зашитым ртом, с рваными венами, с лицом, в котором я узнала себя. Протягиваю руку, провожу пальцем по бумаге. Карандаш оставил глубокие следы, будто я пыталась выцарапать это существо из листа, из себя.

«Если я не могу рассказать Кайлу, если не могу довериться ему... кому тогда я могу довериться? Себе?»

Сжимаю карандаш так сильно, что костяшки белеют. В голове – хаос, в душе – пустота. Но где-то глубоко, под слоями страха и вины, теплится слабый огонёк.

«Я должна разобраться. Сама. Пока не стало слишком поздно».

Поднимаю скетчбук, закрываю его, прижимаю к груди. Взгляд снова падает на зеркало. Теперь в нём – просто девушка. Уставшая, напуганная, но всё ещё живая.

«Я не сдамся. Не сейчас».

Делаю шаг назад, затем ещё один. Подхожу к кровати, сажусь, обнимаю скетчбук. В тишине комнаты слышен только стук моего сердца – неровный, но настойчивый.

«Я найду ответы. Даже если придётся заглянуть в самые тёмные уголки своей души».

Возвращаюсь к зеркалу. Теперь я вижу не только лицо. Вижу, как подрагивают пальцы, как блестят от слёз щёки, как неровно вздымается грудь. Всё это – я. Но одновременно... будто не я.

Судорожно дышу, прислушиваясь к бешеному стуку сердца. Время будто замирает, растягиваясь в бесконечность. Я всё стою и смотрю в глаза своего отражения, утопая в насыщенном янтарном оттенке с золотыми крапинками – словно в двух маленьких солнцах, запертых за стеклом.

И вдруг – ледяной укол осознания: у чудовища из моего кошмарного рисунка были мои глаза. Те же вкрапления золота, тот же оттенок боли и безумия.

В душе разрастается отчаяние – дикое, чудовищное, всепоглощающее. Оно заполняет каждую клеточку, вытесняя воздух, мысли, волю.

Я – тот самый монстр, которого нарисовала.

Он смотрит на меня из зеркала.

Он живёт внутри меня.

Тяжёлый стук в дверь вырывает из омута мыслей. Я вздрагиваю, растерянно озираюсь. Взгляд падает на настенные часы: почти десять вечера.

– Да? – голос звучит глухо, будто из-под толщи воды.

– Мисс Кембэл, это Мэри. Если вы поужинали, могу ли я забрать посуду? – из-за двери доносится вежливый, чуть сдержанный голос служанки.

Рассеянно перевожу взгляд на стол: нетронутый ужин стынет под серебряной крышечкой. Вина тут же оплетает сердце колючей проволокой. Слова срываются быстрее, чем я успеваю их обдумать:

– Прости, Мэри, я ещё не закончила. Не могла бы ты забрать посуду утром?

Замираю, уставившись на деревянную дверь, будто могу увидеть за ней реакцию служанки. В голове – вихрь несвязных мыслей, они сталкиваются, рассыпаются, не давая сосредоточиться.

– Я поняла вас. Рядом с вашей кроватью есть кнопка – если я вам понадоблюсь, просто нажмите на неё. Доброй ночи, мисс Кембэл, – спустя долгую минуту отвечает Мэри. В её тоне сквозит лёгкое недовольство, но перечить гостье она не смеет.

Устало тру глаза, снова бросаю взгляд в зеркало. Отражение кажется чужим: бледное лицо, воспалённые глаза, тени под ними – словно следы от когтей.

Мне срочно нужно с кем-то поговорить. Только один человек способен выслушать, понять, не осудить.

Дрожащими пальцами набираю номер Тома. Гудки тянутся невыносимо долго, а потом раздаётся бесстрастный голос автоответчика.

– Добрый вечер, это Лина. Мне срочно нужно поговорить с вами. Пожалуйста, перезвоните мне, – выпаливаю на одном дыхании и нажимаю «отбой».

В комнате душно, воздух будто сгустился, давит на плечи. Мне нужен воздух. Простор. Свобода.

Взгляд цепляется за окно: за стеклом чернеет сад, окутанный сумеречной дымкой. Решение приходит молниеносно – слишком быстро, чтобы успеть его обдумать.

Схватив куртку, которую так и не успела повесить, выхожу из комнаты. Дом погружён в тишину – видимо, все уже готовятся ко сну.

Не знаю, как нахожу дорогу среди бесконечного лабиринта коридоров. Пятнадцать минут блужданий – и я бесшумно выскальзываю за дверь. Каменная дорожка ведёт вглубь сада, растворяясь в полумраке.

Страх – не единственное, что я чувствую. Меня накрывает водоворот эмоций: вина, отчаяние, злость, тоска. Они кружатся в безумном танце, сбивая с ног, путают мысли, превращая их в вязкую кашу.

Голова гудит, глаза горят от невыплаканных слёз. Мне всё равно, куда идти, – лишь бы подальше от зеркала, от своего отражения, от правды, которую невозможно отрицать.

Ветер шевелит волосы, приносит запах сырой земли и поздних цветов. Я иду, не разбирая дороги, позволяя темноте обнимать меня, скрывать от мира.

Где-то вдали мерцают огни. Они кажутся такими далёкими, нереальными – как и моя жизнь, как и я сама.

«Кто я теперь? – мысль пронзает сознание.

Но ответа нет. Только шелест листьев и биение сердца – неровное, испуганное, но всё ещё живое.

Глава 12

Следующие дни я с головой ушла в работу. С Кайлом мы больше не говорили – я пыталась связаться, дозвониться, написать, но он полностью игнорировал все мои звонки и сообщения. Мне не хватало лучшего друга; ссора с ним легла на сердце болезненным грузом, тяжёлым и ноющим, словно незаживающая рана.

Сев в постели, устало тру лицо. Спальня утопала в полумраке – из-за тяжёлых штор казалось, что сейчас поздний вечер, а не семь утра. Накануне я почти всю ночь провела над чертежами. Мой проект был формально завершён, но после того, как Дуайт показал отведённое под постройку место в парке, у меня появились новые идеи. Хотелось дополнить итоговый вариант, сделать его органичнее.

Изначально я создала макет оранжереи в викторианском стиле. Но, увидев сад и архитектуру дома, решила внести лёгкие элементы классической архитектуры – добавить колонны, смягчить линии. Однако картинка, родившаяся в голове, упорно не ложилась на прежний план. Пришлось несколько раз переделывать всё с нуля.

Несколько бессонных ночей. Бесконечные чашки кофе. И вот наконец на моём столе лежит идеальный чертёж.

Но работы предстояло ещё очень много. Уложиться в месяц, как я наивно надеялась, уже не получалось. Пришлось звонить в университет, договариваться о переносе сроков. В такие моменты особенно остро ощущалась пустота – мне безумно не хватало Кайла, его дурашливых шуток, его умения в два счёта развеять тревогу. Я скучала по другу...

Тихий стук в дверь вырвал меня из размышлений. Голова была тяжёлой, виски сдавливали тупая боль – последствия хронического недосыпа давали о себе знать.

– Входите, – мой голос прозвучал слишком устало.

Дверь распахнулась, и в комнату впорхнула Мэри. Она была в своей неизменной форме горничной; русые волосы, как всегда, заплетены в две большие косички. В руках – небольшой поднос.

– Доброе утро, мисс Лина! – её голос прозвучал чуть громче, чем обычно, словно она старалась добавить в него побольше бодрости. – Завтрак будет подан в голубой столовой. Вам помочь собраться? – Пройдя к кровати, она аккуратно поставила поднос на прикроватную тумбочку.

На подносе – утренний чай и несколько долек лимона, украшенных гвоздикой. Мэри внимательно оглядела меня, но на этот раз вместо привычного сдержанного неодобрения в её взгляде промелькнуло что-то тёплое.

– Я... я добавила в чай немного мяты, как вы в прошлый раз упомянули, что любите, – чуть запнувшись, тихо добавила она, опустив глаза. – Надеюсь, вам понравится.

Я невольно улыбнулась. За последнюю неделю Мэри постепенно становилась всё более открытой. Поначалу она держалась строго, чётко следуя правилам приличия, но постепенно начала проявлять свою настоящую натуру – нежную, немного застенчивую, с искренним желанием угодить.

– О, спасибо, Мэри! Это очень мило с твоей стороны, – я потянулась к чашке, вдохнула аромат. – Выглядит восхитительно.

Она слегка порозовела и нервно поправила косичку.

– Если хотите, я могу заплести вам волосы... Ну, то есть, если вы позволите, – она запнулась, явно смущаясь собственной смелости. – Я умею делать простые причёски. Мама всегда говорила, что у меня ловкие пальцы...

В её голосе звучала такая искренняя надежда, что я не смогла отказать.

– Было бы здорово, Мэри. Спасибо. – Я слегка наклонила голову. – Только давай без «мисс Лина», ладно? Просто Лина. Мы ведь уже неделю вместе, а ты всё ещё держишься так официально.

Её глаза широко раскрылись, а потом она робко улыбнулась.

– Хорошо... Лина. – Произнеся моё имя без титула, она словно сделала маленький шаг навстречу доверию. – Тогда я сейчас принесу гребень и ленты. У меня есть очень красивые – голубые, под цвет столовой. Они вам точно подойдут!

Она уже почти выбежала из комнаты, но вдруг остановилась в дверях, обернулась и с воодушевлением добавила:

– И ещё... если вам понадобится что-то особенное – может, какой-то цветок для вдохновения или книга, которую сложно найти, – просто скажите мне. Я знаю все уголки этого дома и сада. Я помогу!

В её глазах светилась такая искренняя готовность быть полезной, что на душе стало теплее.

– Спасибо, Мэри. Ты очень добра. – Я улыбнулась ей по-настоящему, впервые за долгое время чувствуя, как внутри что-то оттаивает. – Жду тебя с гребнем.

Мэри кивнула, её лицо озарилось счастливой улыбкой, и она выскользнула за дверь, оставив после себя лёгкий шлейф аромата ванили и жасмина.

Я осталась одна в комнате, вдыхая аромат чая с мятой и лимоном. Тёплый пар поднимался над чашкой, рисуя в воздухе причудливые узоры, а за окном медленно пробуждался рассвет – первые лучи солнца пробивались сквозь тяжёлые шторы, золотя пылинки в воздухе.

Поднявшись с кровати, я направилась в ванную, разминая затекшие мышцы. После чая боль в висках постепенно отступала. Устало вздохнув, я зашла в душ, старательно избегая взгляда в зеркало.

Не знаю почему, но после того случая я старалась как можно реже смотреть на своё отражение. Кошмары, к счастью, больше не возвращались.

Встав с кровати, иду в ванную, по пути разминая затекшие мышцы. После утреннего чая боль, сдавливающая виски, постепенно отпускает. Устало вздохнув, прохожу в душ, избегая взгляда в зеркало. Не знаю почему, но после того случая я стараюсь как можно меньше смотреть на свое отражение. Кошмары меня, слава богу, больше не посещали.

Но то, что я почувствовала, когда увидела в своем отражении черты той твари, до сих пор преследует меня, нависая большой черной тенью.

Одевшись, я сажусь на кроать, задумчиво смотря на сад за большим окном.

Мысли крутились вокруг Мэри. Её искренность трогала до глубины души. В этом огромном, холодном доме, где каждый шаг отзывался эхом в пустых коридорах, её присутствие становилось островком тепла. Я вспомнила, как неделю назад она впервые вошла в эту комнату – испуганная, робкая. А теперь... Теперь в её глазах светилась надежда, а в голосе – неподдельное желание помочь.

Раздался лёгкий стук в дверь, и в проёме вновь показалась Мэри. В руках она держала гребень из полированного дерева и несколько лент – нежно-голубых, точно под цвет столовой.

– Я принесла всё, что нужно, – она шагнула внутрь, осторожно прикрыв за собой дверь. – Вы уже выпили чай? Он не остыл?

– Ещё нет, – я улыбнулась. – Жду, когда ты начнёшь творить своё волшебство.

Мэри подошла ближе, и я уловила лёгкий аромат её духов – тонкий, едва заметный, словно отголосок летнего сада. Она аккуратно распустила мои волосы, и её пальцы, лёгкие и уверенные, начали прочёсывать пряди.

– У вас такие красивые волосы, – тихо заметила она, сосредоточенно разделяя их на секции. – Длинные, блестящие... Я всегда мечтала о таких.

– А мне кажется, твои косички куда изящнее, – ответила я, наблюдая за её работой в зеркале. – Ты делаешь их сама?

– Да, с детства. Мама говорила что длинные волосы всегда нужно собирать в причёску. – Она слегка улыбнулась, но в её голосе проскользнула нотка грусти. – Хотя иногда хочется распустить их, почувствовать, как ветер играет с прядями...

Я замолчала, обдумывая её слова.

Время от времени она останавливалась, рассматривала результат, чуть поправляла выбившиеся пряди.

– Вот так, – наконец произнесла она, закрепляя ленту.

Я взглянула в зеркало. Коса легла мягкими волнами, а тёмно-зелёная лента удачно оттеняла рыжину волос.

– Прекрасно, Мэри. Ты молодец.

Её лицо озарилось робкой улыбкой, и в этот момент она показалась мне почти счастливой.

Мы вышли в коридор. Утренний свет пробивался сквозь высокие окна, рисуя на паркетном полу причудливые узоры. Но не успели мы сделать и десяти шагов, как сзади раздался оклик:

– Мэри!

Она вздрогнула, обернулась. В конце коридора стояла старшая горничная, строго сложив руки на фартуке.

– Тебя ждут в восточной галерее. Немедленно.

Мэри побледнела, бросила на меня виноватый взгляд.

– Лина, простите... Я сейчас вернусь, только... только подождите немного, пожалуйста.

– Конечно, – я мягко кивнула. – Я подожду здесь.

Прислонившись к стене, я задумчиво разглядывала коридор. Помещение было обставлено с изысканной роскошью – каждая деталь говорила о безупречном вкусе и немалых средствах. Мои глаза скользили по интерьеру, жадно впитывая впечатления.

Прямо напротив моей комнаты, в полумраке коридора, висела картина в тяжёлой позолоченной раме. Я замерла, вглядываясь в полотно. Без сомнения, это была работа Айвазовского – его стиль я узнавала мгновенно.

На холсте бушевало море во время шторма. Вода казалась почти чёрной – настолько тёмной, что, словно поглощала весь свет вокруг. Волны яростно закручивались, пенясь и вздымаясь, будто сама природа выплескивала на холст всю свою неистовую ярость.

Я не могла оторвать взгляд. Тёмные, почти чёрные тона воды контрастировали с ослепительно-белой пеной гребней. Где-то вддали, едва пробиваясь сквозь грозные тучи, мерцал одинокий лучик света.

Это было подлинное творение романтизма – не просто красивая картина, а эмоциональный взрыв, способный пробудить самые глубокие чувства. По коже пробежали мурашки. Игра контрастов будоражила воображение, цепляла за душу, проникала в самое сердце. Стоя в тихом коридоре старого поместья, я словно становилась частью этого вечного противостояния стихии и человеческого духа.

– Мисс...

Я вздрогнула от холодного, скрипучего голоса. Рядом стояла Агата. Её лицо, как всегда, было непроницаемо, а в глазах читалась пугающая пустота.

– Доброе утро, – я вежливо улыбнулась, отходя от стены. – Жду Мэри и не могу оторвать глаз от этого пейзажа. Это Айвазовский, не правда ли? Потрясающая работа, согласитесь?

Агата окинула меня равнодушным взглядом и перевела его на картину.

«Боже, зачем я оправдываюсь перед ней?» – пронеслось в голове.

– Вы закончили? – её бесстрастный голос заставил меня почувствовать себя провинившимся ребёнком. Щеки вспыхнули от стыда и смущения.

– А где Мэри? – вопрос сорвался с губ прежде, чем я успела его обдумать.

Кажется, мой вопрос удивил Агату. Впервые за всё время нашего знакомства на её бледном, немолодом лице промелькнуло живое выражение.

– Мэри занята другим поручением. Я вполне способна сама отвести вас на завтрак, – в её голосе звучала едва уловимая насмешка.

Тонкие губы Агаты тронула едва заметная улыбка, а в глубине глаз вспыхнул недобрый огонёк. «Злость?» – мелькнула тревожная мысль. Я непроизвольно сглотнула и отвела взгляд.

– Прошу за мной, – не дожидаясь ответа, Агата разворачивается и направляется в сторону столовой.

Я медлю лишь мгновение, затем следую за ней. В груди нарастает тревожное ощущение – будто невидимые нити стягивают сердце.

«Интересно, почему Агата лично решила проводить меня? Почему не поручила это другим горничным?»

Её поведение выбивается из привычного распорядка. От неё словно исходит едва уловимая угроза – не явная, но ощутимая, как холодный сквозняк в закрытом помещении.

Мы молча движемся по коридорам поместья. Я разглядываю прямую спину экономки. Тёмно-русые волосы с проседью собраны в низкий пучок; строгая форма, сшитая с безупречной точностью, придаёт ей сходство с дамами начала XX века. Манеры, осанка, сдержанная грация – всё это создаёт образ из прошлого. Но есть в ней нечто, что разрушает эту иллюзию: тяжёлая, почти грузная походка, лишённая всякой элегантности.

А глаза... Они словно не принадлежат человеку. Холодные, пустые, без малейшего проблеска эмоций. От этого взгляда по спине пробегает ледяной озноб.

Я усилием воли отгоняю тревожные мысли, пытаюсь сосредоточиться на окружающем.

Наконец мы подходим к столовой. Агата открывает массивные двери, украшенные резьбой и жестом пропускает меня внутрь.

Первое, что бросается в глаза, – огромная хрустальная люстра. Солнечные лучи, проникающие сквозь витражные окна, преломляются в гранях, рассыпаясь по комнате радужными бликами. Столовая утопает в свете и цветах: вазы с живыми цветами расставлены на каждом столе, на консолях, на подоконниках. Особенно впечатляет букет алых роз в центре обеденного стола – их насыщенный цвет контрастирует с голубыми обоями, украшенными золотистым орнаментом.

Канделябры с позолотой, массивные бархатные шторы, резные рамы окон – каждая деталь подчёркивает роскошь этого помещения.

– Сегодня на завтрак у вас овсянка, яичница с беконом и жареными томатами, тосты с маслом. Подать чай или кофе? – раздаётся голос.

Передо мной появляется незнакомая горничная, аккуратно расставляющая блюда на стол. Аромат свежей выпечки и жареного бекона пробуждает голод, и желудок тут же напоминает о себе настойчивым урчанием.

– Кофе с молоком и двумя кубиками сахара, пожалуйста, – отвечаю я.

Горничная кивает и исчезает за дверью. Я наконец приступаю к еде.

Завтрак проходит в тишине. Я медленно ем, позволяя себе насладиться вкусом каждого блюда, и в то же время жадно разглядываю обстановку. Огромные окна в пол, витражи, голубые бархатные шторы – всё это выглядит так, словно я попала в декорации старинного фильма.

«Хоть я и нахожусь в Давенридже уже несколько дней, успела увидеть не так много. Поместье поражает масштабами и великолепием – настоящее произведение искусства, как снаружи, так и внутри».

Но главный вопрос остаётся без ответа: почему хозяин этого роскошного дома нанял меня – простую студентку без опыта и связей? Мысль о том, что он был очарован моим талантом, кажется наивной. В моей группе учились куда более перспективные и одарённые студенты.

Так, погружённая в размышления, я не замечаю, как заканчивается завтрак, а за ним и обед.

В своём кабинете я просматриваю списки материалов для оранжереи. Голова гудит от усталости – цифры, наименования, расчёты сливаются в одно сплошное пятно. Мне срочно нужен перерыв.

Откинувшись на спинку чёрного кожаного кресла, я закрываю глаза. Но даже в темноте перед внутренним взором мелькают бесконечные столбцы данных. Ничего не подходит. Всё не то. Это раздражает, выводит из себя, заставляет сжимать кулаки до боли в пальцах.

В этот момент телефон издаёт короткий сигнал. Я неохотно протягиваю руку и беру его.

На экране крупными буквами светится: «Софи».

«Странно...» – думаю я. На часах всего три – в это время подруга должна быть на работе.

– Да, – отвечаю, не став гадать дальше. – Привет, Соф...

В трубке раздаётся сдавленный всхлип. Я мгновенно напрягаюсь, ручка в руке замирает над отчётом, который нужно сдать до конца дня.

– Лина... – слышу своё имя, а затем – безудержные рыдания.

Сердце сжимается от тревоги. Софи не из тех, кто плачет без причины. За всю нашу дружбу я слышала её слёзы лишь однажды – когда умер её дедушка, с которым она была невероятно близка. Тогда мы просидели на скамейке у его дома до рассвета, обнявшись, и она шептала сквозь слёзы: «Он был моим компасом...»

– Соф, что случилось? – спрашиваю, нервно постукивая пальцами по столу и уставившись в стену, будто она может дать ответ. В висках стучит: «Только не Люк. Только не они».

– Он... он... – её голос прерывается, слова звучат неразборчиво, словно она пытается что-то проглотить.

– Кто он? О ком ты, Соф? – пальцы сами сжимаются в кулаки, а воображение уже рисует самые страшные сценарии: авария, болезнь, что-то необратимое.

– Он... бросил меня... – сквозь рыдания выдавливает Софи, и я наконец разбираю её слова.

В голове мгновенно складывается пазл. Софи и Люк были вместе со школы – детская дружба переросла в первую любовь, а потом в серьёзные отношения. Они казались идеальной парой: вместе поступили в колледж, устроились в одну фирму, всегда держались за руки, словно боялись потерять друг друга. Их отношения напоминали те самые истории из романтических книг, в которые хочется верить, но которые редко случаются в реальной жизни.

– Люк? Люк тебя бросил? Подожди... ты уверена? – голос звучит недоверчиво. – Может, ты что-то не так поняла?

Это немыслимо. Люк обожал Софи. Носил её на руках, запоминал каждую мелочь – от любимого сорта чая до названия детской книжки, которую она перечитывала раз десять. Помню, как он однажды привёз ей горячий шоколад из той самой кофейни, где они впервые поцеловались, потому что «она грустила».

– Д-да... Вчера он не вернулся домой. Я подумала, что остался у родителей – мы немного повздорили на днях. Но сегодня я зашла в его кабинет, а там он... с... с... – её голос дрожит, слова даются с трудом.

Я молча жду, давая ей время. Слышу, как она всхлипывает, пытается выровнять дыхание.

– Он был с Мирандой. С секретаршей... – выпаливает она и снова срывается в истерику. – Я зашла без стука, хотела извиниться за вчера... А они... они даже не заметили меня. Он целовал её, Лина! Прямо там, на его столе!

Горькая волна печали накрывает меня. Сердце сжимается от боли за подругу. Она не заслужила этого. Ни капли.

– Тише, тише, – шепчу я, проводя рукой по щеке, пытаюсь отогнать собственные воспоминания. Перед глазами вспыхивает тот вечер с Брайаном: его холодный взгляд, слова, которые резали глубже ножа, запах дождя на асфальте.

Я глубоко вдыхаю, сосредотачиваясь на настоящем. Сейчас не время для моих призраков.

– Почему он так? – голос Софи ломается. – Что ему не хватало? Может, потому что она красивая? Ноги от ушей, накачанные губы... Почему я не такая? Почему я недостаточно хороша?

– Послушай меня очень внимательно, – говорю твёрдо, стараясь вложить в слова всю уверенность, которой на самом деле не чувствую. – Ты – самый светлый человек, которого я знаю. Ты яркая, красивая, умная. Ты потрясающая подруга, и, поверь мне, как девушка ты просто идеальна. Если этот... этот человек повёлся на пустую оболочку и вот так легко отказался от тебя, от ваших отношений – это не твоя потеря. Это его самая большая ошибка.

Пауза. Слышу, как Софи шмыгает носом, пытается собраться.

– Но я любила его, Лина. По-настоящему. Как в книгах. Как в тех фильмах, которые мы смотрели по выходным. Я думала, это навсегда...

– Знаю, – мягко отвечаю я. – И это нормально – чувствовать боль. Но это не значит, что так будет всегда.

Делаю паузу, взгляд случайно падает на календарь на столе. И тут меня осеняет.

– Тебе срочно нужна смена обстановки. Приезжай на выходные сюда.

– Сюда? К тебе на работу? – её голос тихий, безжизненный. От этого тона сердце сжимается ещё сильнее.

Нет. Я не оставлю её одну. Не позволю ей пройти через это в одиночку, как когда-то прошла я.

– Да. Я знаю отличный отель неподалёку, скину тебе координаты. Небольшой девичник, смена обстановки – тебе это необходимо. Мы закажем твою любимую пиццу, посмотрим дурацкие комедии, будем петь в караоке до хрипоты. Помнишь, как в университете?

Софи молчит. Потом тихо:

– А вдруг мне не станет легче? Вдруг это никогда не пройдёт?

– Пройдёт, – говорю я твёрдо. – Не сразу, но пройдёт. И знаешь что? Когда-нибудь ты оглянешься назад и поймёшь: это было не концом, а началом чего-то нового.

Она всхлипывает.

– Ты всегда знаешь, что сказать...

– Потому что ты этого заслуживаешь. А теперь давай решим детали. Во сколько ты сможешь выехать?

– Не знаю... Может, в пятницу после работы?

– Отлично. Я бронирую номер и встречу тебя на вокзале. И ещё кое-что... – я делаю паузу, подбирая слова. – Ты не одна, Соф. Даже если кажется иначе. Я здесь. Всегда.

На другом конце провода долгая тишина. Потом тихий, дрожащий голос:

– Спасибо, Лина. Без тебя я бы...

– Не надо, – перебиваю я мягко. – Мы же команда, помнишь? «Софи и Лина: против всех невзгод».

Она издаёт слабый смешок.

– Помню.

– Вот и отлично. А теперь собирай вещи. И возьми с собой тот дурацкий халат с единорогами – он всегда поднимает настроение.

Софи смеётся – на этот раз чуть громче, чуть живее.

– Ладно. Я... я постараюсь.

– Просто приезжай, – говорю я. – Остальное я беру на себя.

Когда звонок завершается, я опускаюсь в кресло и закрываю глаза. В груди всё ещё теплится тревога за подругу, но теперь к ней примешивается и другая эмоция – решимость. Я сделаю всё, чтобы Софи снова почувствовала вкус жизни. Потому что она этого заслуживает.

А ещё... возможно, этот уик-энд нужен не только ей. Возможно, мне тоже стоит напомнить себе, что после тёмной ночи всегда наступает рассвет.

Остаток дня я провожу в тревожных раздумьях. Хочу помочь, но боюсь сделать хуже. Пытаюсь связаться с Томом, но он не отвечает. Уверенность, с которой я утром принималась за дела, тает, как лёд на солнце.

Ночью сон не идёт. Я ворочаюсь в постели, пытаюсь найти удобное положение, но мысли не дают покоя. Они кружат в голове, как голодные звери, готовые разорвать меня на части.

Простыни мягкие, пахнут жасмином – сладкий, чуть терпкий аромат. Я закрываю глаза, вдыхая его, пытаюсь успокоиться.

Лунный свет льётся в окно, заливая комнату серебристым сиянием. Сегодня я попросила Мэри не занавешивать шторы – хочу видеть этот свет, этот тихий, спокойный мир за стеклом. Он играет на гладкой поверхности мебели, рисует причудливые узоры на полу.

Массивные тени деревьев ползли по потолку и стенам спальни, колыхаясь от дуновений ветра. Вокруг царил удрушающая тишина – ни шума улицы, ни голосов людей.

В душе разрастался страх. Стоило прикрыть глаза, и передо мной возникали два алых омота, налитых кровью. Я видела очертания гнилых зубов, ощущала тошнотворный запах, проникающий под кожу. С ужасом, с бешено колотящимся сердцем я распахивала глаза, вглядываясь в бархатный балдахин кровати.

Тени на стенах медленно сливались в знакомые очертания монстров. Они подкрадывались всё ближе. Я ждала, когда костлявые руки тварей обовьют моё тело, закроют рот и нос, и я задохнусь в агонии, потонув в страхе и отчаянии. Тьма медленно поглощала меня, и с этим ужасом было невозможно справиться. Руки вспотели, сердце билось часто и громко.

Я услышала тяжёлое дыхание – оно доносилось из глубины комнаты и становилось всё громче. Монстр из кошмаров приближался. Я попыталась закрыть глаза и уши, жадно ища спасения, но страх сковывал тело.

Не выдержав, я вскочила и выбежала из комнаты – куда угодно, лишь бы подальше от этих тварей. Хотелось спрятаться так, чтобы никто не смог найти. Я неслась по коридорам и лестницам, не разбирая дороги. Монстры не отставали – поджидали за поворотами, заставляя меня менять направление.

Дыхание сбилось, руки тряслись, но я продолжала искать убежище. Увидев большие резные двери главного холла, я без раздумий толкнула их. Двери поддались, и я вырвалась на улицу. Ледяной ветер ударил по горящим щекам, обжигая холодом, запутывая влажные кудри.

– ХА-ХА-ХА-ХА!

Жуткий хриплый смех пробрал до костей. Волна первобытного ужаса прокатилась по телу. Не раздумывая, я бросилась в сад. Пульс бешено отдавался в ушах.

Спустя несколько минут безумного бега я оказалась в дальней части парка. Здесь почти не было фонарей. Взгляд зацепился за большой куст роз – я нырнула за него.

Обхватив дрожащими руками колени, я положила на них голову. Ветер трепал волосы, по спине и вискам струился пот, лёгкие горели от нехватки воздуха. Я пыталась дышать медленно и размеренно, но страх не отступал.

Вдруг я услышала отчётливые шаги на дорожке. Вздвогнув, подняла голову.

«Неужели они нашли меня? НЕТ... НЕТ... НЕТ!»

Тело дрожало от страха и холода – шелковая пижама не защищала от ледяного ветра. Шаги не прекращались: чёткий стук каблуков разбивал тишину. Я замерла, стараясь не дышать.

Шаги приближались. Слёзы потекли по щекам. От страха я прикусила губу, сдерживая рвущийся наружу крик. Отползла глубже в тень, мечтая слиться с кустом роз. Молилась, чтобы тот, кто шёл, прошёл мимо.

Подбородок дрожал, зубы стучали от холода – я не могла это контролировать. Шаги звучали всё ближе. Я так сильно прикусила губу, что почувствовала металлический привкус крови. Не знаю, почему я просто сидела, но ясно слышала, как кто-то приближается, ступая по каменной кладке.

В этот момент мне показалось, что вот-вот наступит конец. Никогда не думала, что умру так – сжавшись от страха в чужом доме, прячась в кустах роз. Я была до ужаса напугана. Зажмурившись, я ждала конца...

– Кажется, в саду завелась лиса, – разорвал тишину приятный мужской голос. Макушку опалило чьё-то горячее дыхание.

Я резко распахнула глаза, подняла голову – и утонула в синих омутах. Таких до боли знакомых и родных.

Последнее, что я увидела перед тем, как провалиться в темноту, – лицо мужчины, которое я пыталась забыть последние четыре года...

Глава 13

Казалось, я блуждала в кромешной тьме целую вечность. Красные омуты, словно голодные хищники, жадно наблюдали за мной из мрака. Каждый волосок на теле встал дыбом от невыносимого ощущения чужого присутствия. Я кожей почувствовала испепеляющую злость, разлитую в воздухе.

Сил бежать почти не осталось. Отчаяние и страх поглощали меня целиком. Но вдруг сквозь густую мглу пробился крошечный лучик света. Надежда, едва теплившаяся в душе, вспыхнула с новой силой. Собрав последние крупинки энергии, я устремилась к этому спасительному огоньку.

Когда я пришла в себя, тело казалось свинцовым, будто я не спала, а пролежала без движения несколько суток. С трудом разомкнув тяжёлые веки, я медленно приподнялась на мягких, шелковистых простынях.

Пробуждение и тревожный разговор

– Доброе утро, Лина, – голос Мэри прозвучал непривычно мягко, словно она заметила моё нездоровое состояние. В висках пульсировала боль, а перед глазами проносились обрывки ночных кошмаров.

Я медленно открыла глаза, чувствуя, как каждая клеточка тела наполнена усталостью. Мэри, заметив моё состояние, тут же подошла ближе, её серые глаза наполнились искренней заботой.

– Мисс, вы выглядите уставшей. Может, позвать врача? – её беспокойство было почти осязаемым.

– Нет, просто... – мой голос дрогнул, горло пересохло. Я с трудом сглотнула и перевела взгляд на встревоженное лицо горничной.

Мэри присела на край кровати, её рука осторожно коснулась моего лба.

– Что-то случилось ночью? – спросила она с участием, которое раньше я в ней не замечала.

– Кто... принёс меня? – прохрипела я, вглядываясь в лицо Мэри. Её глаза расширились от удивления, но в них не было прежнего формализма.

– О чём вы говорите, мисс? Вы всю ночь провели в своей спальне... – она замолчала, заметив, как я побледнела.

– Я помню, как вышла в сад, как потеряла сознание... – мой голос дрожал, воспоминания были слишком яркими.

Мэри наклонилась ближе, её рука мягко сжала мою.

– Лина, вы точно уверены в своих воспоминаниях? – в её голосе звучало неподдельное участие.

– Да, я помню каждую деталь! – воскликнула я, чувствуя, как паника накатывает волнами. Горничная вздохнула, её лицо выражало искреннее беспокойство.

– Но вы не покидали комнаты, мисс. Когда я пришла вас разбудить, вы мирно спали, – она говорила тихо, словно боясь напугать меня ещё больше.

Я закрыла глаза, пытаюсь собраться с мыслями. Мэри всегда была для меня просто прислугой, но сейчас я видела в ней человека, который искренне переживает.

– Может, это просто сон? – прошептала я, чувствуя, как страх отступает под её внимательным взглядом.

Мэри мягко улыбнулась.

– Возможно, мисс.

«Неужели она так легко поверила?» – недоверчиво подумала я, но лицо горничной выражало лишь привычную уверенность, хотя в её глазах читалось явное беспокойство.

– Мэри, принесите завтрак в мой кабинет, пожалуйста, – попросила я, стараясь сосредоточиться на солнечном луче, играющем на полированной поверхности стола.

– Хорошо, мисс, – тихо ответила она, её голос звучал напряжённо. Мэри вышла, но я почувствовала, что она не верит моим словам.

Оставшись одна, я погрузилась в тревожные мысли. Что происходит со мной? Почему мои воспоминания так противоречат реальности? И почему Мэри так странно себя ведёт?

В голове крутились тысячи вопросов, но ответов не было. Только нарастающее чувство тревоги и неуверенности в собственном рассудке.

День выдался на удивление тёплым и солнечным. После утомительной работы в душном кабинете было особенно приятно выйти на свежий воздух. Я шла по каменной дорожке, подставляя лицо ласковым лучам. Аромат цветов кружил голову, а лёгкий ветерок играл с распущенными волосами.

Постепенно ночные события начали казаться всего лишь страшным сном. Свежий воздух действительно прояснял мысли. Видимо, я слишком много работала в последнее время.

Мысль о ссоре с Кайлом отозвалась болью в сердце. Я чувствовала себя виноватой за то, что не была с ним полностью откровенна. Достав телефон, я записала ему сообщение:

«Привет, знаю, что ты злишься. Но дай мне время, обещаю, как только разберусь во всём, я всё тебе расскажу».

Нажав «отправить», я убрала телефон и решила продолжить прогулку. Медленно шагая по дорожке, я наслаждалась пением птиц и пьянящими ароматами цветов.

Внезапно я услышала шаги и остановилась. По правой аллее шли Дуайт в сопровождении Грэга. Дворецкий что-то объяснял работнику. На лице Дуайта залегли глубокие морщины, седые брови были нахмурены, а руки в белых перчатках были чем-то испачканы, хотя с такого расстояния я не могла разобрать, чем именно.

Моё любопытство разыгралось не на шутку. Притаившись за пушистой пихтой, я навестила уши, пытаюсь уловить каждое слово.

– Если бы дело можно было уладить простыми словами... – холодный голос Дуайта пронзил меня насквозь. Его тон был настолько ледяным, что у меня мурашки побежали по коже.

– Сделай всё тихо, без лишнего шума... А, и вот, сожги это, – с этими словами он снял перчатки и бросил их в руки Грэга.

Лицо Дуайта исказилось от презрения. Он окинул рабочего таким взглядом, будто тот был ниже грязи, и резко отвернулся. В этот момент он заметил меня и поспешил навстречу с деланой улыбкой.

– Добрый день, мисс. Решили прогуляться? – его руки остались за спиной, а улыбка казалась натянутой, почти хищной.

– Добрый день. Да, решила сделать небольшой перерыв, – ответила я, стараясь скрыть своё беспокойство. Его серые глаза, когда-то живые и выразительные, теперь казались потухшими, в их глубине таились какие-то мрачные тайны.

– Похвально. Погода сегодня и правда чудесная. Рекомендую вам прогуляться до восточной части парка, там есть очаровательное озеро, – в его голосе больше не было той теплоты, которую я привыкла слышать. Теперь в нём звучала угроза.

«Может, я действительно схожу с ума? Вижу заговоры там, где их нет», – пронеслось в голове.

– Обязательно схожу, – ответила я, не отрывая взгляда от его спрятанных за спиной рук. Что же было в тех перчатках?

– Приятного вам дня, мисс, – Дуайт поклонился с безупречной вежливостью, но в его глазах промелькнуло что-то зловещее. Он направился к дому, а я осталась наедине со своими тревогами.

Я осторожно выглянула из-за дерева и увидела, как Грэг, получив перчатки, быстро удалился в противоположную сторону. Дуайт же, не оборачиваясь, шёл к особняку, его походка была напряжённой, словно он нёс какую-то страшную тайну.

«Что же происходит в этом доме?» – думала я, наблюдая за удаляющейся фигурой дворецкого.

Тихо отступив назад, я поспешила к озеру, стараясь унять бешено колотящееся сердце, обудмывая то что услышала.

Восточная часть парка встретила меня умиротворением. Берег озера был усыпан нежными кувшинками, а изумрудная трава создавала ощущение сказки. Серебряная рябь на воде отражала небесную лазурь. Солнечные лучи играли на поверхности, создавая причудливые блики.

Я заворожено наблюдала за тем, как ветер гонит волны к берегу, превращая их в жидкое серебро. Воздух был напоен ароматом цветущей вишни и луговых цветов. Глубоко вдохнув, я наполнила лёгкие этой пьянящей смесью.

Чарующее спокойствие озера помогло немного унять тревогу. Я любовалась тем, как солнце золотило водную гладь, пока закат не окрасил небо в алые тона.

Возвращаясь в дом, я решила заглянуть в библиотеку. Воображение рисовало старинные фолианты, пыльные полки и атмосферу тайны.

– Интересно, насколько обширна коллекция книг в нашей библиотеке? – мечтательно подумала я вслух, представляя уютный вечер с книгой и бокалом вина.

В этот момент в коридоре появилась Мэри с подносом в руках. Она была так погружена в свои мысли, что едва не уронила свою ношу.

– Ой, простите, мисс! – воскликнула она, быстро придя в себя.

– Ничего страшного, Мэри, – улыбнулась я, подходя ближе. – Ты, кажется, немного расстроена?

Мэри вздохнула и опустила глаза.

– Просто много дел сегодня, голова кругом идёт.

– Понимаю, – я понимающе кивнула. – Кстати, я как раз ищу библиотеку. Не могла бы ты показать мне дорогу?

Мэри заметно оживилась.

– О, с удовольствием! Библиотека – одно из моих любимых мест в доме. Там так тихо и спокойно... – она мечтательно улыбнулась.

– Правда? – я с интересом посмотрела на горничную. – А ты, наверное, любишь читать?

– О да! В свободное время я часто беру книги из библиотеки. Особенно люблю романы и исторические хроники, – призналась Мэри, немного смутившись.

– Как интересно! – я искренне обрадовалась. – Может, посоветуешь что-нибудь почитать?

Мэри просияла.

– С удовольствием! У нас есть замечательная коллекция классической литературы. Вообще, вам нужно пройти по восточному коридору вы окажитесь в одной из гостинных второго этажа, вам нужно будет повернуть на право.

Следуя её указаниям, я оказалась в небольшой гостиной, кажется она говорила повернуть на лево? Беспомощно покрутив головой, повернула в лево. Коридор впереди тонул в полумраке, лишь редкие лампы бросали тусклый свет. Нервно сглотнув, осоторожно подошла к одному из окон. Там в саду меж деревьев я заметилаа чью-то фигуру, но разглядеть, кто это, не смогла.

Вдруг тень замерла, словно статуя, а затем помахала рукой. От этого механического, неживого движения я отпрянула от окна, будто меня ударило током. Как такое возможно? Я же стояла у окна на втором этаже! Никто не мог меня увидеть...

– До чего же я дошла... Теперь обычные люди пугают меня, – прошептала я, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

Медленно, словно в тумане, я снова подошла к окну, но сад уже был пуст. Тишина давила на виски, а в душе разрасталась тревога.

Внезапно я услышала шорох. Тело отреагировало мгновенно – я резко обернулась, вглядываясь в темноту коридора. Сердце колотилось как сумасшедшее, дыхание стало прерывистым.

– Что же это такое? – прошептала я, чувствуя, как страх сковывает движения.

Шорох повторился, теперь уже ближе. Я отпрянула к стене, прижавшись к ней всем телом. Разум кричал: «Беги!»

Коридор казался бесконечным лабиринтом. Я металась от двери к двери, но все они вели только вглубь темноты. Силы покидали меня с каждым шагом, а паника нарастала, словно снежный ком.

И вдруг впереди мелькнул тусклый свет. Собрав последние крохи мужества, я рванулась к нему, словно утопающий к спасительному кругу.

Захлопнув за собой дверь небольшой комнаты, я прислонилась к ней спиной, тяжело дыша. Пот стекал по вискам, ноги дрожали, а волосы липли к лицу. Но сейчас это казалось мелочью по сравнению с тем ужасом, который я только что пережила.

Постепенно дыхание стало ровнее. Я осмотрелась. Старый кабинет неправильной формы. На массивном столе в серебряном канделябре горела свеча – та самая, чей свет я увидела в коридоре.

Осознание ударило как молния. Я так часто видела эту комнату во сне, что могла нарисовать её с закрытыми глазами.

– Нет... Нет... Этого не может быть! – прошептала я, зажмурившись. Но когда открыла глаза, всё оставалось на месте: тот же стол, тот же камин, те же книги на полках.

Как в трансе я сделала шаг вперёд. Тело словно принадлежало кому-то другому, разум кричал остановиться, но ноги продолжали двигаться.

Беспорядок на столе был до боли знакомым. Те же письма, та же чернильница. Я провела пальцами по золотой вышивке гобелена. В камине потрескивали угли.

Подойдя к окну, я вгляделась в тёмный пейзаж. Всё совпадало с моими снами, только одно было иначе – за окном не шёл снег.

Шаги в коридоре заставили моё сердце пропустить удар. Я знала, что произойдёт дальше. Этот сценарий я проживала во снах бесчисленное количество раз. Знакомое тепло разлилось по телу, а в душе поднялась волна тоски.

Время словно остановилось. Я стояла, затаив дыхание, прислушиваясь к приближающимся шагам. И вот... скрип открывающейся двери разорвал тишину...

Глава 14

– Мисс... – чей-то голос донёлся словно сквозь вату. Кто-то осторожно тряс меня за плечо. Сквозь шум в ушах и пульсирующую боль я с трудом разлепила тяжёлые веки.

Передо мной маячило встревоженное лицо Мэри. Её глаза были полны беспокойства, а губы дрожали. Несколько долгих секунд я пыталась осознать, где нахожусь и почему горничная выглядит так напугано.

– Г-где я? – голос прозвучал хрипло, будто чужой. В горле словно застрял ком, не давая нормально дышать. Мысли путались, а перед глазами мелькали обрывки воспоминаний.

– Мисс, вы долго не просыпались... Я уже собиралась звать помощь, – сбивчиво проговорила Мэри. Её голос казался слишком громким, отдаваясь в голове пульсирующей болью.

Я прикоснулась ко лбу и почувствовала жар. Растерянность постепенно сменялась осознанием. Оглядевшись, я поняла, что нахожусь в своём кабинете. Это отрезвило меня лучше любого ушата холодной воды.

Боль отступила на второй план, пока я осматривалась вокруг, пытаюсь понять, реальность это или очередной кошмар. Нервный озноб пробежал по телу, усиливаясь с каждой секундой.

– Мэри, помнишь, как мы встретились в холле второго этажа после обеда? – я заговорила лихорадочно, схватив девушку за плечи. Меня не заботило, как это выглядит со стороны – я была уверена в том, что была в том проклятом кабинете.

Схватив испуганную Мэри, я начала трясти её, не обращая внимания на усиливающуюся боль в висках.

– О чём вы, мисс? Вы с обеда не покидали кабинет, – пролепетала Мэри, заикаясь от страха. Её глаза металась по моему лицу, а голос дрожал.

Моё сердце замерло. В этот момент на меня обрушилась страшная правда. Силы мгновенно покинули тело, пальцы разжались, и Мэри отпрянула, потирая предплечья.

«Это снова был сон...» – мысль ударила как обухом по голове, выбивая воздух из лёгких. Сознание отчаянно сопротивлялось, не желая принимать реальность.

Я тяжело опустилась в кресло, чувствуя, как дрожат руки. Мэри осторожно приблизилась, готовая в любой момент отпрянуть.

– Мисс, с вами всё в порядке? – её голос звучал непривычно мягко, почти нежно.

– Нет, Мэри, – прошептала я, – совсем не в порядке. Мне кажется, я схожу с ума...

Горничная колебалась всего мгновение, прежде чем присесть рядом.

– Вы не сошли с ума, мисс. Просто... просто у вас были тяжёлые дни. Может, стоит поговорить с врачом? – в её голосе слышалась искренняя забота.

Её забота тронула меня до глубины души. Впервые за долгое время я почувствовала, что не одна в этом хаосе.

«Это ведь не может быть правдой?» – в отчаянии смотрю на побелевшую горничную. Голова становится тяжёлой, а грудь сдавливают тяжёлые вязкие мысли. Внутри меня что-то надрывается и с хрустом ломается. С губ срывается хриплый смешок, затем ещё и ещё, пока я не захожусь в истерическом неконтролируемом смехе. Я смеюсь, а внутри меня всё рушится...

– М-мисс, вы в порядке? – Мэри говорит осторожно, но в её голосе я слышу страх. Нелепый вопрос вызывает лишь ещё один истерический смешок.

– Мэри, не могла бы ты оставить меня одну? – служанка недоверчиво смотрит на меня, будто стоит ей покинуть кабинет, как я совершу какую-нибудь глупость.

– Вы уверены? – в её глазах читается неподдельное беспокойство.

– Да! – к горлу подступила тошнота от нервного перенапряжения. Горничная кивает и молча покидает кабинет, оставляя меня наедине с собой и мыслями.

Сажусь в кресло, пытаюсь осознать происходящее. «Я схожу с ума» – эта мысль мучает меня. Скопившееся напряжение последних дней лопнуло, разливаясь болезненной горечью по телу.

Облокотившись на спинку кресла, устало прикрываю глаза. Одинокая слеза скатывается по моей щеке, но я быстро смахиваю её. Невольно бросаю взгляд на дверь, за которой скрылась Мэри. Стены кабинета давят.

«Что со мной происходит?» – этот вопрос эхом отскакивает от стен. Мысли кружатся в голове, словно вихрь. Я чувствую, как рассудок начинает ускользать.

Облокотившись на спинку кресла, устало прикрываю глаза. Одинокая слеза скатывается по моей щеке, но я быстро смахиваю её. Невольно бросаю взгляд на дверь, за которой скрылась Мэри. Стены кабинета давят. Файлы на столе кажутся угрожающими символами неразрешимых загадок.

В голове крутятся мысли, словно шестерёнки сломанного механизма. Я пытаюсь собрать их воедино, но они ускользают, как песок сквозь пальцы. Каждая попытка разобраться в происходящем только усугубляет моё состояние.

Медленно опускаю голову на стол, пытаюсь найти хоть какое-то утешение в прохладе полированного дерева. Но даже это не приносит облегчения. Внутри меня – пустота, заполненная страхом и неопределённостью.

«Что со мной происходит?» – этот вопрос повис в воздухе без ответа.

Тяжёлые раскаты грома эхом разносились по помещью, заставляя стёкла окон дребезжать. Я резко поднялась с кресла, распахнула окно, впуская в кабинет прохладную вечернюю свежесть. Холодный воздух обжигал разгорячённую кожу, принося долгожданное облегчение.

Солнце медленно клонилось к горизонту, окрашивая небо в багряные тона. Тяжёлые тучи, словно свинцовые плиты, медленно заползали на небосвод, обещая грозу. Закрыв глаза, я сделала несколько глубоких вдохов, как учил Том. Лёгкие наполнились свежестью, и постепенно мысли начали рассеиваться.

«Тук-тук-тук», – раздался осторожный стук в дверь, вырывая меня из меланхоличного транса. Вздвогнув от неожиданности, я резко обернулась, прогоняя остатки задумчивости.

– Входите, – произнесла я, возвращаясь в кресло и принимая максимально непринуждённую позу.

На пороге появился Гарет – безупречный, как всегда. Его улыбка была открытой и искренней, а костюм сидел идеально, словно он только что вышел из ателье. В его глазах читалось неподдельное участие, но я не могла избавиться от ощущения, что за его добродушием скрывается что-то ещё.

– Добрый вечер! Надеюсь, я не помешал вашей работе? – его голос звучал так же дружелюбно, как и в нашу прошлую встречу, но сейчас в нём проскальзывали нотки беспокойства.

– Добрый вечер. Нет, я как раз собиралась спуститься к ужину, – ответила я, выдавив вежливую улыбку. Нервно заломив пальцы под столом, я прикусила щёку изнутри, пытаюсь скрыть своё волнение.

– Вы кажетесь бледной. Что-то случилось? – в его глазах мелькнуло искреннее беспокойство, но я заметила, как его взгляд скользнул по моему лицу, словно пытаюсь прочесть скрытые мысли.

– Обычная усталость, – беспечно пожала я плечами, отводя взгляд. Кажется, мой ответ его удовлетворил – его плечи расслабились, а улыбка стала шире, но я видела, как в глубине его глаз промелькнуло сомнение.

– Вы приехали обсудить рабочие вопросы? – спросила я, внимательно наблюдая за ним, пытаюсь уловить малейшие изменения в его поведении.

– О, нет! Сегодня я здесь по личной инициативе. Сопровождал мистера Грэнхолма в поместье и решил заглянуть к вам, узнать, как вы устроились на новом месте, – его голос звучал непринуждённо, но я чувствовала, что он что-то не договаривает.

Я с подозрением посмотрела на Гарета. Возвращение хозяина особняка не предвещало ничего хорошего. В моей голове крутились тревожные мысли, и я не могла избавиться от ощущения, что за этим визитом кроется какой-то скрытый смысл.

– Как видите, всё в порядке, – развела я руками, натянув самую убедительную улыбку. Сейчас я была слишком измотана для светских бесед, но не могла позволить себе показать слабость.

Наш разговор прервал голос Дуайта, раздавшийся из-за двери:

– Прошу прощения за беспокойство, но мистер Грэнхолм приглашает вас к ужину.

Я замерла, переводя взгляд с двери на Гарета, чувствуя, как внутри нарастает паника.

– В таком случае, не откажете ли вы мне в чести сопроводить вас в столовую? – вежливо предложил Беккер, протягивая локоть. В его жесте было что-то настораживающее, словно он пытался контролировать ситуацию.

– Дайте мне минутку, пожалуйста, – попросила я, чувствуя, как дрожат руки. Гарет понимающе кивнул и вышел, оставив меня наедине с собой.

Прикрыв лицо руками, я сделала несколько глубоких вдохов, пытаюсь собраться с мыслями. Встав, подошла к зеркалу и критически осмотрела своё отражение. В глазах читался страх, а губы дрожали.

«Нужно что-то с этим сделать», – подумала я, привычно доставая резинку для волос. Мама всегда ругала меня за эту привычку носить резинки на руке, но сейчас я была ей благодарна. Собрав волосы в небрежный пучок и выпустив несколько прядей, я наконец покинула кабинет.

– Вы чудесно выглядите! – сделал комплимент Гарет, когда я присоединилась к нему. В его голосе прозвучала искренность, но я всё равно не могла полностью ему доверять.

– Благодарю, – кивнула я, принимая его локоть. Мы двинулись к столовой, и я чувствовала, как напряжение нарастает с каждым шагом. И почему всё это кажется таким знакомым, словно я уже пережила это когда-то во сне?

Мы двинулись к столовой. Впереди шёл Дуайт, его идеально прямая спина словно демонстрировала безупречность этикета. Я же погрузилась в свои мысли, пытаюсь понять, что упускаю.

Впереди маячила столовая, но в моей голове рой вопросов не давал покоя. Что-то было не так, что-то ускользало от моего внимания, словно песчинка между пальцами.

«Что же я упускаю?» – этот вопрос эхом отражался в моей голове, пока мы спускались по лестнице.

В звенящей тишине мы достигли массивной деревянной двери с изысканной позолоченной резьбой. Я крутила головой по сторонам, впитывая каждую деталь этого незнакомого крыла дома. Роскошь и богатство буквально кричали из каждого угла, но сейчас мой разум был занят другим.

В голове рисовался образ моего работодателя: представительный мужчина лет пятидесяти, в дорогом костюме, с пронзительным взглядом хищника. Но когда Дуайт распахнул дверь в столовую, все мои предположения рассыпались в прах.

Полумрак комнаты был пронизан мягким светом свечей, играющих на поверхности овального стола. Изысканные блюда манили своим ароматом, но я едва замечала их. Во главе стола сидел он – совершенно не такой, каким я его представляла.

Адам Грэнхолм встал подходя к нам и вставая прямо передо мной во всём своём величии. Его безупречная осанка, словно высеченная из мрамора, притягивала взгляд. Белоснежные

волосы, небрежно ниспадающие на плечи, отливали серебром в свете свечей. Серые глаза, глубокие как океан, казалось, видели меня насквозь, проникая в самые потаённые уголки души.

– Добрый вечер. Вы, должно быть, мисс Кембэл? – его глубокий голос с лёгкой хрипотцой пробрал меня до мурашек, заставляя каждую клеточку тела реагировать на его присутствие.

Я застыла, не в силах вымолвить ни слова. Этот человек... Он был тем, кого я поклялась забыть. Но сейчас он стоял передо мной, такой близкий и такой далёкий одновременно. Время словно остановилось.

«Не может быть... Это невозможно!» – мысли металась в голове, пока я пыталась осознать происходящее. Его аура власти и таинственности окутывала меня, лишая дара речи.

– Д-добрый вечер, – мой голос предательски дрогнул, выдавая внутреннее смятение.

Пока Гарет представлял нас друг другу, я едва слышала его слова. Всё моё внимание было приковано к Адаму, который не сводил с меня изучающего взгляда, словно пытаюсь разгадать все мои тайны.

– Евангелина – практически прошептал он, и моё сердце пропустило удар. Его губы изогнулись в едва заметной улыбке, от которой по телу пробежала дрожь. – У вас очень редкое имя.

Одно его прикосновение к моей руке вызвало настоящую бурю эмоций. Я чувствовала электрический разряд там, где его губы едва коснулись моей кожи. Когда он отодвинул для меня стул, мои колени едва не подогнулись.

– Как вам у нас? Вы хорошо устроились? – его голос звучал так близко, что я едва могла сосредоточиться, чувствуя, как его присутствие заполняет всё пространство вокруг.

– В-всё хорошо, меня всё устраивает, – пролепетала я, механически ковыряя салат, пока мои мысли металась в поисках ответов.

Гарет, заметив моё напряжение, взял разговор на себя, давая мне возможность перевести дух. Мои глаза невольно привлекли яблоки на столе – такие же алые, как мои щёки в этот момент.

Откусив кусочек фрукта, я почувствовала, как терпкий вкус яблока смешивается с горечью осознания: я оказалась в ловушке собственных чувств и воспоминаний, лицом к лицу с человеком, который перевернул всю мою жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.